ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45
2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Майкл Фарадей* (1791–1867) — выдающийся английский физик-экспериментатор и химик, чьи исследования заложили фундамент современной электротехники и учения об электромагнитном поле.

Фарадей родился в поселке Ньюингтон-Баттс близ Лондона (ныне часть Большого Лондона) в семье кузнеца. Семья жила небогато, и систематическое образование мальчику получить не удалось. В 13 лет он оставил школу и начал работать рассыльным в лондонском книжном магазине француза-эмигранта Рибо, а вскоре стал учеником переплетчика. Среди книг, которые ему приходилось переплетать, встречались труды по физике и химии — это пробудило в юноше страстную любознательность. Он тщательно конспектировал прочитанное, иллюстрировал записи и обсуждал идеи с окружающими.

В 1810–1811 годах Фарадей посещал Городское философское общество, где слушал выступления по физике и астрономии. А в 1812 году Фарадей раздобыл билет на цикл лекций Гемфри Дэви — знаменитого химика и физика, директора химической лаборатории Королевского института. Фарадей посетил несколько лекций, глубоко увлекся и отправил Дэви подробные конспекты своих записей. Впечатленный энтузиазмом юноши, в начале 1813 года Дэви взял его ассистентом в свою лабораторию. Осенью того же года Фарадей сопровождал профессора в двухлетнем путешествии по научным центрам Европы.

После возвращения из поездки Фарадей начал самостоятельные исследования. В 1821 году он продемонстрировал электромагнитное вращение — принцип, который лег в основу первого в мире простейшего электродвигателя.

Одним из величайших открытий ученого стала электромагнитная индукция. В августе 1831 года Фарадей доказал, что изменяющееся магнитное поле порождает электрический ток. В отчете, представленном Королевскому обществу 24 ноября 1831 года, он впервые использовал термин «магнитные силовые линии». На основе этого открытия был создан первый электромагнитный генератор — «диск Фарадея». Эти работы заложили основу для развития электроэнергетики: на подобных принципах работают генераторы на электростанциях, трансформаторы и многие другие устройства.

В 1833–1834 годах Фарадей провел серию экспериментов в области электрохимии и сформулировал законы электролиза (законы Фарадея), которые сыграли ключевую роль в развитии теории дискретных носителей электрического заряда. В 1825 году он открыл бензол — важное соединение в химии. В 1845 году ученый обнаружил явление, позднее названное эффектом Фарадея: он показал связь между светом и электромагнетизмом (вращение плоскости поляризации света в магнитном поле). Именно Фарадей ввел в научный обиход ряд терминов: «ион», «катод», «анод», «электролит», «диэлектрик». Он также предсказал существование электромагнитных волн.

Фарадей активно занимался популяризацией науки. С 1826 года он регулярно читал публичные лекции, в том числе знаменитые рождественские. Одна из них — «История свечи» — была издана отдельной книгой и стала одним из первых популярных научных изданий.

Фарадей был глубоко верующим христианином и не изменил своим убеждениям даже после публикации теории Дарвина.

Он отличался скромностью: отказался от предложения стать президентом Королевского общества, не принял рыцарское звание (по религиозным соображениям) и отклонил просьбу британского правительства помочь в разработке оружия во время Крымской войны (по этическим мотивам).

За преданность экспериментальной работе коллеги прозвали его королем экспериментов.

Существует версия, что ухудшение здоровья в поздние годы было связано с отравлением парами ртути, которая часто использовалась в его опытах.

В 1840 году Фарадей тяжело заболел Он жаловался на резкий упадок сил, головокружения и ухудшение памяти. Болезнь периодически обострялась, вынуждая ученого надолго прерывать активную работу. В 1858 году он ушел в отставку с большинства постов и поселился в Хэмптон-Корте, где провел последние девять лет жизни. Майкл Фарадей умер 25 августа 1867 года за письменным столом, немного не дожив до 76-летия. Похоронен рядом с женой на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Он хотел, чтобы похороны были скромными, поэтому на них присутствовали только родственники.

В честь ученого названа единица измерения электрической емкости (фарад), закон электролиза, эффект в оптике, а также медаль и премия Британского королевского общества.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Марина Е. О.
Проблемы применения обеспечительных мер при судебной защите участников государственных закупок 353

Мишенина А. А.
Допустимость электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе: скриншоты, мессенджеры и электронная переписка 355

Мишина Д. В.
Актуальные вопросы допроса адвоката в качестве свидетеля 359

Морозова Л. В.
Развитие и совершенствование налогового законодательства Российской Федерации 361

Назиров А. А.
К вопросу о правовой природе ипотеки: вещный или обязательственный способ обеспечения 365

Несоленая А. А.
Институт наследственного права в Российской Империи 367

Новикова Д. Н.
Квазиадминистративные наказания в сфере саморегулирования: внесудебное исключение саморегулируемых организаций из реестра и пределы процессуальных гарантий 369

Нугуманова Н. М., Корякин И. В.
Конституционные основы защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации 371

Одолад Л. В.
Безотзывная доверенность в российском гражданском праве 373

Омарова А. Х.
Наследование выморочного имущества 375

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.
Специфика участия налогового органа в исполнительном производстве 377

Панюшкин И. О.
Проблемы разграничения ответственности туроператора и турагента и информационного обеспечения потребителя туристских услуг 379

Парамонова С. С.
Особенности заключения договоров в сфере электронной коммерции 381

Патрина К. Р.
Фактические брачные отношения как объект правового регулирования: векторы реформирования российского законодательства с учетом зарубежного опыта 383

Пимонов И. А.
Особенности медиации с участием несовершеннолетнего: процессуальный статус, роль органа опеки и прокурора, защита интересов ребёнка 387

Посметухов И. А.
Рынок ценных бумаг: основы правового регулирования 391

Привалов А. А.
Способы защиты гражданских прав по договору обязательного медицинского страхования 394

Ращепкин А. А.
Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды коммерческой недвижимости на новый срок 395

Росс Д. Н.
Правовое регулирование деятельности приютов для животных в Российской Федерации: проблемы контроля и ответственности 399

Рустамов А. Н.
Проблемы реализации валютного контроля в условиях трансформации законодательства 402

Савко А. В.
Генезис института строительного подряда в российском праве 405

Самохина М. В.
Принятие наследства наследственным фондом: проблемы правовой конструкции и пути совершенствования 407

Соколова Е. А.
Преступления в сфере компьютерной информации: криминалистическая характеристика 409

Сосламбеков М. Б.
Правовая характеристика налоговых правонарушений за неисполнение обязанности по уплате налогов и сборов 412

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы применения обеспечительных мер при судебной защите участников государственных закупок

Марина Елизавета Олеговна, студент магистратуры
Научный руководитель: Папушина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматриваются особенности применения обеспечительных мер при судебной защите прав участников государственных закупок. Анализируется их роль в восстановлении нарушенных прав, а также необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов. На основе действующего законодательства и судебной практики выявляются основные проблемы применения обеспечительных мер и предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: *государственные закупки, судебная защита, обеспечительные меры, участник закупки, государственный контракт, судебная практика, восстановление нарушенного права.*

Эффективность судебной защиты участника закупки во многом зависит от возможности фактического восстановления нарушенного права. Однако закупочные процедуры проводятся в достаточно короткие сроки, поэтому к моменту обращения участника в суд контракт нередко оказывается уже заключенным. В связи с этим особое значение приобретают обеспечительные меры, которые позволяют сохранить существующее положение сторон до разрешения спора по существу. Вместе с тем при их применении необходимо учитывать не только интересы заявителя, но и интересы заказчика, а также публичные потребности, для удовлетворения которых проводится закупка.

Общие основания для принятия обеспечительных мер закреплены в Арбитражном процессуальном кодексе. Статьи 90 и 91 АПК РФ позволяют применить их, когда непринятие мер способно затруднить или исключить исполнение судебного акта, а также когда заявителю грозит значительный ущерб. Среди таких мер есть и запрет ответчику либо другим лицам совершать определенные действия. Применительно к закупочным спорам это дает возможность ставить вопрос о временном запрете на заключение контракта. Сама мера при этом должна быть соразмерна заявленному требованию [1].

Оперативность решения этого вопроса имеет особое значение. Согласно статье 93 АПК РФ, заявление об обеспечении иска судья рассматривает единолично, причем не позднее следующего дня после его поступления в суд, и без извещения сторон [1]. Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание и на другое: нужно учитывать соразмерность меры, вероятность причинения значительного ущерба, а также баланс интересов сторон, третьих лиц и публичных интересов [4]. Поэтому одного лишь факта возникновения закупочного спора недостаточно для приостановления дальнейших действий заказчика.

Эффективность обеспечительных мер напрямую зависит от того, на каком этапе находится закупка. Пока контракт не заключен, сохранение существующего положения дает возможность впоследствии восстановить нарушенное право участника. По общему правилу статьи 51 Закона № 44-ФЗ, контракт по итогам электронной процедуры заключается не раньше чем через десять дней с даты размещения соответствующего протокола в единой информационной системе [2].

При административном обжаловании контрольный орган вправе приостановить определение поставщика в части заключения контракта до того, как жалоба будет рассмотрена по существу [2]. А вот при обращении в суд такого автоматического последствия нет. Участнику придется самостоятельно подать заявление о принятии обеспечительных мер и обосновать их необходимость в соответствии с правилами АПК РФ.

Похожая ситуация возникает и в закупках по Закону № 223-ФЗ. Согласно части 15 статьи 3.2 Закона, договор по результатам конкурентной закупки заключается по общему правилу не ранее чем через десять и не позднее чем через двадцать дней после размещения итогового протокола [3]. Такой срок дает участнику возможность обратиться за защитой, однако реально восстановить свое право он сможет только при своевременном применении соответствующих процессуальных средств.

Обеспечительные меры играют особую роль именно до подписания контракта. На этом этапе участник еще в состоянии вернуться в исходное положение. Когда же договор уже заключен или же началось его исполнение, сделать это становится заметно сложнее.

В закупочных спорах суд вынужден искать баланс интересов сторон. Если приостановить действия заказчика без достаточных оснований, закупка может просто замереть на весь срок судебного разбирательства. И напротив, полный отказ от временной защиты в ряде случаев обесценивает будущее решение суда, лишая его практического смысла.

Верховный Суд Российской Федерации обращал внимание в своем Обзоре судебной практики применения законодательства о контрактной системе от 28 июня 2017 г указывал на необходимость учитывания характера закупочных отношений. Как указал Суд, обеспечительная мера не должна возобновлять процедуру проведения торгов и порождать последствия, которые противоречат целям судебной защиты [5].

Показательно дело № А73–6546/2026 рассмотренное Арбитражным судом Хабаровского края. Суд рассматривал заявление о принятии обеспечительных мер, поданное при оспаривании решения и предписания антимонопольного органа. Заявитель просил приостановить действие предписания, а заодно запретить заказчику заключать контракт с победителем закупки. Суд требование удовлетворил, указав, что дальнейшее развитие закупочной процедуры могло лишить заявленное требование его правовосстановительного значения. Запрет на заключение контракта, в свою очередь, сохранял существующее положение сторон и не вел к возобновлению самой процедуры [6].

По делу № А79–3652/2026 суд выбрал иной подход. Заявитель просил запретить заключение контракта, а если он уже был заключен, приостановить его исполнение. В установлении обеспечительных мер было отказано. Заявитель не представил достаточных доказательств того, что их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение будущего судебного акта либо причинить ему значительный ущерб. Суд также напомнил о необходимости соблюдать баланс частных и публичных интересов [7].

Можно сделать вывод, что при решении вопроса о том, следует ли принимать обеспечительные меры, не так уж важно само наличие спора по закупкам, как скорее негативные последствия, которые может повлечь продолжение осуществления закупки. Заявителю придется доказать, что заключение или исполнение контракта способно реально затруднить восстановление его права. При этом испрашиваемая мера должна соответствовать характеру нарушения и не создавать избыточных ограничений для иных участников отношений.

Одной из основных проблем применения обеспечительных мер в закупочных спорах являются сжатые сроки их принятия. Участник вынужден действовать очень быстро. Если промедлить с обращением в суд или с подачей заявления об обеспечительных мерах, контракт может быть заключен раньше, чем суд успеет отреагировать. В такой ситуации спор меняет свой характер, поскольку приходится учитывать уже сложившиеся договорные отношения и интересы победителя закупки.

Есть и еще одна сложность. Отдельных критериев для обеспечительных мер именно в закупочных спорах так и не выработано. Общими требованиями соразмерности и баланса интересов здесь не ограничиться. Нужно смотреть и на стадию закупки, и на то, сможет ли участник восстановить свое положение после заключения договора, и на срочность удовлетворения потребности заказчика, и на характер предполагаемого нарушения.

Оценка публичного интереса заслуживает отдельного внимания. Важно, чтобы он не сводился лишь к скорейшему заключению и исполнению контракта. В публичный интерес входят и соблюдение законности закупочной процедуры, и обеспечение конкуренции, и расходование средств по установленным правилам. А потому одна только ссылка заказчика на срочность получения товара, работы или услуги не всегда должна блокировать применение обеспечительных мер.

Но автоматически приостанавливать заключение государственного контракта на всю длительность судебного разбирательства было бы чрезмерным. Подобный механизм недобросовестные участники вполне могли бы использовать для затягивания закупочной процедуры. Особенно остро это проявляется при закупке социально значимых товаров, при срочных работах или когда нужно обеспечить непрерывную деятельность государственных учреждений.

Кроме того, представляется, что в данном случае более обоснованным было бы применение иного подхода. В тех случаях, когда участник закупки до подписания договора подал в суд заявление и одновременно обратился с ходатайством о принятии обеспечительных мер, представляется возможным предусмотреть приостановление заключения договоров на непродолжительный срок, достаточный для рассмотрения судом указанного заявления. Однако такое приостановление не сможет действовать в течение всего срока судебного процесса.

Согласно статье 93 АПК РФ, заявление об обеспечении иска рассматривается судом не позднее следующего дня после его поступления. Таким образом, приостановление заключения контракта на этот период позволило бы сохранить существующее положение сторон до принятия судом решения. В то же время сам факт подачи иска не приводил бы к длительной блокировке закупки, поскольку вопрос о необходимости дальнейшего применения обеспечительных мер решался бы непосредственно судом.

Таким образом, обеспечительные меры играют важную роль в судебной защите прав участников закупок. Они позволяют сохранить возможность восстановления нарушенного права до рассмотрения спора по существу. Вместе с тем при их применении необходимо учитывать особенности закупочных отношений, в которых затраги-

ваются не только интересы заявителя, но и права победителя закупки, интересы заказчика, а также публичные потребности.

Следует отметить, что действующее процессуальное законодательство предусматривает общие основания для принятия обеспечительных мер. Однако не в полной мере учитывает особенности споров, возникающих в сфере закупок. В связи с этим представляется целесообразным предусмотреть возможность кратковременного приостановления заключения контракта до рассмотрения судом заявления об обеспечении иска. Такой подход позволил бы повысить эффективность судебной защиты участников закупок, не создавая при этом условий для необоснованного затягивания закупочных процедур.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012;
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 14. — Ст. 1652;
3. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 30, ч. 1. — Ст. 4571;
4. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15;
5. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г.;
6. Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 23 апреля 2026 г. по делу № А73–6546/2026;
7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17 сентября 2026 г. № 01АП-3756/2026 по делу № А79–3652/2026.

Допустимость электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе: скриншоты, мессенджеры и электронная переписка

Мишенина Алёна Андреевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена проблеме допустимости электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе на примере скриншотов, переписки в мессенджерах и электронной почты. Автор исходит из того, что формальное отнесение таких объектов к письменным доказательствам не решает вопроса об их процессуальной доброкачественности: традиционная триада «относимость — допустимость — достоверность» в цифровой среде утрачивает привычную определённость, а грань между допустимостью и достоверностью становится подвижной. В работе анализируются подходы судебной практики к оценке скриншотов, показывается их уязвимость как статичных и потенциально редактируемых изображений, исследуется проблема идентификации участников переписки в мессенджерах, а также оцениваются возможности и пределы нотариального обеспечения электронной информации.

Ключевые слова: *электронные доказательства, допустимость доказательств, скриншот, мессенджеры, электронная переписка, гражданский процесс, арбитражный процесс, достоверность доказательств, нотариальное обеспечение доказательств.*

Цифровизация гражданского оборота привела к тому, что значительная часть юридически значимых коммуникаций переместилась в электронную среду. Договоры согласуются в WhatsApp и Telegram, претензии направляются по электронной почте, факты нарушения прав фиксируются скриншотами. Однако процессуальное законодательство не успевает за этой реальностью: в гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ) и арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) до сих пор отсутствует понятие «электронное доказательство», а суды вынуждены оценивать цифровые материалы по правилам, созданным для бумажных документов.

Настоящая работа исходит из гипотезы, согласно которой проблема допустимости электронных доказа-

тельств в гражданском и арбитражном процессе не сводится к формальному вопросу о том, к какому виду доказательств их следует относить. Гораздо важнее то, что традиционная триада свойств доказательства — относимость, допустимость и достоверность — в условиях цифровой среды приобретает принципиально иное звучание: грань между допустимостью и достоверностью становится подвижной, а подчас и вовсе размывается.

Формально российский законодатель не выделяет электронные доказательства в самостоятельный вид. Статья 71 ГПК РФ относит к письменным доказательствам документы и материалы, выполненные в форме цифровой записи, в том числе полученные через интернет. Аналогичный подход закреплён в части 3 статьи 75 АПК РФ, где прямо говорится о документах, полученных посредством сети Интернет. Казалось бы, ответ на вопрос о допустимости предрешён: если информация получена через интернет и представлена в бумажной или электронной форме, она подпадает под категорию письменных доказательств.

Однако за этой внешней простотой скрывается серьёзная теоретическая проблема. В доктрине отсутствует единство даже по вопросу о том, являются ли электронные доказательства самостоятельным видом средств доказывания или лишь «электронной начинкой» классических письменных доказательств. Консервативная позиция, которую разделяют, в частности, А. П. Вершинин и С. П. Ворожбит, состоит в том, что электронный документ следует рассматривать как разновидность письменного доказательства, поскольку использование технических средств для его прочтения не меняет его правовой природы [2, с. 96; 3, с. 14]. Альтернативный взгляд, напротив, настаивает на особом месте электронных доказательств в системе средств доказывания, указывая на специфику их формирования, хранения и восприятия [4, с. 1078; 8, с. 206].

Письменное доказательство в классическом понимании предполагает наличие автора, подписи, даты и относительно устойчивой материальной формы. Электронное сообщение, напротив, легко тиражируется без потери качества, его материальный носитель отделим от содержания, а идентификация автора требует дополнительных усилий, подчас выходящих за пределы обычных процессуальных процедур. Именно поэтому механическое распространение правил о письменных доказательствах на цифровые объекты порождает эффект, который можно назвать «квалификационным разрывом»: суд формально оценивает электронный документ по правилам, предназначенным для документа бумажного, но фактически сталкивается с необходимостью решать задачи, для которых эти правила не приспособлены [6, с. 57].

Суть этого разрыва состоит в следующем. Процессуальный закон формально относит электронные объекты к письменным доказательствам и тем самым как бы автоматически распространяет на них режим допустимости, установленный для документов. Но допустимость в классическом понимании отвечает на вопрос о том, может ли данный вид средства доказывания в принципе использоваться в процессе, и не проверяет, соответствует ли содержание носителя действительности. Для бумажного документа с подписью и печатью такое разделение работало: формальные реквизиты создавали презумпцию того, что содержание исходит от указанного лица. Электронный объект такой презумпции не создаёт. Скриншот не имеет подписи, мессенджер не подтверждает личность отправителя, а метаданные, которые могли бы это подтвердить, находятся вне пределов видимого изображения. В результате суд, формально допустив доказательство по правилам о письменных доказательствах, фактически оказывается вынужден тут же проверять его достоверность — то есть решать задачу, для которой режим допустимости не предназначен. Именно в этом и заключается «разрыв»: квалификация объекта как письменного доказательства не создаёт того минимального уровня доверия к его содержанию, который для бумажного документа создавали формальные реквизиты. Суды, не имея процессуального инструмента для преодоления этого разрыва, начинают использовать категорию допустимости там, где, по существу, речь идёт о достоверности, — и наоборот.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 55 Постановления от 23 апреля 2019 г. № 10 попытался снять остроту проблемы, указав, что допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещённых в интернете (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени её получения [1]. Это разъяснение сыграло двойственную роль. С одной стороны, оно легитимировало скриншот как процессуальное средство, с другой — создало иллюзию, будто соблюдение нескольких формальных реквизитов автоматически гарантирует допустимость. Практика показала, что это не так, как отмечают исследователи, данное положение имеет лишь косвенное отношение к электронной переписке как доказательству и не решает проблему её достоверности в полном объёме [7].

Скриншот — наиболее распространённый, но и наиболее уязвимый вид электронного доказательства. Его главное достоинство одновременно является и главным недостатком: это статичное изображение, которое фиксирует лишь визуальную проекцию цифрового объекта в конкретный момент времени. Всё, что находится за пределами кадра, — контекст, история сообщений, метаданные, сведения об устройстве — остаётся за рамками доказательства. Более того, скриншот принципиально редактируем: современные графические редакторы позволяют изменить содержание изображения без видимых следов вмешательства [7, с. 5].

В доктрине высказывается мнение, что скриншот переписки следует относить к письменным доказательствам в соответствии с частью 1 статьи 75 АПК РФ, и эта позиция находит поддержку у ряда авторов. Однако опре-

деление места электронной переписки в системе доказательств, как подчёркивается в литературе, «не снимает вопрос обеспечения допустимости, относимости и достоверности такого доказательства». Проблема представления электронного документа в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессе специально исследовалась В. В. Захаренко, который указывал на несовершенство процессуальной формы и необходимость выработки дополнительных критериев оценки таких объектов [2, с. 5].

Судебная практика выработала два полярных подхода к оценке скриншотов. Первый, условно говоря, либеральный, исходит из того, что скриншот, заверенный участвующим в деле лицом, является допустимым доказательством, а его достоверность предполагается до тех пор, пока другая сторона не заявит о фальсификации в установленном порядке. В русле этого подхода Верховный Суд РФ указывал, что суду не следует отказывать в удовлетворении искового заявления лишь на том основании, что к нему приложены незаверенные скриншоты электронной переписки [9]. Логика здесь проста и прагматична: требование нотариального заверения каждого снимка экрана сделало бы судебную защиту в цифровых спорах экономически нецелесообразной.

Второй подход, который можно назвать строгим, акцентирует внимание на невозможности установить источник происхождения информации и авторство сообщений. Арбитражные суды неоднократно отмечали, что, если скриншоты сделаны без привлечения независимых специалистов, они не могут служить объективным средством доказывания, поскольку не исключается возможность их самостоятельного изготовления [10]. В судебных актах прямо указывается, что представленные распечатки (скриншоты) могут быть не признаны надлежащими доказательствами, если не подтверждена их подлинность.

Этот конфликт не является случайным. Он отражает фундаментальное противоречие между процессуальной экономией и требованием достоверности. Скриншот допустим тогда, когда он не вызывает сомнений, но именно сомнительность ситуации и порождает необходимость в доказательстве. Если стороны находятся в состоянии спора, предположение о добросовестности скриншота оказывается наивным; если же стороны добросовестны, необходимость в скриншоте как средстве доказывания часто отпадает вовсе. Практика балансирует между этими полюсами, и результат зависит не столько от нормы, сколько от усмотрения конкретного суда.

Если скриншот ставит вопрос о подлинности изображения, то переписка в мессенджере ставит вопрос о подлинности коммуникации. Само по себе наличие сообщений в WhatsApp или Telegram не свидетельствует о том, что они были отправлены именно тем лицом, которое указано в качестве контрагента. Мессенджеры идентифицируют пользователя по номеру телефона, но отображаемое имя контакта формируется на устройстве получателя и может быть изменено произвольно. Более того, номер телефона может быть зарегистрирован на третье лицо, а устройство — находиться в фактическом владении другого человека [8].

Судебная практика последовательно исходит из того, что переписка в мессенджере может быть признана допустимым доказательством только при условии надлежащей идентификации отправителя и получателя. Аналогичная позиция прослеживается и в гражданском процессе: использование переписки в мессенджерах может являться доказательством в суде при наличии возможности идентифицировать лицо, осуществлявшее переписку.

Это требование, внешне нейтральное, на деле превращается в серьёзный барьер. Сторона, представившая скриншоты, должна доказать не только то, что сообщения существовали, но и то, что они исходили от уполномоченного представителя контрагента и относились к спорным правоотношениям. Суды сопоставляют переписку с договором, платёжными документами, регистрационными данными и поведением сторон, и, если такого сопоставления сделать невозможно, доказательство теряет силу. Как отмечает Н. В. Самсонов, закреплённые в процессуальном законодательстве нормы недостаточно полно регулируют весь комплекс отношений, связанных с электронным доказыванием, что порождает неопределённость в оценке допустимости таких доказательств [8, с. 46].

Здесь возникает тонкий процессуальный нюанс, который редко артикулируется в литературе, но имеет принципиальное значение. Требование идентификации участника переписки по своей природе является требованием достоверности, а не допустимости. Однако суды, отказывая в приобщении скриншотов мессенджера, нередко формулируют свои выводы именно в терминах недопустимости доказательства [8, с. 47]. Это смешение категорий имеет практические последствия: оно затрудняет проверку судебного акта вышестоящей инстанцией, поскольку не позволяет однозначно определить, была ли допущена ошибка в применении норм о допустимости или речь идёт об оценке доказательств по внутреннему убеждению.

Наиболее надёжным, хотя и не единственно возможным, способом легитимации электронной переписки остаётся нотариальный протокол осмотра. Статья 103 Основ законодательства о нотариате предусматривает, что обеспечение информации, переданной с помощью интернета, осуществляется путём её осмотра и фиксации в протоколе, в котором нотариус указывает обнаруженные при осмотре обстоятельства. Нотариально удостоверенные доказательства, в отличие от обычных снимков экрана, обладают повышенной доказательственной силой: заявителю не нужно дополнительно подтверждать подлинность зафиксированной информации.

Однако у нотариального пути есть несколько ограничений, которые редко учитываются в дискуссии о допустимости. Во-первых, нотариус подтверждает факт и содержание переписки на определённую дату, но не подтверждает ни авторство сообщений, ни их правовое зна-

чение для конкретных правоотношений. Как справедливо отмечается в аналитических материалах, нотариальное заверение переписки «фиксирует лишь содержание и факт её наличия, но не подтверждает подлинность и неизменность цифровых сообщений, а нотариус не обладает техническими средствами для анализа цифровых следов переписки». Во-вторых, нотариальный осмотр — процедура платная и не всегда доступная оперативно, особенно когда речь идёт о спорах с небольшими суммами или о ситуациях, требующих немедленной фиксации исчезающих цифровых следов. В-третьих, нотариус фиксирует то, что ему показывают; если устройство содержит модифицированную версию приложения или поддельные данные, нотариальный протокол лишь придаст этим данным видимость достоверности.

Поэтому нотариальное заверение следует рассматривать не как универсальное решение проблемы допустимости, а как один из инструментов, целесообразность которого определяется характером спора, поведением процессуального оппонента и ценой возможной ошибки. В спорах, где переписка является вспомогательным доказательством, подтверждающим основной документ, нотариальный протокол может быть избыточным. В спорах, где переписка выступает единственным носителем информации о ключевых условиях сделки, отказ от нотариальной фиксации создаёт риск того, что суд сочтёт доказательство недостаточно достоверным, даже если формально оно будет признано допустимым. Показательно, что в одном из дел суд, столкнувшись с заявлением о фальсификации нотариально заверенных скриншотов, назначил компьютерно-техническую экспертизу, которая позволила исследовать метаданные и следы изменения текста — то есть инструмент, выходящий за пределы компетенции нотариуса.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что допустимость электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессе не является одномоментным формальным свойством, которое либо присутствует, либо отсутствует. Скорее, речь идёт о совокупности условий, каждое из которых смещает оценку суда в ту или иную сторону. К таким условиям относятся: во-первых, наличие в доказательстве идентифицирующих реквизитов (URL, дата и время получения для скриншота; сведения об устройстве и владельце аккаунта для мессенджера); во-вторых, возможность проверки источника происхождения информации независимыми средствами; в-третьих, соответствие формы представления доказательства требованиям процессуального закона, хотя эта форма в отношении электронных объектов остаётся недостаточно определённой; в-четвёртых, отсутствие обоснованных сомнений в неизменности содержания доказательства с момента его создания.

В литературе предлагается и более радикальный путь: дополнить статью 64 АПК РФ указанием на электронные доказательства как самостоятельный вид, а в статью 75 АПК РФ ввести специальные пункты, регламентирующие их представление и оценку. Независимо от того, будет ли воспринят этот законодательный подход, ясно одно: действующая модель, при которой электронные объекты механически распределяются по традиционным видам доказательств, не обеспечивает достаточной определённости. Ни один из существующих критериев не является абсолютным. Скриншот с полным URL и точным временем может быть подделан; нотариальный протокол может удостоверять переписку, не имеющую отношения к делу; переписка с идентифицированным номером телефона может вестись лицом, не обладающим полномочиями. Именно поэтому судебная практика движется не к ужесточению формальных требований, а к усилению требований к достоверности, что внешне выглядит как ужесточение допустимости, но по существу является сдвигом в распределении бремени доказывания.

Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе находятся в состоянии, которое можно охарактеризовать как институциональную неопределённость. Законодатель признал их письменными доказательствами, но не создал процессуального механизма, учитывающего их нематериальную природу. Верховный Суд предложил ориентир в виде скриншота с URL и временем, но этот ориентир оказался слишком грубым для многообразия цифровых объектов [1; 8]. Практика выработала несколько подходов, которые сосуществуют, не будучи приведёнными к общему знаменателю.

В этих условиях важно избежать двух крайностей. Первая — некритическое доверие к формальным реквизитам, создающее иллюзию, будто заверенный скриншот решает все проблемы. Вторая — гипертрофированный скептицизм, требующий нотариального удостоверения каждого цифрового следа и тем самым делающий судебную защиту в цифровых спорах недоступной для большинства участников оборота. Реалистичный подход состоит в признании того, что допустимость электронного доказательства — это не бинарная характеристика, а результат оценки совокупности обстоятельств, включая поведение сторон, характер спора и доступность альтернативных средств доказывания. Именно в этом направлении, как представляется, и будет развиваться практика в ближайшие годы.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».
2. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учебно-практическое пособие. — М.: Городец, 2000. — 247 с.

3. Ворожбит С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — СПб., — 2011.
4. Дёмин А. А. Особенности правового регулирования электронных доказательств в гражданском, арбитражном, административном процессах // Вопросы российской юстиции. 2019. С. 1076–1084.
5. Бегичев А. В. Электронные доказательства и способы их фиксации нотариусом // Нотариус. — 2014. — № 5. — С. 3–9
6. Зарубина М. Н., Павлов А. А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — Т. 9, № 1. — С. 205–222.
7. Захаренко В. В. Проблема представления электронного документа в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник науки и образования. — 2018. — Т. 2, № 7 (43). — С. 56–61.
8. Самсонов Н. В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — Т. 9, № 2.
9. Определение Верховного Суда РФ от 07.02.2023 по делу № 5-КГ22–144-К2 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22–144-k2/
10. Постановление АС Московского округа от 19.03.2024 по делу № А40–210000/2023//URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=521192#fvrD1aVeZmLVZF0w

Актуальные вопросы допроса адвоката в качестве свидетеля

Мишина Дарья Вячеславовна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной публикации исследуются перспективы цифровизации представительных органов муниципальных образований с учетом происходящей информационной трансформации органов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальное образование, представительный орган, цифровизация, население, муниципалитет.*

По общему правилу, допрос адвоката, являющегося защитником обвиняемого, может быть произведен только с согласия доверителя (обвиняемого), а информация, получаемая следователем от адвоката, должна быть ориентирована на защиту клиента и ни в коем случае не ухудшать его процессуальное положение.

В соответствии с п.3 ч.3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] (далее — УПК РФ) запрещается допрос адвоката по факту получения им сведений от своего доверителя; исключением является ходатайство самого адвоката и наличие согласия его доверителя. В этой связи Конституционный Суд РФ указывает на возможность допроса адвоката исключительно по процедурным вопросам, связанным с соблюдениями процессуальных норм [2].

Следственная практика знает случаи, когда адвокат является соучастником совершения преступных действий вместе со своим доверителем. УПК РФ не исключает возможность возбуждения уголовного дела в отношении адвоката, но устанавливает особые процессуальные условия, которые содержатся в Главе 52 УПК РФ.

В некоторых случаях, адвокат располагает информацией о совершении его подзащитным иного преступления, не по которому производится защита. Это требует от органов предварительного расследования производства допроса в отношении адвоката. Однако, эта возможность не определена в УПК РФ, одновременно с этим и отсутствует запрет для производства допроса при данных обстоятельствах.

На практике в подобных ситуациях допрос адвоката производится следователем по собственной инициативе, без получения на то судебного решения. Одновременно с этим, производится отвод адвоката от защиты, в виду невозможности его дальнейшего участия в деле в качестве защитника. Однако, соответствующего основания для отвода в ст. 72 УПК РФ не содержится. Подобного рода процессуальные «ухищрения», которые под видом допроса адвоката фактически нейтрализуют его процессуальный статус защитника, приводят к утрате стороной защиты эффективности защиты прав обвиняемого.

На имеющийся законодательный пробел неоднократно указывали специалисты. Л. Д. Калинкина пишет, что в большинстве случаев следователь инициирует допрос адвоката намеренно, с целью ослабить защитную функцию обвиняемого. Дальнейшее назначение другого защитника никогда не сможет в полной мере компенсировать утраченный защитный потенциал [8, с. 44].

С практической стороны намеренные отвод описывает адвокат Н. Гаспарян: адвокат принудительно доставляется

на допрос к следователю, дает показания, и одновременно с эти получает отвод на дальнейшую защиту интересов своего доверителя. Последующие жалобы в судебные инстанции остаются без удовлетворения [7]. Проблема дошла и Конституционного Суда РФ [3], который, апеллируя к ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 63) и ст. 56 УПК РФ, постановил, что принудительный допрос адвоката-защитника по обстоятельствам, ставшим ему известными от своего доверителя, может быть произведен не иначе, как по решению суда, что не может являться основанием для отвода адвоката. В качестве аргументации своего решения КС РФ сослался на ч. 3 ст. 8 ФЗ № 63, где закреплено требование об обязательности получения органом предварительного расследования судебного разрешения на допрос адвоката. Допрос адвоката возможен без получения судебного решения в случаях, когда адвокат подозревается в совершении преступления в соучастии со своим доверителем.

В целом, поддерживая данное решение, обратим внимание на то, что в ФЗ № 63 не уточняется, в качестве кого может быть допрошен адвокат в порядке ч.3 ст. 8. Кроме того, аналогичной нормы не содержится в УПК РФ, что с процессуальной стороны нивелирует законность проведения данного следственного действия в отношении адвоката.

Следует согласиться с Л. Д. Калинкиной, что процедура допроса адвоката имеет рамочное правовое регулирование, которое не соотносится с положениями УПК РФ, имеет коллизии и пробелы [8, с. 45]. О. А. Савочкин пишет о том, что возможность принудительного допроса адвоката нарушает принцип акадской тайны и должна быть исключена как на уровне законодательства, так и в правоприменительной практике [10, с. 80].

При производстве допроса у адвоката сохраняется конституционное право не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ), что дает ему возможность отказаться от дачи показаний следователю, что не исключает обязанности явится к нему на допрос. При этом, производство допроса в отношении адвоката, на наш взгляд, не должно за собой влечь его дальнейший отвод. Если адвокат подозревается в совершении преступления, он может быть допрошен в качестве подозреваемого, что также не исключает возможности возбуждения в отношении него уголовного дела, в порядке, предусмотренном в УПК РФ.

Позиция КС РФ относительно обязательного получения судебного разрешения на производство в отношении адвоката следственных действий видится эффективной гарантией соблюдения неприкосновенности статуса защитника и соблюдения адвокатской тайны. Адвокатское сообщество должно активно использовать данную позицию, так как она имеет должную юридическую силу и не может игнорироваться участниками уголовного судопроизводства. Добиться формирования единообразной практики предварительного судебного контроля относительно проведения допросов адвокатов позволят системные жалобы в порядке ст.ст. 124, 125 УПК РФ в надзорные органы о нарушении адвокатской тайны и процессуального статуса защитника.

В настоящее время формируется тенденция судебного обжалования допросов адвокатов, проведенных без получения соответствующих судебных разрешений [9]. Так, в качестве примера приведем допрос адвоката, который был вызван следователем без получения должного судебного разрешения и допрошен по тем обстоятельствам, которые стали ему известны в рамках защиты своего доверителя, то есть содержащим информацию, составляющую адвокатскую тайну. Адвокат в порядке ст.125 УПК РФ обжаловал действия следователя, сославшись на п. 1 и 2 ст. 8 ФЗ № 63. Жалоба была удовлетворена, а действия следователя признаны незаконными [4].

Недопустимость допроса адвоката без судебного решения также подтверждается и на этапе судебного производства, где результаты данного следственного действия судом признаются недопустимыми доказательствами на основании ранее указанной нами ст. 8 ФЗ № 63 [5].

Вопрос о возможности допроса адвоката по инициативе следователя следует рассматривать не только с позиции возможности его обжалования в контексте нарушения адвокатской тайны, но и с точки зрения возможности адвоката отказаться от участия в нем и тех последствий, которые в силу этого могут для него последовать.

Так, адвокат, являясь высококвалифицированным специалистом в сфере уголовного судопроизводства, а в прошлом, в большинстве случаев, и должностным лицом со стороны обвинения, хорошо осознает возможность своей неявки на допрос к следователю. Имеет ли смысл игнорировать вызовы на допрос и дожидаться принудительного привода, а в дальнейшем его обжаловать?

Рассмотрим ситуацию из следственной практики, когда адвокат добровольно прибыл на допрос к следователю (то есть не стал дожидаться принудительного привода), однако, отказался от дачи показаний в рамках начатого допроса. Сам обвиняемый не стал обжаловать действий следователя. После этого адвокат в судебном порядке обжаловал действия следователя, в соответствии со ст. 125 УПК РФ. Суд первой инстанции не усмотрел нарушений законности и жалобу оставил без удовлетворения. В апелляционном порядке решение суда первой инстанции оставлено без изменений, жалоба адвоката без удовлетворения [6].

Таким образом, обязательным условием для проведения допроса адвоката является соответствующее судебное решение, получение которого должно предшествовать проведению допроса. При принятии данного решения, в рамках судебного контроля, суд, определяя законность проведения допроса, должен исходить из реальной необходимости его проведения, с учетом имеющихся рисков нарушения адвокатской тайны.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 N 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 N 863-О «По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Басманного районного суда от 09.03.2021 N 3/12–229/2021. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/1ec/Postanovlenie_Basmannogo_suda_Moskvy.pdf. (дата обращения: 27.02.2026).
5. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 23.12.2019 по делу N 22–7021/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2026).
6. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.08.2020 по делу № 10–14448 // СПС КонсультантПлюс.
7. Гаспарян Н. Допрос адвоката обжалованию не подлежит // Адвокатская газета. 15.03.2018. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/dopros-advokata-obzhalovaniyu-ne-podlezhit/ (дата обращения: 14.03.2026).
8. Калинкина Л. Д. Защитить защитника // Адвокатская практика. 2020. № 4. С. 45.
9. Нагорная М. Басманный суд удовлетворил жалобу адвоката на вызов его на допрос по делу доверителя // Адвокатская газета. 17.03.2021. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/basmannyy-sud-udovletvoril-zhalobu-advokata-na-vyzov-ego-na-dopros-po-delu-doveritelya/ (дата обращения: 27.02.2026).
10. Савочкин О. А. Институт адвокатской тайны как гарант обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юстиция. 2016. № 4. С. 80.

Развитие и совершенствование налогового законодательства Российской Федерации

Морозова Любовь Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассмотрены теоретические аспекты налоговой системы Российской Федерации: сущность налогов, их классификация, элементы налогообложения, функции и принципы построения налоговой системы. Определена актуальность исследования развития налоговой системы РФ.

Ключевые слова: *налог, элементы налогообложения, налоговая система, налоговый кодекс.*

Актуальность темы «Развитие и совершенствование налогового законодательства в Российской Федерации» неоспорима, так как в настоящее время в России уделяется особое внимание налоговой системе. Разрабатываются и публикуются новые законы, проекты и нормативные акты по улучшению, совершенствованию налоговой системы. Идет формирование нового подхода к разработке и реализации инструментов воздействия фискальной политики государства на развитие динамики макроэкономических показателей государственной экономики. Данные реформы свидетельствуют о стремлении РФ изменить экономическое положение в стране в лучшую сторону.

Одним из экономических рычагов, при помощи которых государство влияет на рыночную экономику, являются налоги. В рыночной экономике в каждом государстве налоговую политику используют как своего рода регулятор воздействия на негативные рыночные явления. Налоги, как и вся налоговая система, являются мощным инструментом управления экономикой в рыночных условиях.

Применение налогов является одним из экономических методов управления и обеспечения взаимосвязи национальных интересов с коммерческими интересами предпринимателей, предприятий независимо от ведомственной подчиненности, форм собственности и организационно-правовой формы предприятия. С помощью налогов формируются взаимоотношения предпринимателей, предприятий всех форм собственности с государственными и местными бюджетами, с банками, а также с вышестоящими организациями. Кроме того, при по-

мощи налогов регулируется внешнеэкономическая деятельность, в том числе вовлечение иностранных инвестиций, формируются хозрасчетные доходы и прибыль предприятий [3, с. 1].

В соответствии со статьей 8 Налогового кодекса Российской Федерации под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. Под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, в том числе предоставления определенных прав или выдачи разрешений (лицензий).

Согласно статье 19 НК РФ, налогоплательщиками и плательщиками сборов признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с настоящим Кодексом возложена обязанность уплачивать соответственно налоги и (или) сборы. Также в Налоговом кодексе Российской Федерации в статье 17 «Общие условия установления налогов и сборов» закреплены элементы налогообложения, которые представлены на рисунке 1:

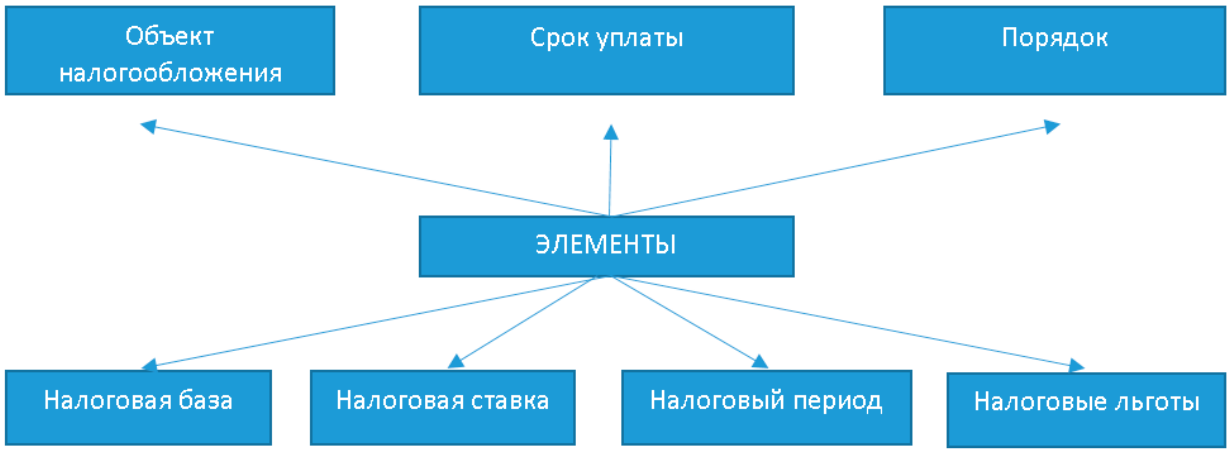

Рис. 1. **Элементы налогообложения**

Налоговая система — это совокупность налогов и сборов, взимаемых с плательщиков в порядке и на условиях, определенных Налоговым кодексом, формы и методы их построения, способы исчисления налогов и налоговый контроль.

Т. Ф. Юткина понимает под налоговой системой институциональное образование, смысл которого заключается в функционировании всей совокупности налоговых форм на основе фундаментальных принципов налогообложения, обеспечивающих компромисс различных финансовых интересов [11, с. 10].

В. Г. Пансков считает, что «налоговая система — это совокупность предусмотренных налогов, принципов, форм и методов их установления, изменения или отмены, уплаты и применения мер по обеспечению их уплаты, осуществления налогового контроля, а также привлечения к ответственности за нарушение налогового законодательства» [9, с. 20].

Основными органически связанными элементами налоговой системы являются система налогов и налоговый механизм.

Налоговая система — это совокупность налогов, сборов, пошлин и других приравненных к налогам платежей, взимаемых на территории государства в течение определенного периода. Налог на добавленную стоимость, акцизный налог, налог на прибыль (доход) юридических лиц, подоходный налог с физических лиц, таможенные пошлины, платежи в социальные фонды, налог с продаж являются основными налогами, посредством которых формируется преобладающая масса бюджетных доходов, как в российской, так и в мировой практике. Налоговый механизм — более широкое понятие, чем налоговая система, представляет собой совокупность всех средств и методов организационно-правового характера, направленных на реализацию налогового законодательства. Через налоговый механизм реализуется налоговая политика государства, формируются основные количественные и качественные характеристики налоговой системы, ее целевой направленностью является решение конкретных социально-экономических задач [4, с. 54].

Когда-то философы относились к налогу как к общественно необходимому и полезному явлению, несмотря на то, что формы налога были варварскими: военные трофеи, труд рабов, жертвоприношения и многое другое. С развитием общества налоговые формы постепенно менялись, приближаясь к современному содержанию.

Что же собой представляют налоги, какими качествами должны обладать определенные платежи, чтобы

их можно было назвать налогами? Л. Н. Лыкова дает понятие, что «налоги — это обязательные, индивидуально безвозмездные платежи, взимаемые с физических и юридических лиц, установленные органами законодательной власти с определением размеров и сроков их уплаты, предназначенные для финансового обеспечения деятельности государства и органов местного самоуправления» [5, с. 11].

Н. В. Миляков же пишет, что налог — это платеж, связанные с переходом права собственности от частного субъекта к публичному. Плательщик налога расстается со своим имуществом и лишается права собственности на него [7, с. 15].

Налоговая система подвержена постоянным изменениям под воздействием внутренних и внешних факторов (влияний), т. е. является не статической, а динамической системой. Налоговая система Российской Федерации строится по территориальному принципу и состоит из трех уровней, в зависимости от уровня управления налоговым процессом: федерального (на уровне Российской Федерации), регионального (на уровне республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов федерального значения) и местного (муниципальных образований).

Федеральные налоги в Российской Федерации устанавливаются Налоговым кодексом и обязательны к уплате на всей территории страны. Перечень региональных налогов составляется там же, но эти налоги вводятся в действие законами субъектов РФ и применяются на территории соответствующего субъекта Федерации.

Вводя региональные налоги, представительные (законодательные) органы власти субъектов РФ определяют налоговую ставку по соответствующим видам налогов, но в пределах, установленных Налоговым кодексом Российской Федерации, налоговые льготы, порядок и сроки уплаты налога. Все остальные элементы региональных налогов устанавливаются соответствующей главой Налогового кодекса. Таков же порядок введения и местных налогов с той лишь разницей, что они вводятся в действие представительными органами муниципальных образований [8, с. 93].

Сегодня российскую налоговую систему можно классифицировать как умеренно фискальную, прямую, централизованную, нейтральную.

Экономическая сущность налога выражается при помощи его функции. Налоговая функция — это проявление его сущности в действии, способ выражения его свойств.

Основные функции налогов — это контрольная, стимулирующая, распределительная и фискальная.

Законодательная база налоговой системы Российской Федерации определяется Налоговым кодексом (НК). В России общую линию налогового законодательства определяется Советом Федерации, Государственной Думой, Президентом РФ и Правительством РФ. Государственная Дума рассматривает вопросы налогового законодательства и принимает законы о налогообложении, которые вступают в силу с одобрения Совета Федерации и подписью Президента [1, 2].

Налоговый кодекс Российской Федерации — это единый, взаимосвязанный и комплексный документ, учитывающий всю систему налоговых отношений в Российской Федерации.

Налоговая система основана на ряде принципов. Все виды налогов, а также порядок их расчетов, сроки уплаты и ответственность за уклонение от уплаты налогов утверждается законом. Это дает возможность использовать налоговую систему как инструмент государственной политики, имеющий силу закона, с одной стороны, а с другой — для защиты прав налогоплательщика. Принципы налогообложения — это основные идеи и положения, применяемые в налоговой сфере. В налоговой системе можно выделить экономические, организационные и юридические принципы (таблица 1).

Принципы налоговой системы Российской Федерации принимают интересы субъектов налоговой системы и соответствуют основам налоговой системы, установленным в современном демократическом обществе. Необходимость налогов определяется непосредственно функциями государства. Как указывал Ж. Прудон, в сущности, вопрос о налоге есть вопрос о государстве. Налоги были и остаются основными источниками государственных доходов.

Таблица 1. **Принципы налогообложения**

Организационные	Экономические	Юридические
Принцип единства налоговой системы	Принцип хозяйственной независимости	Принцип нейтральности
Принцип подвижности налогообложения	Принцип справедливости	Принцип установления налогов законами
Принцип стабильности налоговой системы	Принцип соразмерности	Принцип приоритета налогового закона над неналоговым
Принцип множественности налогов	Принцип учета интересов	Принцип отрицания обратной силы налогового закона
Принцип исчерпывающего перечня налогов	Принцип экономичности	Принцип наличия в законе существенных элементов налога
		Принцип сочетания интересов государства и субъектов налоговых отношений

На ранних этапах развития человеческого общества государственные доходы и расходы носили естественный и материальный характер. В последующем налоги приобретают характер товарно-денежных отношений, а государственные доходы и расходы выражаются преимущественно в денежной форме. По образному выражению К. Маркса, «налоги — это материнская грудь, кормящая государство, или пятый Бог наряду с собственностью, семьей, порядком и религией» [6, с. 83].

Налоговая реформа 2025 года стала масштабным ответом на ряд внутренних и внешних вызовов. Её необходимость была продиктована комплексом задач — от обеспечения устойчивости бюджета до борьбы с уклонением от налогов и адаптации к меняющимся экономическим условиям.

Среди основных причин налоговой реформы 2025 года можно выделить следующие:

— Рост бюджетных потребностей. Государство увеличило финансирование приоритетных программ, инфраструктуры и социальной сферы. Для этого требовались дополнительные поступления в бюджет, что обусловило повышение ставок и корректировку налоговых баз. Например, рост НДС до 22 % должен был обеспечить около 1,2 трлн рублей дополнительных доходов в бюджет к 2026 году.

— Борьба с агрессивной налоговой оптимизацией и дроблением бизнеса. Одной из ключевых целей реформы стало ограничение практик искусственного снижения налоговой нагрузки через специальные режимы. Снижение порогов для УСН и усиление контроля за взаимозависимыми лицами были направлены на пресечение схем дробления бизнеса, когда средние и крупные компании формально использовали льготы малого бизнеса.

— Пересмотр налоговых льгот и условий специальных режимов. Льготы перестали быть универсальными и стали привязываться к отраслевым и экономическим приоритетам государства. Это коснулось как условий применения УСН, так и страховых взносов. В результате совокупная налоговая нагрузка на многие компании малого и среднего бизнеса возросла.

— Необходимость адаптации к структурным изменениям в экономике. Реформа была направлена на формирование стабильных и предсказуемых финансовых условий, что должно было способствовать устойчивому росту инвестиционной и экономической активности. Основные параметры налоговой системы планировалось зафиксировать до 2030 года.

— Усиление технологического контроля и упрощение администрирования. Параллельно усиливалась технологическая база контроля и упрощался обмен данными с налоговыми органами.

Реформа 2025 года затронула практически все налоги и налоговые режимы. Среди наиболее значимых изменений:

— Прогрессивная шкала НДФЛ. Вместо двухступенчатой системы введена пятиступенчатая шкала с повышенными ставками для доходов свыше 2,4 млн рублей в год (15 %, 18 %, 20 %, 22 %). При этом для семей с двумя и более детьми и доходами ниже полутора прожиточных минимумов на человека был введён вычет в размере 7 %.

— Повышение налога на прибыль. Ставка для юридических лиц на общей системе налогообложения выросла с 20 % до 25 %. При этом для аккредитованных IT-компаний на период 2025–2030 годов установлена льготная ставка — 5 % в федеральный бюджет при нулевой ставке в региональном.

— Изменения для УСН. Организации и ИП на УСН с доходом свыше 60 млн рублей в год стали плательщиками НДС. При этом те, чей доход не превысил этот лимит, а также вновь созданные организации и ИП были освобождены от уплаты НДС в автоматическом режиме. Были установлены новые лимиты по доходам, остаточной стоимости основных средств и численности работников.

— Введение туристического налога. Он заменил экспериментальный курортный сбор и стал новым местным налогом с постепенным ростом ставки до 5 % в год.

Несмотря на заявленные цели, реформа вызвала неоднозначную реакцию. Среди основных рисков:

— Рост налоговой нагрузки на бизнес. Повышение налога на прибыль и введение НДС для части плательщиков УСН привели к увеличению финансовой нагрузки на компании. Имеет место ликвидация мелкого бизнеса в сельской местности.

— Риски уклонения. Усложнение системы и усиление контроля могли спровоцировать переход работников на «серые» зарплаты, подмену трудовых договоров гражданско-правовыми или использование дивидендов для маскировки зарплат.

— Сложность администрирования. Новая система НДФЛ, в частности, вызвала вопросы о том, насколько эффективно ФНС сможет её контролировать.

— Влияние на инвестиционную активность. Компенсационные механизмы (например, федеральный инвестиционный налоговый вычет) оценивались как недостаточно масштабные.

Таким образом, необходимость реформы была продиктована комплексом задач — от обеспечения устойчивости бюджета до адаптации налоговой системы к новым экономическим реалиям. Однако её реализация потребовала решения ряда сложных задач, связанных с балансированием интересов государства, бизнеса и граждан.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.01.2025) / [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 01.11.2026 г.)

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19.07.2000 № 118-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.07.2026) / [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 01.11.2026 г.).
3. Куликова, М. А. Пути эволюционного развития налоговой системы РФ / М. А. Куликова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 1 (291). — С. 89–92. — URL: https://moluch.ru/archive/291/65966.
4. Георгиев, В. А. История России XIX — начала XX века. — М.: Академия изд-во МГУ, 2011. — 864с.
5. Налоги и налогообложение: учебник и практикум для СПО / Л. Н. Лыкова. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 353 с. — Серия: Профессиональное образование
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955–1973. Т. 7. — 83 с.
7. Миляков, Н. В. Налоги и налогообложение. Учебник. — 7-е изд., пе-рераб. и доп. / / Н. В. Миляков. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 509с.
8. Налоги и налогообложение: учеб. для вузов / под ред. И. А. Майбурова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — 655 с.
9. Пансков В. Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. Учебник для вузов. Изд. 3-е перераб. и доп. / В. Г. Пансков. — М.: Международный центр финансово-экономического развития, 2001–448с.
10. Поляка, Г. Б. Налоги и налогообложение. — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 463 с.
11. Юткина Т. Ф. Налоги и Налогообложение. Учебник, изд. 2-е, перераб. и доп. / Т. Ф. Юткина. — М.: ИНФРА-М, 2011–576с.
12. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1998–2002. М.: Дело, 2003.

К вопросу о правовой природе ипотеки: вещный или обязательственный способ обеспечения

Назиров Айрат Атласович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

*Клю**чевые слова: ип**отека, правовая природа, ипотечное законодательство.*

На сегодняшний день ипотека признается самым надежным способом обеспечения исполнения основного обязательства в гражданском обороте. Вместе с тем в теории гражданского права ведутся дискуссии относительно правовой природы данного института, поскольку ипотека характеризуется сложным содержанием, объединяющим признаки вещного и обязательственного права.

Раскрытие содержания ипотеки, а также определение особенностей ее правового регулирования предполагают обращение прежде всего к источникам права, регламентирующих вопросы, связанные с залогом и договорными правоотношениями при заключении договора ипотеки. Основу нормативно-правового регулирования рассматриваемого института составляют положения Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие общие вопросы залога и ипотеки; Федерального закона от 16 июля 1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», устанавливающего специальные правила возникновения, осуществления и прекращения ипотечного обременения, а также Федерального закона от 13 июля 2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», определяющего порядок государственной регистрации прав на недвижимое имущество и связанных с ними обременений.

На основании положений, закрепленных в гражданском законодательстве, в науке гражданского права сложилось три точки зрения относительно правовой природы ипотеки: ипотека как вещно-правовой институт; ипотека как обязательственно-правовой институт; ипотека как вещно-обязательственный институт или институт обеспечения вещных прав. Различия между указанными подходами обусловлены разной оценкой юридической связи между залогодержателем, залогодателем и предметом залога.

Рассмотрим вещно-правовую концепцию на примере научной доктрины Н. В. Бадаевой, которая в своих исследованиях указывает на наличие у залогодержателя правомочий, связанных с предметом залога, что в свою очередь обуславливает непосредственную связь права залогодержателя с конкретным объектом имущества. Важное значение в этой связи имеют положения, закрепленные в п.2 ст. 334 ГК РФ, где указано следующее: «Залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования».

Также в рассматриваемой статье содержится формулировка, согласно которой «к залогу недвижимого имущества (ипотеке) применяются правила ГК РФ о вещных

правах, а в части, не урегулированной указанными правилами и законом об ипотеке, общие положения о залоге». Вещно-правовой признак проявляется также во взаимосвязи с индивидуально определенным объектом недвижимости и возможности сохранения обременения при изменении собственника имущества. В отличие от обязательства, которое всегда направлено на поведение конкретного субъекта-должника, ипотека как предмет правоотношения предполагает установление правового режима определенной вещи.

Это обстоятельство приобретает особое значение в случаях, когда залогодателем выступает третье лицо, не являющееся должником по основному обязательству. Между таким залогодателем и кредитором может отсутствовать самостоятельная обязанность по исполнению основного долга, однако принадлежащая ему недвижимость обременяется ипотекой и выступает источником удовлетворения требований кредитора.

Таким образом, правовая природа ипотеки действительно обладает вещно-правовыми признаками и рассматривать ипотеку исключительно через обязательственную связь между должником и кредитором не является верным.

Признание вещной природы института ипотеки не означает отсутствие характерных признаков обязательственного права, поскольку обязательства по ипотеке не существуют в отрыве от обеспечиваемого требования. Так, согласно ст. 339 ГК РФ, «в договоре залога должны быть указаны предмет залога, существо, размер и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого залогом». Следовательно, содержание ипотечного обременения определяется не самостоятельно, а в связи с основным обязательством.

В настоящий момент ведущей признается концепция, выдвинутая В. М. Хвостовым, который указывает, что залогу присущи черты, позволяющие рассматривать его как вещное и как обязательственное право, но все вопросы, возникающие в процессе применения норм, регулирующих залог, могут быть разрешены только в том случае, если оценивать залог, как обязательственное право. Именно зависимость ипотеки от основного обязательства позволяет обосновать ее обязательственно-правовую природу.

Ипотека устанавливается не ради самостоятельного использования заложенной недвижимости, а для обеспечения имущественных интересов кредитора в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником принятых на себя обязательств. В этом заключается ее акцессорный характер, проявляющийся в юридической связи залогового правоотношения с обеспечиваемым требованием.

На наш взгляд, наиболее подходящей кажется позиция относительно сочетания вещного и обязательственного права в правовой природе ипотеки. Институт ипотеки обладает сложной юридической природой, сочетая в себе соединение двух самостоятельных прав. Вещно-правовой элемент проявляется в непосредственной связи с определенным объектом недвижимости, праве следования за вещью. В свою очередь обязательственная составляющая проявляется в отсутствии самостоятельной экономической цели, где залог находится в системе способов обеспечения исполнения обязательств.

Одним из ключевых признаков ипотеки является преимущественное удовлетворение требований залогодержателя перед другими кредиторами залогодателя в установленном законом порядке. Данная особенность одновременно характеризует обеспечительное назначение ипотеки и подтверждает наличие у нее вещно-правовых элементов. Кроме того, предоставление недвижимости в залог оказывает стимулирующее воздействие на должника, поскольку неисполнение обязательства может повлечь утрату имущества, обладающего для него значительной экономической, а иногда и личной ценностью.

В общем и целом, ипотека, как способ обеспечения исполнения основного обязательства, на данный момент является наиболее предпочтительным способом для кредиторов, так как не просто стимулирует должника к надлежащему исполнению обязательства, но и в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства, способно полностью обеспечить исполнение основного обязательства, тем самым снижая риски кредитора понести убытки. При этом ипотека способна обеспечить любое гражданско-правовое обязательство, ведь ипотека может обеспечивать исполнения обязательства по кредитному договору, по договору займа или иного обязательства, в том числе обязательства, вытекающего из договора купли-продажи, подряда, или ином договоре, если иное не предусмотрено федеральным законодательством.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 26 января 1996 г. (с изм. от 09 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 32. — Ст. 3301; 2026. — № 52. — Ст. 8425.
2. Федеральный закон от 16 июля 1998 № 102-ФЗ (с изм. от 04 августа 2026 г.) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 56. — Ст. 1945; 2026. — Ст. 2842.
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 № 218-ФЗ (с изм. от 04 августа 2026 г.) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 83. — Ст. 2376; 2026. — Ст. 3632.
4. Бадаева Н. В. Владение и владельческая защита в зарубежном и российском гражданском праве: Монография / Н. В. Бадаева. — М.: «Юриспруденция», 2012. — 285 с.
5. Хвостов В. М. Система римского права: конспект лекций / В. М. Хвостов. — М.: тип. Вильде, 1907–1909. — 592 с.

Институт наследственного права в Российской Империи

Несоленая Анна Александровна, студент магистратуры
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Развитию института наследственного права с 1721 по 1917 гг. предшествовало становление наследования в периоды Древней Руси, политической раздробленности и расцвета централизованного государства. При этом в отечественной правовой литературе отсутствует четкая временная регламентация периода, что предопределяет и проблематику его наименования: ряд исследователей в своих работах определяют данный период как «становление наследственного права в период существования империи», другие же указывают на развитие наследственного права «в период формирования буржуазных отношений». Дискуссионным является и проблема определения основных источников регулирования наследственных правоотношений. В связи с чем основной целью настоящей статьи является определение источников, регулирующих данный тип правоотношений в указанный период, особенности регулирования наследования в каждом из них и основные факторы, влияющие на изменение правовой регламентации.

Ключевые слова: *институт наследования, Российская империя, наследование по завещанию, наследники, наследодатели.*

Ключевым источником законодательства о наследовании с момента образования Российской империи в 1721 году являлся Указ императора 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», а также иные более поздние нормативные документы, закрепившие ряд принципиальных положений развития наследственных правоотношений. Предпосылками принятия данного указа стало стремление Петра I ограничить разорение дворян и закладывание поместья за долги, сохранить имущественную стабильность дворянства как опору самодержавию. Данный указ закреплял, что дворяне могли завещать свое недвижимое имущество (землю) только одному из сыновей, остальные же должны пойти на государственную службу и получать жалование. При этом движимое имущество распределялось между наследниками фактически поровну. В Европе подобный принцип наследование получил название «наследование по принципу майората». Как отмечают современные исследователи подобное ограничение возвратило принцип расширения свободы завещания на несколько веков назад, к исходному пункту: наследодатель мог определять только наследующего члена семьи [2].

В 1731 г. этот Указ о единонаследии был отменен Анной Иоановной и заменен на указ «Об именовании поместий и вотчин недвижимым имением и о разделе оных между детьми по Уложению», согласно которому принцип единонаследия отменялся, а вместо этого вводилось правило равенства долей сыновей наследодателя при наследовании имущества. Теперь при отсутствии завещания имущество переходило к сыновьям, причем дочери получали 1/14 часть недвижимого и 1/8 часть движимого имущества, а жена — 1/7 часть не движимого и 1/8 часть движимого имущества. При отсутствии прямых потомков к наследству могли быть привлечены братья наследодателя [5].

В Жалованных грамотах дворянству и городам 1785 г. было установлено, что наследодатель имеет право завещать свое родовое недвижимое имущество, полученное от государства, только наследникам по закону, а благоприобретенное имущество — любым лицам. Важным дополнением в развитие наследственного права в данный период было формулирование правил расчета наследственных долей родителей, дедушки и бабушки наследодателя.

Как отмечают А. А. Захарова, Т. С. Пожидаева, Е. Г. Хрущев в наследственном праве XVIII века можно проследить сразу две противоречащие друг другу тенденции. Во — первых, происходит дальнейшее развитие и усложнение институтов гражданского права, в частности наследственного. Появляются такие понятия как «собственность», «недвижимость», «движимое имущество». Во — вторых, явно проявляется попытка законсервировать сложившийся феодальный порядок с окончательным закрепощением крестьян [3].

Наиболее существенно отечественное законодательство о наследовании было систематизировано и переработано с принятием в 1835 г. Свода законов Российской империи, в котором регулированию наследственных правоотношений были посвящены нормы шести глав кодифицированного сборника [6]. Впервые в отечественном законодательстве закреплялось легальное определение наследства, под которым понималась «совокупность имуществ, прав и обязательств, оставшихся после умершего». Кроме того, по сравнению с другими периодами развития института наследования, основаниями для наследования выступали не только факты смерти наследодателя и безвестного отсутствия, но и лишения всех прав состояния, а также пострижения в монахи. В данный период продолжилась законодательная тенденция расширения круга наследников. В частности, к наследованию допускались иностранцы, внебрачные дети, а также лица, имеющие физические и умственные недостатки. Характерной чертой порядка законного наследования, установленного в Своде законов, была неограниченность очередей наследников: право наследования предоставлялось всем родственникам в мужском поколении, а в случае его отсутствия и в женском. Родство определялось по степеням и линиям. Дети делили имущество между собой поровну

(«поголовно»), внуки — «поколенно». До принятия в 1912 г. специального закона дочери устранялись от наследования при сыновьях или их нисходящих, получая лишь 1/14 часть из недвижимого и 1/8 часть из движимого имущества отца (так называемая указная доля). Сестры при живых братьях не наследовали совершенно.

Впервые, особому регулированию после смерти наследодателя подвергалось авторское право. В случае наследования родителями, детьми или супругом наследодателя, права авторства переходили в их собственность в полном объеме.

В своде законов Российской империи достаточно четко регулируются требования к завещанию. Для составления завещания завещатель должен был достигнуть 21 года и быть полностью дееспособным. Недействительными признавались завещания, составленные самоубийцами, умалишенными и подстриженными в монахи. Стоит отметить, что благодаря судебной реформе 1864 г. и утверждению Положения о нотариальной части 1866 г. требование нотариального удостоверения становится обязательным. При этом приравненными к нотариальным признаются завещания, составленные в военных походах, морских экспедициях и в больницах. Отмена завещания допускалась в любое время по усмотрению завещателя. Отмена домашнего завещания была возможна путем его уничтожения самим завещателем, а нотариального путем совершения о том нотариального акта. В интересах наследников по инициативе частных лиц, полиции, прокурорского надзора, начальства умершего или по собственной инициативе суд принимал меры по охране оставшегося имущества, заключавшиеся в описи имущества, опечатывании и сохранении его до явки наследников и вызове наследников.

Законом, дополнившим правовой статус женщин при наследовании стал принятый в 1912 г. закон «О расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений». Согласно нормам данного закона женщины, были уравнены с мужчинами в наследственных правах, за исключением наследования земельного внегородского имущества, из которого они получали 1/7 часть. Это правило не применялось в том случае, если отсутствовали сыновья и их нисходящие или если при разделе сыновние части оказались бы менее дочерних (например, при большом количестве дочерей). В указанных случаях земельное внегородское имущество распределялось между детьми умершего поровну [1].

Характерно, что изменения, внесенные в наследственное право в 1912 г., частично уравнявшие наследственные права женщин и расширившие пределы завещания родовых имуществ, были едва ли не единственными и, во всяком случае, важнейшими изменениями принципиальных положений наследственного права, внесенных в Свод законов гражданских со времени введения его в действие в 1835 г.

Стоит отметить, что русскими цивилистами к 1906 г. был подготовлен полноценный проект нового Гражданского уложения, книга 4 которого была посвящена наследственному праву. Его регулирование строилось исходя из потребностей динамично развивающегося буржуазного общества с набиравшей силу капиталистической экономикой, каковым безусловно была Россия в начале XX в. Это регулирование вобрало в себя не только лучшие достижения отечественной цивилистической мысли, но и новейшие достижения гражданского права Франции, Германии и Швейцарии. К сожалению, из-за затянувшегося согласования проекта в различных государственных учреждениях и обсуждения его в научных кругах, находивших в Уложении наряду с достижениями немало изъянов, которые хотелось исправить непременно до внесения проекта в Государственную Думу, а также из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны и последовавшей затем революции проект так и не стал действующим законом.

Литература:

1. Абраменков М. С. Наследственное право в 1835 -1917 гг. // Электронный режим доступа. https://ale-gribov.livejournal.com/345818.html (дата обращения: 25.09.2026).
2. Бурдаева В. Н. Ретроспективный анализ законодательства о наследовании в России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева № 1, том 2, 2017. — С. 1.
3. Захарова А. А. Изменения в наследственном праве в XVIII веке // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. — С. 42–45.
4. Наследственное право / Булаевский Б. А. и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 50.
5. Рыбакова С. А. История зарождения и становления наследственного права в России // Марийский юридический вестник. — Выпуск 6. — С. 30–39.
6. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — Т. 2. М., 2005. — С. 337.

Квазиадминистративные наказания в сфере саморегулирования: внесудебное исключение саморегулируемых организаций из реестра и пределы процессуальных гарантий

Новикова Дарья Николаевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается внесудебный порядок исключения сведений о саморегулируемых организациях в области строительства из государственного реестра (часть 5 статьи 55.2 Градостроительного кодекса РФ). Показано, что при определённых основаниях эта мера по карательному эффекту сопоставима с административными наказаниями, однако применяется вне производства по делам об административных правонарушениях и без гарантий, предусмотренных КоАП РФ. Предложены критерии отграничения таких мер от иных мер принуждения и два варианта устранения выявленного дефекта.

Ключевые слова: *саморегулируемая организация, административная ответственность, административное наказание, государственный реестр СРО, внесудебный порядок, процессуальные гарантии.*

Передача государством части регулирующих и контрольных функций саморегулируемым организациям (далее — СРО) привела к тому, что вопрос об ответственности стал ставиться и применительно к самим организациям. Статья 14.52 КоАП РФ, появившаяся в 2013 году, как отмечает С. В. Фомиченко, впервые признала СРО, а не только её членов, самостоятельным субъектом ответственности за невыполнение обязательств публично-правового характера [1, с. 143–149]. Позднее к ней добавились статьи 14.52.1, 14.52.2, 14.63 и 14.64 [2]. Но наиболее тяжёлая из применяемых к СРО мер — исключение сведений об организации из государственного реестра — в перечень наказаний статьи 3.2 КоАП РФ не входит вовсе, а нормы о ней рассеяны по отраслевым законам.

Регулируется эта мера неоднородно. Пункт 3 части 1 статьи 21 Федерального закона № 315-ФЗ допускает принудительное исключение сведений о некоммерческой организации из реестра СРО только на основании вступившего в законную силу решения суда [3]. Для СРО в области строительства часть 5 статьи 55.2 Градостроительного кодекса РФ предусматривает два пути, судебный и внесудебный, причём во втором случае решение принимает федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий надзор за такими организациями, при наличии предусмотренных законом оснований [4]. Общий закон исходит, таким образом, из судебной модели, а специальный допускает административное усмотрение, и положение организации определяется уже не тяжестью нарушения, а сферой, в которой она работает.

Последствия исключения не сводятся к изъятию записи из реестра. Организация теряет особый статус и возможность вести деятельность, ради которой создавалась; средства компенсационного фонда по части 8 статьи 55.16 Градостроительного кодекса РФ передаются национальному объединению СРО [4], а члены вынуждены искать другую организацию, хотя к нарушению, которое привело к исключению, они не обязательно причастны. Восстановительного эффекта у такой меры нет, она лишь прекращает существование субъекта в определённом качестве, и именно в этом, на наш взгляд, проявляется её карательное начало.

Для отграничения наказаний по существу от иных мер принято смотреть не на то, как мера названа в законе. Европейский суд по правам человека в деле «Энгель и другие против Нидерландов» предложил три критерия: квалификацию деяния во внутреннем праве, характер правонарушения и тяжесть санкции [5]. Россия перестала быть участником Конвенции, поэтому о прямом применении речь не идёт, но как методологический ориентир критерии пригодны. Первый из них формально работает против нашего вывода, так как Градостроительный кодекс не называет исключение наказанием. Второй и третий говорят в его пользу: мера связана с нарушением обязательных требований, применяется в публичных интересах и по тяжести последствий превосходит штраф и не уступает дисквалификации или административному приостановлению деятельности (статьи 3.11 и 3.12 КоАП РФ) [2].

Такие меры в работе названы квазиадминистративными наказаниями: это меры принуждения, которые формально не входят в систему наказаний статьи 3.2 КоАП РФ и применяются вне производства по делам об административных правонарушениях, но по основанию применения (связь с нарушением публичной обязанности) и по последствиям (утрата статуса, невозможность продолжать деятельность) выполняют карательную функцию. Оговорка здесь необходима: не всякое исключение из реестра является наказанием. Если организация лишается статуса потому, что перестала отвечать объективным условиям, например, требованиям к численности членов или к компенсационному фонду, мера ближе к последствию утраты этих условий. Если же основанием служит нарушение обязательных требований, она приобретает санкционный характер, и основные претензии у нас именно к этой части внесудебного порядка. Показательно, что даже лицензия, разрешение гораздо менее масштабное, чем статус СРО, согласно Федеральному закону № 99-ФЗ аннулируется в судебном порядке по заявлению лицензирующего органа [6], а часть 5 статьи

55.2 Градостроительного кодекса РФ границу между этими ситуациями не проводит. Если применить к исключению идею А. И. Стахова о различии административно устранимых и административно наказуемых нарушений обязательных требований [7, с. 124], то оно должно быть крайней мерой, допустимой после того, как у организации была реальная возможность исправить положение.

Главное различие лежит в плоскости гарантий. Дисквалификация и административное приостановление деятельности назначаются судьёй, и лицо пользуется всем комплексом гарантий КоАП РФ: критерием вины юридического лица по части 2 статьи 2.1, сроками давности (статья 4.5), перечнем обстоятельств, исключающих производство по делу (статья 24.5), правами по статье 25.1 и правилами назначения наказания (статья 4.1) [2]. При внесудебном исключении СРО из реестра ничего из этого не работает, и юридическое лицо получает меньше гарантий, чем физическое лицо, привлекаемое к ответственности в порядке, прямо установленном КоАП РФ.

Возразить можно тем, что решение надзорного органа допустимо оспорить в арбитражном суде в порядке главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ [8]. Однако такой контроль последующий и возникает только по заявлению самой организации, суд проверяет законность решения, а не назначает меру в состязательном производстве, где орган обязан доказать и событие нарушения, и вину, а пока дело рассматривается, организация может оставаться без статуса, если не будут приняты обеспечительные меры. Статья 46 Конституции РФ гарантирует судебную защиту, но вопрос о том, на каком этапе и в каком качестве суд подключается, остаётся открытым, а часть 3 статьи 55 требует соразмерности ограничения права [9]. Близка и позиция Конституционного Суда РФ в постановлении от 7 октября 2024 года № 44-П: неопределённость момента, с которого исчисляется обязанность, лишает лицо возможности предвидеть административно-правовые последствия своего поведения [10]. Если такое требование предъявляется к дисквалификации арбитражного управляющего, применяемой судом, то к внесудебным мерам оно должно предъявляться с не меньшим основанием.

Причины появления подобных мер, по-видимому, лежат в характере самого законодательства: Л. Н. Митьковский указывает, что общий подход к ответственности заметно меняется от одной сферы саморегулирования к другой [11, с. 167], и отраслевому законодателю проще предусмотреть внесудебный порядок в своём кодексе, чем встраивать меру в КоАП РФ. Из этого вытекают два возможных решения. Первое — дополнить статью 3.2 КоАП РФ новым видом наказания, лишением специального статуса юридического лица, предоставленного членством в обязательном по закону реестре, применяемым только судом, одной из форм которого было бы исключение сведений о некоммерческой организации из реестра СРО. Тогда часть 5 статьи 55.2 Градостроительного кодекса РФ утратила бы основания для самостоятельного внесудебного порядка, а на меру распространились бы гарантии КоАП РФ. Недостаток варианта в том, что он расширяет систему наказаний и требует согласовать новый вид с разнородными отраслевыми основаниями исключения, в том числе не связанными с правонарушением.

Второй вариант менее радикален и может считаться переходным: внесудебный порядок сохраняется только для объективной утраты условий статуса, а исключение как реакция на нарушение переводится в судебный порядок по заявлению надзорного органа, по образцу аннулирования лицензии, причём для оставшейся внесудебной процедуры нужен минимум гарантий — предписание об устранении с разумным сроком, извещение организации и возможность дать объяснения, мотивированное решение с оценкой соразмерности и последствий для членов. Более последовательным представляется первый вариант, поскольку он устраняет причину противоречия, а не смягчает его проявления. Так или иначе, исключение СРО из реестра во внесудебном порядке нельзя считать техническим актом ведения реестра: при определённых основаниях это мера, по существу, карательная, но лишённая процессуальной формы, которая сопутствует иным мерам такого рода.

Литература:

1. Фомиченко, С. В. Административная ответственность за неразмещение саморегулируемой организацией документов и информации о своей деятельности на официальном сайте в сети Интернет [Текст] / С. В. Фомиченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 1 (150). — С. 143–149.
2. Российская Федерация. Кодексы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
3. Российская Федерация. Законы. О саморегулируемых организациях [Текст]: федер. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ: (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 49. — ст. 6076.
4. Российская Федерация. Кодексы. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ: (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — ст. 16.
5. Engel and Others v. the Netherlands: judgment of 8 June 1976, Series A no. 22 // European Court of Human Rights. — Strasbourg, 1976.
6. Российская Федерация. Законы. О лицензировании отдельных видов деятельности [Текст]: федер. закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ: (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — ст. 2716.

7. Стахов, А. И. Административно устранимые и административно наказуемые нарушения обязательных требований в структуре современного административного процесса [Текст] / А. И. Стахов // Правовая политика и правовая жизнь. — 2021. — № 3.1. — С. 122–133.
8. Российская Федерация. Кодексы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ: (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — ст. 3012.
9. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.10.2024 № 44-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6.1 статьи 28 и статьи 149 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С. В. Рязанова» [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 42. — ст. 6098.
11. Митьковский, Л. Н. Проблемы административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций [Текст] / Л. Н. Митьковский // Молодой ученый. — 2025. — № 43 (594). — С. 166–170.

Конституционные основы защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации

Нугуманова Нелли Маратовна, студент;
Корякин Илья Викторович, студент
Научный руководитель: Хайруллин Рамиль Ахатевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье представлен комплексный анализ конституционно-правовых основ защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Российской Федерации. Исследуется трансформация правового статуса ребенка после принятия конституционных поправок 2020 года. Авторами рассматриваются ключевые гарантии, предоставляемые государством в социальной, образовательной и правовой сферах, а также анализируются проблемы практической реализации данных норм в деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: *Конституция РФ, несовершеннолетние, права ребенка, государственная защита, приоритет детства, семейное законодательство, социальные гарантии, правовой статус.*

Актуальность темы защиты прав несовершеннолетних в современной России обусловлена поставленными задачами государства по сохранению населения и обеспечению национальной безопасности. Дети, как наиболее незащищенная социальная группа, нуждается в качественном правовом регулировании и в эффективных механизмах защиты. **Конституция Российской Федерации**, обладая высшей юридической силой, выступает **фундаментом** для всей системы **охраны детства**.

Базовым элементом конституционного статуса несовершеннолетних является статья 38 Основного закона, закрепляющая **принцип нахождения материнства, детства и семьи под защитой государства**. Этот универсальный принцип обязывает органы власти создавать условия для полноценного развития каждого ребенка. **Изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году**, ознаменовали новый этап в развитии отечественного конституционализма. Статья 67.1 теперь прямо провозглашает **детей важнейшим приоритетом государственной политики**, юридически закрепляя **«детствоцентричную» модель развития российского законодательства**.

Государство берет на себя обязательство по всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, уделяя особое внимание воспитанию патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Конституция также подчеркивает значимость семейного воспитания: в случае, если ребенок остается без попечения родителей, обязанности по его воспитанию и содержанию переходят к государству. Это создает прочную правовую базу для функционирования институтов опеки и попечительства, а также системы социальных гарантий и льгот, закрепленных в Семейном кодексе РФ.

Анализируя **систему прав несовершеннолетних**, необходимо выделить **право на образование** (ст. 43). Конституция гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. В современных реалиях это право тесно переплетается с необходимостью **защиты ребенка**

в информационном пространстве. Государство обязано обеспечивать не только доступ к знаниям, но и безопасность образовательной среды, ограждая несовершеннолетних от деструктивного контента.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) также занимает центральное место в системе конституционных гарантий. Для несовершеннолетних это выражается в развитии специализированной педиатрической помощи, бесплатном обеспечении лекарственными средствами определенных категорий и реализации программ профилактики заболеваний. Конституционный суд РФ неоднократно подчеркивал, что право на жизнь и охрану здоровья ребенка является абсолютным и не может быть ограничено экономическими трудностями государства [7, с. 412].

Важным аспектом является конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от возраста. Однако специфика возраста обуславливает необходимость особых механизмов реализации этих прав. Так, право на судебную защиту (ст. 46) для несовершеннолетнего реализуется через законных представителей — родителей, усыновителей или опекунов. При этом в судебной практике по семейным спорам учет мнения ребенка, достигшего десятилетнего возраста, является обязательным элементом конституционного права на выражение своей позиции [10, с. 54].

Несмотря на развитую нормативную базу, на практике сохраняется ряд проблем. Одной из наиболее острых остается проблема обеспечения жильем детей-сирот [3]. Несмотря на конституционные гарантии, в ряде регионов сохраняются значительные очереди на получение жилых помещений. Это требует не только усиления финансирования, но и совершенствования механизмов контроля за деятельностью местных администраций [5, с. 112].

Другой актуальный вопрос — **защита детей от насилия в семье.** Конституционный принцип неприкосновенности частной жизни призван защищать семью, однако он не должен становиться препятствием для **государственной защиты** детей, подвергающихся насилию.

Цифровизация общества породила новые угрозы конституционным правам детей. Право на тайну частной жизни и защиту персональных данных в сети Интернет зачастую нарушается. В этой связи требуется развитие «цифрового конституционализма» — системы правовых норм, адаптирующих классические гарантии к условиям виртуального пространства [9, с. 145].

Роль прокуратуры и Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в обеспечении конституционных гарантий трудно переоценить. Эти институты выступают в роли «надсистемных» механизмов, позволяющих оперативно реагировать на нарушения прав детей в любой сфере — от здравоохранения до трудовых отношений (в случае подростковой занятости) [4].

В заключение следует отметить, что конституционные основы защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации за последние годы претерпели существенную качественную трансформацию. Закрепление приоритета детства на уровне Основного закона обязывает законодателя постоянно совершенствовать отраслевые нормы (Семейный, Гражданский, Уголовный кодексы). Дальнейшее развитие должно идти по пути укрепления материальных гарантий реализации прав детей и создания эффективных механизмов профилактики правонарушений в отношении несовершеннолетних. Только комплексный подход, сочетающий юридические нормы с активной социальной политикой, позволит в полной мере реализовать конституционный потенциал защиты подрастающего поколения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023).
3. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».
4. Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства».
5. Беспалов Ю. Ф. Защита прав ребенка. — М.: Юнити-Дана, 2022. — 255 с.
6. Летова Н. В. Правовой статус ребенка в РФ: теоретические и практические аспекты // Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 88–95.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. — М.: Норма, 2021. — 1000 с.
8. Савельева Н. М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации. — Саратов: Изд-во СГАП, 2022. — 180 с.
9. Тарасова А. Е. Особенности гражданской дееспособности несовершеннолетних. — М.: Волтерс Клувер, 2021. — 320 с.
10. Сборник судебной практики по семейным спорам / отв. ред. С. А. Степанов. — М.: Проспект, 2023. — 240 с.

Безотзывная доверенность в российском гражданском праве

Одолад Лилия Вадимовна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается правовая природа безотзывной доверенности, условия ее выдачи и особенности прекращения. Анализируются положения статьи 188.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, соотношение безотзывной доверенности с общими правилами о представительстве и доверенности, а также возникающие при ее применении практические вопросы. Отдельное внимание уделено пределам ограничения права доверителя на отмену доверенности и гарантиям защиты его интересов.

Ключевые слова: *безотзывная доверенность, представительство, доверитель, представитель, предпринимательская деятельность, отмена доверенности.*

Введение

Доверенность является краеугольным камнем представительства в правовом поле гражданского оборота, предоставляя возможность одному субъекту осуществлять юридически значимые действия от имени другого. Это включает, но не ограничивается, заключением договоров, распоряжением имуществом и представлением интересов перед контрагентами. По общепринятой норме, доверитель сохраняет за собой право в любой момент прекратить действие выданной им доверенности. Хотя это правило и обеспечивает доверителю безусловный контроль, оно может создавать риски правовой неопределенности для представителя и иных сторон правоотношений.

С целью устранения данной неопределенности и укрепления гарантий для предпринимательской деятельности, в гражданское законодательство РФ был инкорпорирован институт безотзывной доверенности. Ее основная задача — при соблюдении установленных законом условий гарантировать незыблемость полномочий представителя, в первую очередь, когда эти полномочия необходимы для обеспечения или исполнения обязательств в сфере предпринимательства. Важно отметить, что безотзывность не является абсолютной, поскольку законодательство определяет как основания для отмены доверителем, так и сохраняет общие причины прекращения действия доверенности.

Предметом настоящего анализа является определение правовой природы безотзывной доверенности, установление критериев ее действительности и выявление основных практических проблем, сопряженных с применением соответствующих законодательных положений.

1. Понятие и назначение безотзывной доверенности

Статья 188.1 Гражданского кодекса РФ определяет безотзывную доверенность не как отдельный договор или способ передачи имущества, а как письменное уполномочие на совершение действий от имени доверителя. Ее особенность заключается в ограниченном режиме отмены: доверитель указывает, что полномочие действует до конца срока или может быть отозвано лишь в случаях, предусмотренных самой доверенностью.

Такое ограничение целесообразно, если полномочия представителя необходимы для исполнения обеспеченного обязательства, и их досрочное прекращение может затруднить или сделать исполнение невозможным, тем самым повышая устойчивость правоотношения. Однако доверенность не заменяет основное обязательство и не передает право собственности, лишь устанавливая пределы представительства.

Безотзывная доверенность не дает представителю права действовать по своему усмотрению или в противоречии с волей доверителя. Представитель обязан соблюдать установленные рамки, действовать добросовестно. Общие правила представительства применяются, если специальными нормами не установлено иное [1, ст. 182, 188.1].

2. Условия выдачи и форма доверенности

Применение режима безотзывной доверенности возможно лишь при соблюдении специальных требований, установленных статьей 188.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Прежде всего, выдача такой доверенности должна быть обусловлена необходимостью исполнить или обеспечить исполнение обязательства доверителя перед представителем либо перед лицами, от имени или в интересах которых действует представитель. При этом само обязательство должно быть связано с осуществлением предпринимательской деятельности [1, ст. 188.1]. Таким образом, одной лишь формулировки о невозможности отмены недостаточно: для применения специального режима требуется предусмотренная законом связь доверенности с соответствующим обязательством.

Обязательным условием является нотариальное удостоверение доверенности. В ее тексте также должно быть прямо указано на ограничение возможности отмены в соответствии со статьей 188.1 ГК РФ [1]. Следовательно, условие о безотзывности должно быть выражено ясно и не оставлять сомнений в том, что документ выдается именно в специальном порядке, установленном законом.

Содержание доверенности должно позволять определить, какие действия представитель вправе совершать от имени доверителя. Поэтому целесообразно конкре-

тизировать предоставленные полномочия и обозначить их пределы. Такая определенность помогает установить, охватывает ли доверенность конкретное действие представителя, и снижает риск разногласий между участниками правоотношения.

К безотзывной доверенности применяются и общие правила о сроке действия доверенности. Если срок в документе не указан, она сохраняет силу в течение одного года со дня совершения [1, ст. 186]. При этом требование о нотариальном удостоверении следует непосредственно из специальной нормы статьи 188.1 ГК РФ; общие положения о форме доверенности применяются с учетом этого требования [1, ст. 185.1, 188.1].

Особый порядок предусмотрен для передачи полномочий в порядке передоверия. Такая передача допускается только тогда, когда возможность передоверия прямо предусмотрена в безотзывной доверенности [1, ст. 188.1]. Поэтому, если участие другого представителя предполагается, соответствующее условие следует включить в документ. В отличие от общего правила о передоверии, в данном случае разрешение должно быть выражено непосредственно в тексте доверенности.

3. Пределы безотзывности и основания прекращения

Специальный режим безотзывной доверенности не исключает ее отмену во всех случаях. Статья 188.1 ГК РФ ограничивает возможность произвольного отказа доверителя от предоставленных полномочий, однако предусматривает ситуации, в которых отмена допускается. В частности, доверитель вправе отменить доверенность после прекращения обязательства, для исполнения или обеспечения исполнения которого она была выдана. Отмена также возможна, если представитель злоупотребляет предоставленными ему полномочиями либо возникли обстоятельства, явно указывающие на риск такого злоупотребления [1, ст. 188.1].

Установленное законом регулирование направлено на сохранение баланса интересов сторон. Ограничение права на свободную отмену защищает представителя и иных заинтересованных лиц от необоснованного прекращения полномочий, необходимого для исполнения соответствующего обязательства. Вместе с тем предусмотренные исключения позволяют доверителю отозвать доверенность, если поведение представителя или сложившаяся ситуация создают угрозу его интересам.

Следовательно, условие о безотзывности устанавливает не абсолютную невозможность отмены, а особый порядок ее осуществления. Оно не может служить основанием для оправдания злоупотребления полномочиями или предоставлять представителю неограниченную свободу действий.

Практическая сложность может заключаться в оценке того, являются ли действия представителя злоупотреблением. Для решения этого вопроса необходимо учитывать содержание доверенности, цель ее выдачи, характер обязательства, фактические действия представителя и последствия для доверителя. Общие положения о добросовестности и запрете злоупотребления правом имеют значение и при применении статьи 188.1 ГК РФ [1, ст. 1, 10]. В спорах о представительстве суды также исходят из необходимости оценивать конкретные обстоятельства совершения сделки и пределы полномочий представителя [3].

Важно отличать отмену доверенности от иных оснований ее прекращения. Специальное правило о невозможности свободной отмены не исключает применения общих норм о прекращении доверенности. К таким основаниям относятся, в частности, истечение срока доверенности, отказ представителя от полномочий, прекращение юридического лица, от имени которого выдана доверенность или которому она выдана, а также предусмотренные законом обстоятельства, связанные с гражданско-правовым статусом гражданина [1, ст. 188]. Следовательно, безотзывность ограничивает именно возможность произвольной отмены доверителем, но не отменяет весь общий режим прекращения доверенности.

После отмены доверенности доверитель обязан известить об этом представителя, а также известных ему третьих лиц, для представительства перед которыми доверенность была выдана. Последствия совершения действий представителем до того, как ему или третьим лицам стало известно о прекращении доверенности, определяются статьей 189 ГК РФ [1, ст. 189]. Поэтому своевременное уведомление имеет практическое значение для защиты интересов доверителя и предотвращения споров о юридической силе действий представителя.

4. Практические проблемы применения

Одним из наиболее существенных вопросов при оформлении безотзывной доверенности является подтверждение предусмотренной законом цели ее выдачи. Если документ содержит только указание на невозможность отмены, но не позволяет установить связь предоставленных полномочий с исполнением или обеспечением предпринимательского обязательства, возникает риск сомнений в применимости к нему режима статьи 188.1 ГК РФ. Поэтому в доверенности целесообразно обозначить соответствующее обязательство и пояснить, каким образом предоставляемые полномочия связаны с его исполнением или обеспечением.

Практические затруднения могут возникать и при определении содержания полномочий представителя. Их чрезмерная широта способна привести к совершению действий, не связанных непосредственно с целью выдачи доверенности, и увеличить риск нарушения интересов доверителя. Напротив, недостаточно ясные формулировки могут затруднить установление того, входило ли конкретное действие в компетенцию представителя. Для снижения этих рисков полномочия следует описывать определенно и соразмерно цели доверенности, исключая как неоправданно общие формулировки, так и предоставление избыточных прав.

Отдельного рассмотрения требует соотношение ограничения права на отмену и сохранения возможности защитить интересы доверителя. Безотзывность не означает полного устранения такого контроля: закон допускает отмену доверенности после прекращения обеспечиваемого обязательства, а также при злоупотреблении представителем полномочиями или наличии обстоятельств, явно свидетельствующих о возможности такого злоупотребления [1, ст. 188.1]. Следовательно, положения доверенности не могут отменять или ограничивать эти законодательные гарантии.

Важным аспектом является и доведение информации о прекращении полномочий до лиц, с которыми взаимодействует представитель. Если доверенность отменена на предусмотренном законом основании, но заинтересованные третьи лица не уведомлены, это может стать причиной последующих разногласий относительно действий представителя. Поэтому при подготовке документа следует учитывать порядок и способы уведомления, особенно когда представитель действует во взаимоотношениях с несколькими контрагентами.

С учетом изложенного при составлении безотзывной доверенности рекомендуется указать обязательство, обусловившее ее выдачу, и прямо отразить установленное законом ограничение на отмену; конкретно определить содержание и пределы полномочий, а также срок их действия; отдельно установить, допускается ли передоверие; предусмотреть порядок уведомления заинтересованных лиц при прекращении полномочий. Соблюдение этих рекомендаций способствует большей определенности документа, но не освобождает стороны от соблюдения требований закона.

Заключение

Безотзывная доверенность представляет собой специальный инструмент гражданского права, направленный на обеспечение устойчивости представительских полномочий в отношениях, связанных с предпринимательской деятельностью. Ее ключевая особенность заключается в ограничении возможности свободной отмены доверенности доверителем. Такое ограничение допустимо только при соблюдении требований статьи 188.1 ГК РФ: наличии установленной законом цели, связи с предпринимательской деятельностью, нотариальном удостоверении и прямом указании на безотзывность.

При этом безотзывность не является абсолютной. Доверитель сохраняет право отменить доверенность после прекращения обеспечиваемого обязательства, а также при злоупотреблении представителем полномочиями или наличии очевидных оснований предполагать такое злоупотребление. Кроме того, сохраняют значение общие основания прекращения доверенности.

Таким образом, назначение рассматриваемого института состоит не в полном отказе доверителя от контроля, а в установлении особого баланса между стабильностью полномочий представителя и защитой интересов доверителя. Эффективность этого механизма во многом зависит от точности формулировок доверенности и соответствия ее содержания цели, ради которой она выдана.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2327.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2011.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2019.
6. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011.

Наследование выморочного имущества

Омарова Акмарал Хасеновна, студент магистратуры
Омская юридическая академия

В современном правовом пространстве наследование выморочного имущества представляет собой актуальную и сложную проблему, требующую системного анализа и поиска эффективных решений. Объектом исследования является процесс наследования выморочного имущества — имущества, которое по различным при-

чинам не было востребовано наследниками или не имело наследников, что влечет за собой его последующее распределение в соответствии с действующим законодательством. Предметом исследования выступает правовые механизмы, регулирующие наследование выморочного имущества, а также практические аспекты их реализации и возможные конфликты, возникающие в процессе урегулирования данной категории наследственных отношений.

Выморочное имущество представляет собой особую категорию наследственного объекта, которая возникает в случаях, когда имущество наследодателя не имеет наследников, либо все наследники отказываются от наследства, либо наследники по каким-либо причинам не могут или не желают его принять. В соответствии с действующим законодательством, выморочное имущество считается собственностью государства или муниципальных образований, в зависимости от конкретных правовых норм, регулирующих данный вопрос. Основной характеристикой выморочного имущества является отсутствие лиц, которые могли бы претендовать на наследование по закону или по завещанию, что обусловливает необходимость особого правового регулирования его дальнейшего обращения.

В источнике [1] исследовали правовые основы определения выморочного имущества, подчеркнув его важность для правильного регулирования наследственных отношений. Выморочное имущество возникает в случаях, когда наследники не установлены, не заявляют о своих правах или не могут принять наследство в установленный срок. Такой актив подлежит передаче в собственность государства или муниципальных образований согласно действующему законодательству. В процессе определения выморочного имущества необходимо провести инвентаризацию, оценку стоимости и оформление соответствующих документов. Правовые нормы обеспечивают прозрачность процедур, защищают интересы государства и третьих лиц, а также регулируют вопросы налогообложения и обязательств. Важным аспектом является четкое установление критериев, позволяющих своевременно определить статус имущества и обеспечить его законное использование. Правильное определение выморочного имущества способствует предотвращению конфликтов, обеспечивает эффективное управление активами и соответствует задачам развития правовой системы.

Особенности наследования выморочного имущества являются важной и актуальной темой в рамках наследственного права, поскольку такие случаи требуют особого подхода и учета специфических правовых аспектов.

Одной из ключевых особенностей является то, что выморочное имущество по законодательству переходит в собственность государства или муниципальных образований. В большинстве стран установлены четкие процедуры определения выморочного имущества, которые включают поиск наследников, проверку документов и проведение необходимых экспертиз. Если наследники не найдены или отказываются от наследства, имущество считается выморочным и подлежит передаче в государственную собственность. Этот процесс регулируется специальными нормативными актами, в которых прописаны условия и порядок обращения с выморочным имуществом, а также сроки, в течение которых должны быть предприняты соответствующие действия.

Особенностью наследования выморочного имущества является то, что оно может включать разнообразные виды активов: недвижимость, движимое имущество, ценные бумаги, денежные средства, а также имущественные комплексы, такие как бизнесы или предприятия. Передача таких активов требует соблюдения особых процедур, направленных на сохранение их стоимости и предотвращение злоупотреблений. Например, недвижимость, являющаяся частью выморочного имущества, должна быть официально зарегистрирована в государственных реестрах, а все сделки с ней — оформлены в соответствии с требованиями законодательства. В случае движимого имущества, ценностей или денежных средств передача осуществляется на основании соответствующих договоров, подтверждающих право наследников на получение этих активов.

Особое значение в наследовании выморочного имущества имеет вопрос о сохранении имущественных комплексов, таких как бизнесы или предприятия. В таких случаях законодательство предусматривает особые процедуры, направленные на сохранение их функционирования и предотвращение разрушения или распада. Обычно это включает назначение управляющих или временных администраторов, проведение оценки стоимости имущества, а также разработку планов по дальнейшему развитию или продаже активов. Эти меры позволяют обеспечить стабильность и сохранность наследственного имущества, а также защитить интересы государства и потенциальных наследников, если они появятся в будущем.

Еще одной важной особенностью является регулирование обязанностей наследников в отношении выморочного имущества. Закон предусматривает, что наследники, получая имущество, обязаны уплачивать соответствующие налоги, сборы и другие обязательные платежи. В большинстве стран действует наследственный налог, который наследники обязаны уплатить в установленные законом сроки. Нарушение этих требований влечет за собой ответственность, включая штрафы и судебные разбирательства. Кроме того, законодательство предусматривает ответственность за сокрытие или неправомерное распоряжение выморочным имуществом, что помогает предотвратить мошенничество и злоупотребления.

В источнике [3] исследовали все аспекты и практические нюансы наследования с учетом последних законодательных новелл. Подробно раскрыты правовые тонкости наследования по различным основаниям, включая наследование по наследственному договору, в том числе заключенному между супругами. Значительное внимание уделено порядку и процедуре приобретения наследства во взаимодействии с нотариусами, ведущими наслед-

ственное дело. Достоинством работы является сопровождение каждого этапа процесса наследования комментариями судебной практики, в том числе разъяснениями Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ. Практическое пособие предназначено для студентов и преподавателей высших юридических учебных заведений. Книга будет полезна гражданам, намеревающимся завещать свое имущество, гражданам и юридическим лицам, приобретающим наследство, а также нотариусам, ведущим наследственные дела.

В процессе наследования выморочного имущества нередко возникают различные конфликты, связанные с особенностями его правового статуса, процедурой определения наследников и распределения активов. Одним из наиболее распространенных источников споров является вопрос о праве собственности на выморочное имущество. Поскольку такое имущество не имеет очевидных наследников или их права оспариваются, возникают ситуации, когда заинтересованные стороны претендуют на одни и те же активы. Это может привести к судебным разбирательствам, затягиванию процесса и дополнительным затратам.

Еще одним типичным конфликтом является спор о порядке наследования. В случае отсутствия завещания или его недействительности наследники могут не согласовывать между собой порядок распределения имущества. Особенно остро такие споры возникают при наличии нескольких претендентов, каждый из которых считает, что его права должны быть признаны приоритетными. В таких ситуациях зачастую требуется вмешательство суда, что увеличивает временные и финансовые издержки для всех участников.

Литература:

1. Булаевский Б. А. Наследственное право / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Российской Федерации; [Булаевский Б. А. и др.]; отв. ред. К. Б. Ярошенко / Булаевский Б. А. — Wolters Kluwer Russia, 2005–443 с.
2. Зайцева Т. И. Наследственное право в нотариальной практике: комментарии (ГК РФ, ч. 3, разд. V), метод. рекомендации, образцы док., норматив. акты, судеб. практика: практ. пособие / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенинников — 5-е изд., перераб. и доп. — Wolters Kluwer Russia, 2005–795 с.
3. Абрамов В. Порядок наследования и принятия наследства / Абрамов В. — ЛитРес, 2022–502 с.
4. Государство как субъект наследственных правоотношений при наследовании выморочного имущества. — Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-subekt-nasledstvennyh-pravootnosheniy-pri-nasledovanii-vymorochnogo-imuschestva (дата обращения: 03.11.2026).

Специфика участия налогового органа в исполнительном производстве

Павлова Александра Сергеевна, студент;
Трапезникова Дарья Сергеевна, студент
Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается правовой статус налогового органа в исполнительном производстве, который характеризуется уникальным двойственным характером. С одной стороны, налоговый орган выступает как взыскатель, представляющий публично-правовые интересы государства по пополнению бюджета, с другой — как орган, содействующий исполнению решений судебных и иных уполномоченных органов, обладающий ценными информационными ресурсами. Анализируется правовая основа участия налогового органа в исполнительном производстве, раскрываются специфические черты статуса налогового органа как взыскателя: особый характер исполнительных, публично-правовой интерес и процессуальные особенности взаимодействия. Исследуется проблема баланса между режимом налоговой тайны и правом взыскателя на получение информации.

Ключевые слова: *налоговый орган, исполнительное производство, взыскатель, содействующий орган, налоговая тайна, судебный пристав-исполнитель.*

Правовой статус налогового органа в исполнительном производстве имеет уникальный, двойственный характер. С одной стороны, налоговый орган выступает в роли взыскателя, представляющего публично-правовые интересы государства по пополнению бюджета. С другой стороны, он является обладателем ценных информационных ресурсов (баз данных о счетах, имуществе, доходах физических и юридических лиц) и выступает в качестве органа, содействующего исполнению решений органов судебной власти и иных уполномоченных органов [1].

1. Статус взыскателя приобретается налоговым органом в случаях, когда принудительное взыскание задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, пеням и штрафам невозможно осуществить во внесудебном (бесспорном) порядке за счет денежных средств на счетах в банках, либо когда речь идет о налогоплательщиках — физических лицах, не являющихся индивидуальными предпринимателями [2].

Специфика налогового органа как взыскателя выражается в следующих аспектах:

Во-первых, особый характер формируемых исполнительных документов. В отличие от физических лиц и коммерческих организаций, налоговый орган может направлять судебному приставу-исполнителю не только постановления и исполнительные листы судов, но и собственные решения (постановления) о взыскании налога за счет имущества должника, вынесенные в соответствии со статьей 47 НК РФ [3]. Данное постановление имеет статус исполнительного документа [4].

Во-вторых, публично-правовой интерес. Налоговый орган не имеет коммерческой заинтересованности в получении выгоды. Его цель — обеспечение полноты и своевременности поступления платежей в бюджетную систему.

В-третьих, процессуальные особенности взаимодействия. Налоговый орган как взыскатель обладает всеми правами стороны исполнительного производства: может знакомиться с материалами производства, заявлять ходатайства, обжаловать действия или бездействие судебного пристава-исполнителя.

2. Содействие налоговых органов судебному приставу-исполнителю и взыскателю заключается в информационном обеспечении процесса принудительного исполнения. Налоговый орган в данном контексте выступает не как сторона конфликта, а как держатель публичных реестров и базовых финансовых данных.

Основные направления содействия:

— «Соглашение о порядке взаимодействия Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов при исполнении исполнительных документов» предусматривает, что налоговый орган, направляя приставам своё постановление о взыскании задолженности за счёт имущества, также направляет сведения об имуществе должника. Обмен информацией между ФНС России и ФССП России, их территориальными органами и подразделениями осуществляется в электронном виде посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) [5].

— Раскрытие информации о банковских счетах: Согласно ст. 86 Налогового кодекса РФ (НК РФ), банки обязаны сообщать в налоговый орган об открытии, закрытии или изменении реквизитов счетов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц.

— Предоставление сведений о доходах и имущественном положении: ФНС располагает сведениями о доходах физических лиц (формы 2-НДФЛ, 3-НДФЛ), данных о работодателях (налоговых агентах), а также о дивидендах и иных выплатах. Для приставов это главный источник информации при обращении взыскания на заработную плату или иные выплаты должника.

— Данные об участии в коммерческих организациях и зарубежных активах: ФНС ведет Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) и Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП). Через налоговую службу пристав выявляет доли должника в уставных капиталах ООО, что позволяет обратить на них взыскание. Также ФНС получает сведения от граждан и юридических лиц об открытии счетов в иностранных банках и о контролируемых иностранных компаниях (КИК).

Главная правовая проблема участия ФНС как содействующего органа — это соблюдение баланса между режимом налоговой тайны (ст. 102 НК РФ) и правом взыскателя на получение информации для исполнения решения суда, предусмотренного ст. 69 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [6].

Законодатель решил этот конфликт следующим путем: по общему правилу сведения, полученные налоговым органом, составляют налоговую тайну и не подлежат разглашению, но передача сведений судебному приставу-исполнителю, а также самому взыскателю (при наличии предъявленного исполнительного документа) не является разглашением налоговой тайны, так как это прямо предусмотрено федеральным законом.

При этом письмо ФНС России от 22.12.2020 № ЕА-4–15/21094@ ограничивает объем предоставляемой информации: по запросу пристава налоговый орган предоставляет только сведения, прямо предусмотренные ч. 9 ст. 69 Закона № 229-ФЗ — о наименовании и местонахождении банков, номерах расчётных счетов [7]. Информацию о недвижимости, транспортных средствах и иных активах физлица ФНС приставу не предоставляет, так как эти сведения составляют налоговую тайну. Участие налогового органа в исполнительном производстве сочетает функции активного публичного кредитора и ключевого информационного партнера органов принудительного исполнения.

В определении КС РФ от 16.05.2023 № 1030-О КС РФ прямо связал право взыскателя обратиться за сведениями в налоговый орган с эффективностью судебной защиты:

«Для того чтобы защита имущественных прав взыскателя указанным способом имела эффективный, а не теоретический характер, последний для установления реквизитов банковских счетов должника... вправе обратиться в налоговый орган с запросом о предоставлении данной информации, в чем ему не может быть отказано» [8].

Одновременно КС РФ подчеркнул, что сведения о счетах составляют банковскую и налоговую тайну, а изъятия из этих режимов «исчерпывающим образом установлены федеральным законодательством строго в целях защиты прав и законных интересов граждан». То есть предоставление сведений взыскателю — это законное изъятие из режима тайны, оправданное защитой прав кредитора.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что налоговый орган занимает особое положение в системе субъектов исполнительного производства, которое не сводится ни к статусу взыскателя, ни к статусу содействующего органа в их классическом понимании. Двойственная правовая природа статуса налогового органа обусловлена фискальной направленностью его деятельности и необходимостью обеспечения наиболее эффективного взыскания обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации.

Литература:

1. Гуреева В. А. Исполнительное производство: учебник / В. А. Гуреева, В. В. Гущин. — Москва: Статут, 2021. — 224 с.
2. Зарубин А. В. К вопросам обращения взыскания по налоговой задолженности в исполнительном производстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8, № 1 (29). — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65615382&ysclid=mv9q84q1th690251197 (дата обращения: 15.10.2026).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146 — ФЗ // СЗ РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
4. Коровяковский Д. Г. Взыскание налога (сбора) и пени за счет имущества налогоплательщика-организации или налогового агента-организации // Бухгалтер и закон. 2004. № 10 (70). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzyskanie-naloga-sbora-i-peni-za-schet-imuschestva-nalogoplatelschika-organizatsii-ili-nalogovogo-agenta-organizatsii-1 (дата обращения: 15.10.2026).
5. «Соглашение о порядке взаимодействия Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов при исполнении исполнительных документов» (утв. ФНС России N ЕД-23–8/7@, ФССП России N 00016/23/3-МВ 13.02.2023). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439899/ (дата обращения: 15.10.2026).
6. Федеральный закон от 02.10.2002 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
7. Письмо Федеральной налоговой службы от 22 декабря 2020 г. № ЕА-4–15/21094@ «О рассмотрении запроса» — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400248537/ (дата обращения: 15.10.2026).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 № 1030-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салтанова Николая Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частью 8 и пунктом 2 части 9 статьи 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс»: интернет — портал. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=763460&ysclid=mv9qobxg9s537024328#ytfS8YVo3hd7OGbn (дата обращения: 15.10.2026).

Проблемы разграничения ответственности туроператора и турагента и информационного обеспечения потребителя туристских услуг

Панюшкин Иван Олегович, студент магистратуры
Научный руководитель: Строкова Ольга Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы определения надлежащего ответчика при цепочечной структуре договорных связей между туроператором, турагентом и субагентом, а также проблемы информационного обеспечения потребителя туристских услуг, в том числе при электронном бронировании. На основе анализа судебной практики сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о туристской деятельности.

Ключевые слова: *туристский продукт, туроператор, турагент, субагент, ответственность, информационная обязанность, защита прав потребителей, электронное бронирование.*

Вопрос о субъекте ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора о реализации туристского продукта остается одним из наиболее дискуссионных в правоприменительной практике. Статья 9 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» закрепляет общий принцип ответственности туроператора перед туристом [1], однако договорная конструкция все более усложняется: отношения туриста с фактическим исполнителем услуг опосредуются действиями турагента, а нередко и привлеченного им субагента.

В результате истцы испытывают затруднения при определении надлежащего ответчика. Так, по делу № 2–30/2025, рассмотренному Чудовским районным судом Новгородской области, потребитель предъявил требования к ООО «САНМАР ТУР», указанному в договоре с турагентом в качестве туроператора, однако выяснилось, что туристский продукт сформировало ООО «Турмагазин», и в иске к первоначальному ответчику было отказано [2]. Формальное исполнение турагентом предусмотренной статьей 10.1 Закона № 132-ФЗ обязанности указывать в договоре сведения о туроператоре фактически препятствует защите прав потребителя в разумные сроки.

Как справедливо отмечают В. О. Васильева и А. М. Яхьяева, предметом обязательства выступает комплексная услуга, в оказании которой участвуют несколько субъектов, каждый из которых выполняет обособленную функцию, но отвечает перед потребителем в рамках единого обязательства [3, с. 162–164]. Поэтому разграничение ответственности туроператора и турагента должно производиться не по буквальному тексту договора, а с учетом фактических действий каждого из них.

Согласно пункту 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 ответственность перед туристом по договору, заключенному турагентом как от имени туроператора, так и от своего имени, несет туроператор [4]. Однако туроператор нередко получает не всю уплаченную туристом сумму. По делу, рассмотренному Подольским городским судом Московской области, из 88 058 рублей туроператору ООО «АЙ СИ ЭС ГРУПП» было перечислено 80 640 рублей 23 копейки, а остальное составило вознаграждение турагента и субагента [5]. Тур был забронирован через агрегатор Level Travel, и при возврате денежных средств расчеты распределились между тремя организациями, а контроль за полнотой возврата фактически лег на туриста.

Представляется целесообразным закрепить в законе ответственность туроператора за всю сумму, уплаченную туристом, независимо от того, какая ее часть была ему перечислена, с сохранением права регрессного требования к турагенту. Нуждается в уточнении и положение субагента: статья 1009 Гражданского кодекса РФ допускает заключение субагентского договора [6], однако Закон № 132-ФЗ не определяет пределы ответственности субагента перед потребителем.

Вместе с тем требование добросовестности распространяется и на самого потребителя. В подольском деле суд применил статью 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом, установив, что истцы указали сумму уже полученных ими возвратов не в полном объеме [5]. Категории добросовестности и разумности применимы в равной мере к исполнителю и к потребителю и не могут использоваться избирательно.

Вторая группа проблем связана с информационным обеспечением потребителя. Соответствующие обязанности закреплены в статье 10 Закона № 132-ФЗ, статьях 8–10 Закона РФ «О защите прав потребителей» [7] и Правилах оказания услуг по реализации туристского продукта [8], однако именно здесь возникает значительная часть споров. Т. В. Черевичко и Т. В. Темякова обоснованно указывают на объективную информационную асимметрию между туроператором и туристом [9, с. 246–254], которая должна компенсироваться повышенными обязанностями исполнителя.

Анализ практики позволяет выделить несколько типичных нарушений. Первое — недостоверные сведения о туроператоре в договоре, вызванные использованием типовых бланков. Второе — недоведение информации о существенных условиях тура, например, о невозвратном тарифе авиабилетов. В упомянутом чудовском деле туроператор ссылался на памятку, размещенную на сайте sunmar.ru, однако суд установил, что в самом договоре эта информация не отражена [2]. Отсылка к сайту исполнителя не может считаться исполнением обязанности, предусмотренной пунктом 1 статьи 10 Закона о защите прав потребителей, поскольку перекладывает на потребителя бремя поиска условий, которые должны быть доведены до него при заключении договора.

Третье — информирование о правилах въезда и выезда (пункты 9–12 Правил). Общая фраза в памятке «проверьте задолженности перед выездом» недостаточна: профессиональный участник рынка должен давать конкретные рекомендации, в том числе указывать на сервис ФССП России для проверки исполнительных производств. Четвертое — отсутствие у туриста сведений об иностранном поставщике услуг (в чудовском деле — ODEON TOURS LLC), ссылаясь на условия договора с которым туроператор отказывается возвращать стоимость услуг и тем самым перекладывает свой предпринимательский риск на потребителя. Пятое — подтверждение информирования при электронном заключении договора: отметка о согласии с условиями не свидетельствует о реальном ознакомлении с пространным типовым текстом, а нормативные требования к способам такого ознакомления в действующем законодательстве отсутствуют.

Немаловажен и контроль за исполнением информационных обязанностей. Роспотребнадзор обладает полномочиями по проведению проверок и применению мер ответственности, однако его активность в туристской сфере недостаточна. Периодические проверки соответствия предоставляемой туристам информации требованиям закона способны существенно повысить дисциплину туроператоров и турагентов.

Представляется возможным предложить следующие меры. Во-первых, закрепить в Законе № 132-ФЗ требование прямо излагать в тексте договора все существенные условия, включая сведения о туроператоре, иностранном поставщике и невозвратных элементах турпакета. Во-вторых, установить дополнительные гарантии для дистанционного заключения договора: отдельное подтверждение существенных условий и сохранение доказательств ознакомления с ними. В-третьих, обязать исполнителей предоставлять туристу индивидуализированную

памятку по направлению вместо типовой информации на сайте. В-четвертых, на уровне разъяснений Верховного Суда РФ выработать единые подходы к определению надлежащего ответчика при цепочечной структуре договорных связей. Комплексное решение этих вопросов позволит обеспечить баланс интересов участников туристского рынка и эффективную защиту туриста как экономически более слабой стороны договора.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 49. — Ст. 5491.
2. Решение Чудовского районного суда Новгородской области от 10.03.2025 по делу № 2–30/2025. — URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-f7412851–9beb-5cb5–984c-b9c347ab85b4/ (дата обращения: 20.03.2026).
3. Васильева В. О., Яхьяева А. М. К вопросу о правовой природе предмета отношений в сфере туристской деятельности, в частности, возникающих из договора о реализации туристского продукта // Образование и право. — 2023. — № 6. — С. 162–164.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8304/ (дата обращения: 25.03.2026).
5. Решение Подольского городского суда Московской области от 29.07.2020 по делу № 2–1756/2020. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/mLQhqdqR9jVP/ (дата обращения: 25.03.2026).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
8. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1852 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 47. — Ст. 7551.
9. Черевичко Т. В., Темякова Т. В. Парадокс цифровизации туризма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2023. — Т. 23, № 3. — С. 246–254.

Особенности заключения договоров в сфере электронной коммерции

Парамонова Светлана Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются правовые особенности заключения гражданско-правовых договоров в сфере электронной коммерции. Анализируются проблемы и особенности квалификации информации, размещённой на сайтах продавцов, определения момента заключения договора, идентификации сторон, использования электронной подписи, а также сложности, связанные с характером сделок и участием информационных посредников. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: *электронная коммерция, электронный договор, оферта, акцепт, электронная подпись, дистанционный способ продажи, информационный посредник, маркетплейс.*

Заключение договоров в сфере электронной коммерции — это актуальная тема, которая неразрывно связана с развитием современных технологий.

Цифровизация торговли привела к тому, что значительная часть сделок совершается в сети «Интернет» без физического контакта сторон. Договор в электронной коммерции традиционно квалифицируется как соглашение, созданное, заключённое и исполняемое с использованием электронных средств связи, его основным признаком является электронное взаимодействие сторон — передача данных без сохранения на физических носителях. Актуальность темы обусловлена также быстрым ростом маркетплейсов и расширением трансграничной онлайн-торговли, для которых классические нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) о порядке заключения договора требуют адаптации.

Общие положения о заключении договора сосредоточены в главе 28 ГК РФ. Пунктом 2 ст. 434 ГК РФ закреплено, что договор в письменной форме может быть заключён путём составления единого документа, в том числе электронного, подписанного сторонами, либо путём обмена письмами, телеграммами, электронными документами и иными данными. Понятие электронного документа раскрывается в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006

№ 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям.

Таким образом, для заключения договора в электронной форме необходимо выполнение двух условий: возможность воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде и возможность достоверно определить лицо, выразившее волю. Специфику розничной онлайн-торговли с участием потребителей конкретизирует ст. 497 ГК РФ о дистанционном способе продажи товара, а также Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи (постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463).

Заключение договоров в электронной коммерции:

1. Оферта — предложение должно содержать существенные условия и намерение считаться договором заключённым. Размещение товара на сайте с описанием, каталогом и фотографиями закон прямо признаёт публичной офертой, даже если цена не указана (ст. 494 ГК РФ).

2. Акцепт — в онлайн-среде акцепт почти всегда конклюдентный, при котором согласие на оферту выражается не в текстовой форме, а через совершение определённых действий, например, отметка «Согласен с условиями», оплата товара, ввод кода из SMS.

3. Форма — электронная форма приравнивается к письменной, если содержание сделки можно воспроизвести в неизменном виде и есть способ достоверно определить лицо, выразившее волю (ст. 160, 434 ГК РФ).

4. Электронная подпись — по 63-ФЗ «Об электронной подписи» документ, подписанный квалифицированной ЭП, равнозначен бумажному с собственноручной подписью во всех правоотношениях.

Особенности заключения договоров:

1. Идентификация информации на сайте. Не всякая информация на сайте продавца — это оферта. Нужно чётко понимать: содержит ли она все существенные условия договора и выражает ли намерение лица заключить договор на этих условиях. Часто продавцы добавляют дисклеймеры («информация носит справочный характер»), чтобы избежать признания карточки товара офертой.

2. Определение момента заключения договора. В электронной среде бывает сложно точно зафиксировать, когда именно договор считается заключённым. По общему правилу (п. 1 ст. 433 ГК РФ) — в момент получения акцепта оферентом, но на практике стороны часто ориентируются на другие события: подтверждение заказа продавцом, оплату товара покупателем. Это порождает споры, поэтому в договорах нередко закрепляют конкретный момент, с которого договор считается заключённым.

3. Идентификация сторон. При отсутствии физического контакта критически важно достоверно установить, кто именно выразил волю. Здесь возникают риски: пользователь может действовать под псевдонимом, а учётные данные (логин, пароль) иногда попадают к третьим лицам. Использование электронной подписи помогает решить задачу, но есть нюансы: квалифицированная электронная подпись (КЭП) по закону признаётся равнозначной собственноручной, а для простой (ПЭП) или неквалифицированной (НКЭП) часто требуется отдельное соглашение между сторонами. Без такого соглашения в споре может возникнуть риск оспаривания.

4. Способы выражения воли. В электронной среде распространены специфические механизмы:

1) «Click-wrap» — пользователь явно выражает согласие (нажимает кнопку «Я согласен»).

2) «Browse-wrap» — условия размещены на сайте, и воля выражается конклюдентно (продолжением пользования сайтом). Здесь есть риск, что пользователь не ознакомился с текстом.

3) «Shrink-wrap» — условия включены в «пакет» (например, лицензионное соглашение ПО), и согласие выражается при «открытии» упаковки.

5. Трансграничный характер. Многие сделки в электронной коммерции выходят за пределы одной юрисдикции. Это порождает сложности с определением применимого права и подсудности при возникновении споров.

6. Использование автоматизированных систем. Иногда договор заключается в результате взаимодействия электронного агента (программы) одной стороны с физическим лицом или электронным агентом другой стороны. Правовые системы ряда стран признают такую возможность, но в российской практике это пока вызывает вопросы.

7. Доказывание в спорах. Если дело доходит до суда, сторонам приходится представлять цифровые доказательства: скриншоты, логи, протоколы осмотра электронных доказательств у нотариуса, данные провайдера об IP-адресах. Суд оценивает не только формальные признаки, но и совокупность обстоятельств: действительно ли воля исходила от конкретного лица, не было ли искажений при передаче данных.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, механизм заключения договора в электронной коммерции подчиняется общим нормам ГК РФ об оферте, акцепте и форме договора, однако каждая из этих стадий модифицируется цифровой средой: ключевыми становятся вопросы квалификации информации на сайте, момента получения акцепта и достоверной идентификации сторон. Во-вторых, сохраняется неопределённость, связанная с отсутствием легального понятия электронной коммерции и неединообразием судебной практики по делам о признании информации на сайте офертой. В-третьих, требуется развитие регулирования в направлении закрепления статуса электронных агентов, установления чёткого момента заключения онлайн-договора и механизмов взаимного признания электронных подписей, а также усиления защиты прав потребителей в отношениях с маркетплейсами.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ст. 158–165, 432–445, 492, 497).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».
5. Хабиров А. И. Особенности механизма заключения договора в сфере электронной коммерции: проблемы квалификации информации в качестве оферты // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 2. С. 122–127.
6. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 2005 г.).

Фактические брачные отношения как объект правового регулирования: векторы реформирования российского законодательства с учетом зарубежного опыта

Патрина Карина Руслановна, студент магистратуры
Московский гуманитарно-экономический университет

В статье актуализируется проблема правового вакуума, сложившегося вокруг института фактических брачных отношений в условиях трансформации социальных реалий и устойчивого роста числа незарегистрированных сожительств. Целью исследования является комплексный анализ пробелов в регулировании имущественных, алиментных и наследственных прав партнеров, а также разработка векторов совершенствования отечественного законодательства. Методологическую основу работы составляет сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей, демонстрирующих переход от тотального игнорирования таких союзов к точечному предоставлению партнерам отдельных гарантий. На основе изучения российской судебной практики и доктринальных источников автором выделяются четыре возможных сценария реформирования: минималистский, институциональный, имущественно-ориентированный и договорный.

Ключевые слова: *фактические брачные отношения, гражданский брак, сожительство, семья, супруги, правовое регулирование, зарубежный опыт.*

Factual marital relations as an object of legal regulation: directions for reforming Russian legislation taking into account foreign experience

The article addresses the problem of the legal vacuum that has developed around the institution of de facto marital relations in the context of the transformation of social realities and the steady growth in the number of unregistered cohabitations. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of the gaps in the regulation of property, alimony, and inheritance rights of partners, as well as to develop directions for improving domestic legislation. The methodological basis of the work is a comparative legal analysis of foreign models that demonstrate a shift from the total disregard of such unions to the targeted provision of specific guarantees to partners. Based on a study of Russian judicial practice and doctrinal sources, the author identifies four possible reform scenarios: minimalist, institutional, propertyoriented, and contractual.

Keywords: *de facto marital relations, civil marriage, cohabitation, family, spouses, legal regulation, foreign experience.*

Российское семейное законодательство на протяжении последних десятилетий исходит из того, что правовые последствия порождает исключительно брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния. Пункт 2 статьи 1 и пункт 2 статьи 10 Семейного кодекса Российской Федерации» [2] не оставляют сомнений: фактическое совместное проживание, сколь бы длительным и устойчивым оно ни было, само по себе не создает режима совместной собственности, не порождает алиментных обязательств и не открывает наследственных прав. Верховный Суд РФ в определении от 4 февраля 2025 г. № 18-КГ24–353-К4 воспроизвел эту позицию с предельной ясностью, указав, что фактическое совместное проживание «фактическое совместное проживание не является гражданским браком и не порождает правовых последствий, которые влечет факт заключения брака в органах записи актов гражданского состояния. Режим совместной собственности супругов на имущественные

отношения между лицами, не состоящими в браке, распространен быть не может» [7].

Однако социальная реальность демонстрирует рост числа фактических сожительств, так называемых «фактических браков», которые не уступают зарегистрированным ни по длительности, ни по наличию совместных детей, ни по ведению общего хозяйства [3, с. 62].

Между тем социальная реальность давно разошлась с этой нормативной конструкцией. Фактические сожительства не уступают зарегистрированным бракам ни по длительности, ни по наличию общих детей, ни по ведению общего хозяйства, однако их участники остаются вне поля семейно-правового регулирования. В 2025 году, количество пар, проживающих вне официального брака, составило 5,4 млн, что на 1 млн. больше, в 2015 году. Это, в свою очередь, свидетельствует о снижении значимости традиционных брачных практик и нежеланием регистрировать свой брачный союз [4, с. 151]. Возникает классическая ситуация правового пробела, который не может быть восполнен ни расширительным толкованием, ни аналогией закона: законодатель сознательно не распространяет на незарегистрированные союзы нормы, адресованные супругам. Вопрос, следовательно, заключается не в том, признавать или не признавать фактические брачные отношения, а в том, в каком объеме и какими средствами регулировать порождаемые ими имущественные и личные неимущественные связи.

Наиболее болезненно отсутствие легального статуса фактических брачных отношений проявляется в трех сферах (рис. 1).

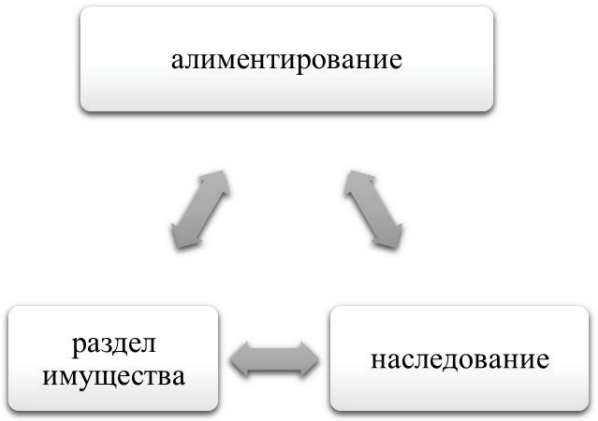

Рис. 1. **Сферы наиболее острого проявления правовых пробелов в регулировании фактических брачных отношений**

При разделе имущества, нажитого в незарегистрированном союзе, применяются не нормы СК РФ о совместной собственности супругов, а положения главы 16 Гражданского кодекса РФ [1] об общей долевой собственности. Это означает, что бывший фактический супруг должен доказать факт внесения личных средств на приобретение конкретного имущества и размер своей доли — задача, которая в процессуальном отношении нередко оказывается неразрешимой, особенно когда речь идет о длительных отношениях с неформальным распределением доходов и расходов. Судебная практика выработала отдельные компенсаторные механизмы, в частности через конструкцию неосновательного обогащения, однако они носят фрагментарный характер и не заменяют системного регулирования. Наглядной иллюстрацией правового вакуума служит Решение Павловского районного суда Краснодарского края от 25 октября 2023 г. по делу № 2–614/2023 [10]. Отказывая фактической супруге, не имевшей самостоятельного дохода и посвятившей себя ведению общего хозяйства, в разделе имущества (со ссылкой на ст. 244, 252 ГК РФ), суд констатировал, что СК РФ не регулирует отношения сожителей, а совместное проживание само по себе не создает общей собственности. Данный пример демонстрирует системный характер проблемы: без государственной регистрации брака лицо, выполнявшее традиционные семейные функции, не только лишается прав на нажитое имущество, но и не может претендовать на алименты или наследство (ст. 1142 ГК РФ), оставаясь вне поля семейно-правовой защиты.

Не менее остро стоит вопрос об алиментах. Действующее законодательство не предоставляет бывшему фактическому супругу права требовать содержания, даже если он добросовестно выполнял «семейные» функции — вел домашнее хозяйство, осуществлял уход за общими детьми, отказываясь от профессиональной самореализации в пользу партнера. Наконец, наследственные права фактических супругов друг относительно друга по закону отсутствуют. «В соответствии со ст. 1118 Гражданского кодекса РФ, фактический супруг, опираясь на принцип свободы завещания, может указать в данном документе второго фактического супруга в качестве наследника (с учетом нормы об обязательной доле в наследстве). В этом случае, после смерти наследодателя фактический супруг становится полноправным наследником и приобретает в собственность соответствующее имущество. Но в случае отсутствия завещания переживший фактический супруг не входит в круг наследников в соответствии с главой 63 Гражданского кодекса РФ» [5, с. 148].

Сравнительно-правовой анализ (таблица 1) показывает, что развитые правопорядки не знают единого рецепта регулирования фактических брачных отношений; спектр решений простирается от полного отсутствия специального законодательства до развитых систем регистрируемых партнерств и судебного признания фактических союзов. Одной из самых передовых стран, в области правового регулирования вопроса фактического брака является Швеция, где в 2003 году был принят соответствующий закон. Началом фактического брака шведское законодательство связывает с государственной регистрацией совместного проживания в налоговых органах [9].

Таблица 1. **Модели правового регулирования фактических брачных отношений в зарубежных правопорядках**

Правопорядок	Модель регулирования	Ключевые особенности правового статуса
Франция	Институциональная альтернатива	Введен PACS (ст. 515–4 ГК), порождающий обязанности совместной жизни и взаимопомощи. Сожительство (ст. 515–8) не порождает правовых последствий.
Германия	«Негативная» (невмешательство)	Специальное законодательство отсутствует. Правовое регулирование ограничено нормами о содержании ребенка (§ 1615l ГГУ).
Англия и Уэльс	Активное реформирование	Реформа 2025–2026 гг. предлагает предоставить сожителям (при совместном проживании от 3 лет или наличии ребенка) право на финансовую компенсацию при расставании.
США	Децентрализованная	Институт фактического брака сохраняется лишь в 10 штатах. В остальных штатах защита интересов партнеров строится на договорном праве.

Зарубежное законодательство содержит примеры специальной регистрации фактического брака, однако она, в большинстве случаев, осуществляется ином порядке и в иных органах, нежели те, которые регистрируют официальный брак.

Зарубежные правопорядки демонстрируют широкую вариативность подходов к регулированию фактических брачных отношений — от полного отрицания их правового значения до разработки отдельных институциональных форм. При этом общей тенденцией, прослеживаемой в новейших реформах (на примере Англии и Уэльса), становится отказ от тотального игнорирования таких союзов в пользу точечного предоставления партнерам имущественных и наследственных гарантий без приравнивания их к супругам.

Вступление в фактический брак и пребывание в нем должно быть связано с наличием у лиц соответствующего на то желания, сформированного при отсутствии любого воздействия на их волю и сознание как со стороны иных лиц, так и при стечении определенных жизненных обстоятельств. Необходимо также, чтобы свободно сформированная воля лица на вступление в фактический брак и пребывание в нем была выражена им вовне достаточно определенно [6, с. 132]. Наличие свободной и обоюдной воли на вступление и состояние в фактических брачных отношениях презюмируется. Если же будет установлено, что свободное и добровольное согласие отсутствовало, фактический брак не должен быть признан.

На данный момент в российском праве отсутствуют механизмы защиты, позволяющие фактическим сожителям разделить имущество, которые было приобретено в период пребывания в состоянии фактического брака. Проведенный анализ позволяет обозначить несколько возможных направлений развития российского законодательства, каждое из которых имеет свои преимущества и ограничения (рис. 2).

Ни один из обозначенных векторов не является безальтернативным: каждый сопряжен с рисками либо фрагментарности регулирования, либо конституционно-идеологических противоречий, либо сложностей судебного доказывания. В связи с этим наиболее продуктивной видится стратегия поэтапного реформирования. Основные преимущества и риски от предлагаемого реформирования отражены в таблице 2.

Анализируемые векторы реформирования по своей сути иллюстрируют поиск оптимального баланса между необходимостью обеспечения правовой защиты партнеров и сохранением охранительной функции государства в отношении института брака. Вместе с тем, любая из предложенных стратегий имеет обратной стороной определенные системные издержки: если минималистский подход таит в себе угрозу пробельности законодательства, то имущественно-ориентированная модель сталкивается с трудноразрешимыми задачами процессуального установления фактов совместного проживания.

Необходимость признания фактического брака семейным законодательством является важным этапом в развитии семейного законодательства России. Необходима возможность признания брака путем составления договора между сторонами, раскрывающего права и обязанности фактических супругов, или в судебном порядке, чтобы один из супругов имел возможность доказать, что лица состояли в фактических брачных отношениях.

Международное законодательство радикально отличается в сфере защиты прав и законных интересов граждан, состоящих в фактических брачных отношениях, от российского. Сравнительно-правовой анализ наглядно демонстрирует отсутствие универсальной модели, однако

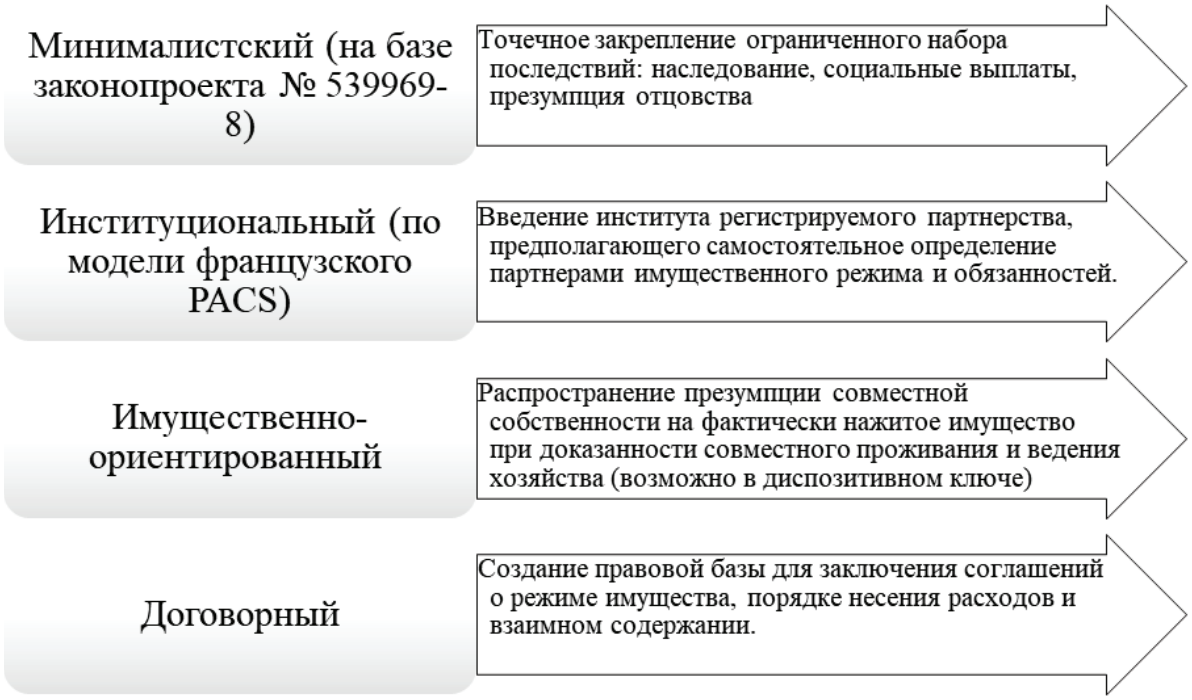

Рис. 2. **Векторы реформирования правового регулирования фактических брачных отношений в РФ**

Таблица 2. **Характеристика векторов реформирования правового регулирования фактических брачных отношений в Российской Федерации**

Вектор реформирования	Ключевые преимущества	Основные ограничения и риски
Минималистский	Политическая реализуемость; совместимость с конституционным принципом защиты традиционного брака.	Фрагментарность (не решает имущественных и алиментных вопросов); риск избыточной процессуальной нагрузки при судебном установлении факта.
Институциональный	Предоставление партнерам правовой автономии и инструментов защиты без приравнивания к супругам.	Конституционно-идеологические противоречия (угроза институту традиционной семьи); слабая защита наследственных прав по сравнению с браком.
Имущественно-ориентированный	Наиболее сбалансированная защита экономической общности партнеров; гибкость при наличии соглашения сторон.	Сложность процессуального доказывания факта ведения общего хозяйства; риск нестабильности гражданского оборота из-за широкого судебного усмотрения.
Договорный	Гибкость регулирования; снижение нагрузки на судебную систему; предсказуемость для сторон.	Сдержанное отношение судебной практики к подобным соглашениям; неочевидность их принудительного исполнения.

позволяет выявить общемировой тренд: отказ от тотального игнорирования таких союзов в пользу точечного предоставления партнерам отдельных гарантий без приравнивания их к супругам.

В условиях действующей конституционно-правовой парадигмы и с учетом необходимости сохранения охранительной функции института традиционного брака, оптимальной стратегией для российского законодателя видится поэтапная имплементация «минималистского» подхода в сочетании с развитием диспозитивных (договорных) механизмов. Подобный синтез позволит, с одной стороны, оперативно купировать наиболее острые социальные риски, а с другой — создать гибкую правовую среду, в которой сами участники сожительств смогут самостоятельно моделировать режим своих имущественных отношений, не дожидаясь радикальной ломки действующего Семейного кодекса РФ. Признание фактических брачных отношений в российском законодательстве позволит защитить права и законные интересы лиц, состоящих в таких отношениях, обеспечит социальную справедливость. Выбор конкретной модели правового регулирования фактических брачных отношений должен осуществляться с учетом конституционных принципов, традиционных ценностей и зарубежного опыта.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Дмитриева, В. С. Перспективы развития семейного законодательства РФ в части фактических брачно-семейных отношений и их прекращения / В. С. Дмитриева // Молодой ученый. — 2026. — № 35 (638). — С. 62–63.
4. Коблева, З. Х. Незарегистрированный брак в молодежной среде: правовая неопределенность / З. Х. Коблева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 7. — С. 151–156.
5. Кондрашова, О. Д. Проблемы судебного доказывания фактических брачных отношений в рамках наследственных споров / О. Д. Кондрашова, А. А. Кулакова // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 11 (227). — С. 148–150.
6. Кустова, А. А. Признаки фактических брачных отношений в России и зарубежных странах / А. А. Кустова // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 5 (221). — С. 123–127.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2025 № 18-КГ24–353-К4. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04022025-n-18-kg24–353-k4-uid-23rs0027–01–2022–001818–10/ (дата обращения: 03.11.2026).
8. Патрина, К. Р. Фактические брачные отношения в российском и зарубежном праве / К. Р. Патрина // Молодой ученый. — 2026. — № 42 (645). — С. 288–291.
9. Радченко, В. С. О необходимости правового регулирования фактических брачных отношений / В. С. Радченко, И. Е. Селезнев, В. В. Шайбекова // Право и управление. — 2025. — № 1. — С. 94–98.
10. Решение Павловского районного суда Краснодарского края от 24.10.2023 по делу № 2–614/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/oxE3vEh6UOVJ/#4 (дата обращения: 03.11.2026).
11. Скобилева, И. В. Фактические брачные отношения: проблемы правового регулирования и перспективы признания в России / И. В. Скобилева // Молодой ученый. — 2025. — № 19 (570). — С. 309–311.

Особенности медиации с участием несовершеннолетнего: процессуальный статус, роль органа опеки и прокурора, защита интересов ребёнка

Пимонов Иван Андреевич, студент
Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются особенности медиации с участием несовершеннолетнего в гражданском судопроизводстве по спорам, связанным с воспитанием детей, и в уголовном судопроизводстве, где подросток выступает обвиняемым или потерпевшим. Показано, что процессуальный статус ребёнка, распределение полномочий между законным представителем, органом опеки и попечительства и прокурором, а также отсутствие в УПК РФ норм о медиаторе порождают ряд нерешённых проблем. Обосновывается необходимость закрепить механизм проверки медиативного соглашения на соответствие интересам ребёнка и определить пределы участия публичных субъектов в примирительной процедуре.

Ключевые слова: *медиация, несовершеннолетний, орган опеки и попечительства, прокурор, интересы ребёнка.*

Медиация с участием несовершеннолетнего устроена иначе, чем классическая модель посредничества между равными и дееспособными сторонами. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» исходит из добровольности, сотрудничества и равноправия сторон (ст. 3) [11], тогда как процессуальная дееспособность ребёнка ограничена ст. 37 ГПК РФ [15] и ст. 48, 426, 428 УПК РФ [17], а его интерес подлежит приоритетной защите (п. 3 ст. 1 СК РФ [18], ст. 3 Конвенции о правах ребёнка [19]). В одной процедуре соединяются частный интерес сторон, интерес ребёнка, не всегда совпадающий с позицией законного представителя, и публичный интерес, который выражают орган опеки и попечительства и прокурор. Ни один из действующих актов не согласует эти интересы напрямую [2, с. 140; 8, с. 49].

Закон о медиации распространяется на гражданские, трудовые и семейные споры (ч. 2 ст. 1), но не применяется

к спорам, которые затрагивают права третьих лиц, не участвующих в процедуре, или публичные интересы (ч. 5 ст. 1). Спор родителей о месте жительства ребёнка или о порядке общения с ним почти всегда затрагивает интересы самого ребёнка. Однако законодатель прямо относит семейные споры к сфере действия закона, а п. 2 ст. 65 и п. 2 ст. 66 СК РФ предлагают родителям решать вопросы воспитания по соглашению. Поэтому оговорку ч. 5 ст. 1 логичнее понимать как требование особой проверки результата медиации, а не как запрет на процедуру. По уголовным делам медиация в законе не предусмотрена. Е. Ю. Самолаева подчёркивает, что предметом разрешения медиации являются «споры», «что недопустимо приравнивать к уголовно-правовому понятию «преступление»» [8, с. 50]. Поэтому для работы с последствиями преступления используется понятие восстановительной медиации, содержание которой О. Н. Здрок видит в создании медиатором условий, позволяющих сторонам понять друг друга и договориться о способах заглаживания вреда [4, с. 395; 10, с. 120].

О. А. Бахарева и Т. М. Цепкова делят участников дел, связанных с воспитанием детей, на лиц с личной заинтересованностью (ребёнок, родители, фактические воспитатели) и лиц с государственной заинтересованностью (прокурор, органы опеки и попечительства) [2, с. 140]. Авторы напоминают, что «ребенок, которому исполнилось 14 лет, имеет право обратиться в суд за защитой от злоупотреблений со стороны родителей (ч. 2 ст. 56 СК РФ)» [2, с. 140]. Если ребёнок не является стороной спора, его участие в медиации сводится к выявлению мнения по ст. 57 СК РФ, учёт которого с 10 лет обязателен. Если же подросток старше 14 лет выступает истцом, суд вправе привлечь к делу его законных представителей (ч. 4 ст. 37 ГПК РФ), и на месте одной стороны оказываются два субъекта с возможно разными позициями. Поэтому медиатор должен с самого начала установить, кто вправе подписывать соглашение, и зафиксировать согласие обоих.

Конфликт интересов ребёнка и его представителя отчётливо проявляется в делах об отмене усыновления. М. А. Питерская отмечает, что при иске усыновителей ответчиком формально становится ребёнок, «который ничьих прав и интересов не нарушал», и вслед за М. В. Антокольской предлагает признавать ответчиком орган опеки и попечительства [7, с. 176]. Для медиации из этого следует, что родитель, находящийся по другую сторону конфликта, не может представлять ребёнка в переговорах. При разногласиях между интересами родителей и детей орган опеки обязан назначить ребёнку представителя (п. 2 ст. 64 СК РФ), однако на практике медиативные соглашения о порядке общения подписывают только родители.

После реформы, проведённой Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ [12], медиация закреплена в главе 14.1 ГПК РФ среди примирительных процедур (ст. 153.3, 153.5). Её результат оформляется мировым соглашением, которое суд не утверждает, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (ч. 6 ст. 153.10 ГПК РФ). В делах о детях суд проверяет не волю родителей, а соответствие договорённостей интересам ребёнка. Значение такой проверки видно из решения Дзержинского районного суда г. Волгограда [24]. Утверждённое ранее мировое соглашение предусматривало общение отца с дочерью по вторникам, раз в две недели с вечера пятницы до вечера воскресенья и 14 дней летом. Отцу пришлось исполнять его через судебных приставов, ребёнок отказывался от встреч, а по заключению психолога отношение девочки к отцу «характеризуется выраженным эмоциональным отвержением». Суд изменил порядок общения, хотя орган опеки и попечительства, участвовавший в деле третьим лицом, предлагал оставить прежний. Соглашение, достигнутое без оценки привязанностей и режима жизни ребёнка, со временем вновь привело стороны в суд.

Способ выявления мнения ребёнка разъяснён в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [20]. Суд выясняет, «не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него одного из родителей или других заинтересованных лиц» [7, с. 175]. Эти требования применимы и к медиации, поэтому медиатор должен обеспечить ребёнку беседу без давления и с участием специалиста. Л. Паркинсон отмечает, что клиенты медиатора не должны получать советы, о которых не просили [6, с. 28; 10, с. 120]. Применительно к ребёнку это означает, что беседа с ним не может использоваться для давления на второго родителя.

В спорах о воспитании детей орган опеки привлекается к участию в деле независимо от того, кем предъявлен иск, обследует условия жизни ребёнка и представляет суду заключение (п. 1, 2 ст. 78 СК РФ, ст. 47 ГПК РФ) [2, с. 143]. Закон не делает исключения для дел, завершаемых мировым соглашением. Вместе с тем, как показывает приведённое решение, позиция органа опеки не предопределяет вывод суда и оценивается как одно из доказательств. Участие органа опеки в самих медиативных сессиях противоречило бы принципам конфиденциальности, независимости и беспристрастности медиатора (ст. 3, 5 Закона о медиации). Поэтому более последовательной представляется модель, при которой орган опеки получает проект соглашения до его представления суду и даёт по нему заключение. Её можно закрепить, дополнив ст. 153.5 ГПК РФ соответствующей нормой для дел, указанных в ст. 78 СК РФ.

В уголовном процессе орган опеки входит в число законных представителей несовершеннолетнего (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Статьи 426 и 428 УПК РФ позволяют отстранить законного представителя, действия которого наносят ущерб интересам несовершеннолетнего. Это важно для медиации по семейным конфликтам, например при краже подростка у родственника, когда родитель одновременно близок и обвиняемому, и потерпевшему. В таком случае согласие на передачу дела в службу примирения должен давать орган опеки.

Н. Н. Гребнева показывает, что правосудие в отношении подростков смещается от карательной функции

к воспитательной, и, опираясь на позицию О. Н. Сошиной, связывает это с восстановительным подходом [3, с. 111–112; 9, с. 31]. Медиативное соглашение «передается судье, приобщается к материалам уголовного дела, судья учитывает содержание соглашения при принятии решения» [3, с. 113]. В Липецкой области в 2016 г. с применением медиации рассмотрено 27 уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, что составило 10,5 % всех таких дел, и все они прекращены в связи с примирением [3, с. 112]. Однако в УПК РФ нет нормы о медиаторе. Е. Ю. Самолаева относит к примирительным нормам ч. 2 ст. 20 и ст. 25 УПК РФ, ст. 76, 90, 91 УК РФ [16] и приходит к выводу, что «они не реализуют те возможности, которые предоставляет нам медиация» [8, с. 49]. Так, при применении принудительной меры воспитательного воздействия в порядке ст. 427 УПК РФ суд может возложить на подростка обязанность загладить вред (ч. 2 ст. 90 УК РФ), но содержание этой обязанности не может быть определено соглашением с потерпевшим.

Одно из условий медиации, названных Е. Ю. Самолаевой, состоит в том, что участие в процедуре не используется как доказательство [8, с. 49]. Для подростка это условие особенно значимо. Пункт 5 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ освобождает медиатора от допроса в качестве свидетеля, а ч. 3 ст. 56 УПК РФ такого правила не содержит. И. И. Шишковец указывает, что в Казахстане медиатор отнесён к иным участникам уголовного процесса и не подлежит допросу об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе медиации (ст. 78 УПК Республики Казахстан) [10, с. 121–122]. Автор приводит и данные о том, что «в Финляндии более 60 % уголовных дел рассматриваются в порядке медиации без привлечения подростков к уголовной ответственности» [10, с. 121]. Без свидетельского иммунитета медиатор не может гарантировать подростку конфиденциальность.

Интересы несовершеннолетнего потерпевшего защищают его законные представители или представители (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Верховный Суд РФ разъяснил, что если мнение несовершеннолетнего потерпевшего не совпадает с мнением его законного представителя, оснований для прекращения дела в связи с примирением нет [21; 22]. Медиативное соглашение поэтому требует двойного согласия. Это защищает ребёнка от давления, но позволяет представителю блокировать примирение, которого хочет сам ребёнок. В такой ситуации было бы полезно заключение органа опеки об интересах ребёнка, которое УПК РФ сейчас не предусматривает.

Прокурор не является стороной медиации, но от него зависит её юридический результат. В гражданском процессе он даёт заключение по делам о лишении и ограничении родительских прав, о восстановлении в них и об усыновлении (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, п. 2 ст. 70, п. 4 ст. 73, п. 2 ст. 72 СК РФ, ст. 273 ГПК РФ) [2, с. 142]. Лишение родительских прав как мера ответственности не может быть предметом соглашения, однако отказ от такого иска в обмен на соглашение о порядке общения возможен, и прокурор должен оценить, не нарушает ли он интересы ребёнка (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ). В остальных семейных спорах сохраняется надзорный механизм, основанный на ст. 26, 27 и п. 3 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [13].

В уголовном процессе дознаватель прекращает дело по ст. 25 УПК РФ только с согласия прокурора, а незаконное постановление о прекращении прокурор вправе отменить (п. 6 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 214 УПК РФ). Часть 4 ст. 20 УПК РФ позволяет прокурору возбуждать дела частного обвинения, если потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния не может защищать свои права. Это часто происходит с несовершеннолетними потерпевшими и не исключает прекращения дела по ст. 25 УПК РФ. Е. Ю. Самолаева, ссылаясь в том числе на А. А. Арутюняна, считает дела частного обвинения наиболее подходящими для медиации [1, с. 38; 8, с. 50]. Участие прокурора в них служит гарантией того, что примирение не будет навязано ребёнку более сильной стороной.

По данным Н. Н. Гребневой, в Архангельской области в 2014 г. из 331 обращения в службы примирения 126 поступили от органов предварительного расследования, 90 от комиссий по делам несовершеннолетних и 47 от судов [3, с. 113]. Комиссии по делам несовершеннолетних координируют профилактику по ст. 11 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [14], но правовой статус направления дела в службу медиации не определён. Е. Ю. Самолаева отмечает, что, по оценке самой Концепции развития сети служб медиации [25], медиация является, по сути, «государственным заказом на развитие и практическое внедрение медиации и восстановительного подхода» [8, с. 48], хотя, как пишет М. Л. Карнозова, инициатором этого движения выступила общественность [5, с. 12]. И. И. Шишковец показывает, что зарубежное законодательство вводило восстановительную медиацию от несовершеннолетних к взрослым, и предлагает закрепить медиатора как участника уголовного процесса Республики Беларусь [10, с. 121–123]. Н. Н. Гребнева предлагает для России сходную поэтапную модель [3, с. 113–114].

В медиации ребёнок не является автономной стороной, поэтому при расхождении его интересов с интересами законного представителя должен назначаться иной представитель (п. 2 ст. 64 СК РФ, ст. 426, 428 УПК РФ). В спорах о воспитании детей орган опеки целесообразно наделить обязанностью давать заключение по проекту мирового соглашения, что подтверждает приведённая судебная практика. Прокурор выступает внешним контролирующим участником, проверяя законность прекращения дела и при необходимости придавая конфликту публичный характер (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Без закрепления в ч. 3 ст. 56 УПК РФ свидетельского иммунитета медиатора восстановительная медиация остаётся рискованной для подростка. Законодательное оформление уголовно-процессуальной медиации разумно начинать с дел несовершеннолетних, где накоплен наибольший объём практики [3, с. 113–114; 8, с. 50; 10, с. 123].

Литература:

1. Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном процессе России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2011. — № 5. — С. 31–43.
2. Бахарева О. А., Цепкова Т. М. Процессуальное положение лиц, участвующих в делах, связанных с воспитанием детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 1 (114). — С. 139–143.
3. Гребнева Н. Н. Институт медиации в отношении несовершеннолетних в российском уголовном процессе // Вестник Сургутского государственного университета. — 2018. — № 2 (20). — С. 111–114.
4. Здрок О. Н. Медиация: пособие. — Минск: Четыре четверти, 2018. — 518 с.
5. Карнозова М. Л. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. — М.: Проспект, 2015. — 264 с.
6. Паркинсон Л. Семейная медиация. — М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. — 400 с.
7. Питерская М. А. Отмена усыновления в судебном порядке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 59. — С. 174–178.
8. Самолаева Е. Ю. О состоянии развития медиации и восстановительного правосудия в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 5. — С. 47–51.
9. Сошина О. Н. Психологизация конфликта и медиация в уголовном процессе в современной России: перспективы развития // Уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 31–42.
10. Шишковец И. И. О правовом регулировании применения восстановительной медиации в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. — 2020. — № 2. — С. 119–125.
11. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.
12. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4099.
13. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1992. — № 8. — Ст. 366.
14. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177.
15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
19. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. — 1993. — Вып. XLVI. — С. 242–257.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1998. — № 7.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изм. и доп.) // Российская газета. — 2010. — № 147.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изм. и доп.) // Российская газета. — 2013. — № 145.
23. Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 32. — Ст. 4557.
24. Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 17.02.2020 по делу № 2–800/2020 (2–6778/2019) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: https://sudact.ru/regular/doc/52oxq6c4fFYS/ (дата обращения: 15.10.2026).

25. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 32. – Ст. 4557.

Рынок ценных бумаг: основы правового регулирования

Посметухов Иван Антонович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются особенности правового регулирования рынка ценных бумаг на современном этапе развития общества. Изучается понятие рынка ценных бумаг, нормативно-правовые акты в рассматриваемой сфере. Выявляются и анализируются проблемы правового регулирования, предлагаются способы их решения. Актуальность и новизна темы определяются значительным количеством нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере и их неоднозначным применением, особенностями понятийного аппарата, что порождает сложности в правоприменении и требует эффективного решения.

Ключевые слова: *рынок ценных бумаг, правовое регулирование, профессиональные участники рынка, проблемы регулирования.*

На современном этапе развития общества и государства особое и всё большее значение приобретает экономическая сфера жизнедеятельности общества. Путем производства, потребления и обмена экономическими благами общество обеспечивает свою жизнедеятельность, а также одновременно способствует развитию и совершенствованию экономической сферы деятельности государства. Одной из её составляющих является и финансовая сфера, в частности и существование, функционирование и развитие рынка ценных бумаг.

Несмотря на многообразие нормативно-правовых актов в данной области, а также увеличивающееся количество подзаконных актов как на федеральном, так и на региональном уровнях, актуальным является изучение правового регулирования рынка ценных бумаг. На сегодняшний день данный вопрос становится особенно острым ввиду большого количества дискуссий в научной доктрине, а также трудностей, возникающих в правоприменительной практике, и некоторых различий, что порождает необходимость детального анализа правового регулирования в данной сфере и выявление существующих проблем, требующих особого внимания и эффективного решения.

Анализ и изучение данного вопроса следует начать с базового понимания и представления о сущности рынка ценных бумаг. Следует сразу отметить, что законодательного закрепления определения данному понятию не дано, что в какой-то степени вызывает сложности в правоприменительной практике. Несмотря на довольно распространенное использование данного термина в законодательстве Российской Федерации, понятие «рынок ценных бумаг» как отдельный термин не урегулировано и используется лишь в связи с уточнением и изложением особенностей функционирования данной сферы жизнедеятельности общества: например, предписания к профессиональным участникам и субъектам такого рынка. Таким образом, следует обратиться к теоретическим положениям за поиском ответа на поставленный вопрос.

Ввиду многообразия научной и учебной литературы в данной области, изобилие и разносторонность мнений и теорий касаемо специфики рынка ценных бумаг имеют место быть. В данной статье будут приведены основные теоретические положения.

Так, Хоменко Е. Г. определяет рынок ценных бумаг как область оборота товара специфического вида среди особых субъектов в определенном пространстве по соответствующим правилам [6, с. 11].

Как указывает Новаковский А. В., рынок ценных бумаг представляет собой комплекс взаимодействий и отношений в сфере обращения ценных бумаг, которые складываются среди инвесторов, акционеров, а также иных, указанных в законе, участников профессионального рынка [3, с. 35].

Одиноков В. А. дает следующее определение рассматриваемому понятию: рынок ценных бумаг представляет собой систему экономических механизмов и средств, которые создают и поддерживают качественные и оптимальные взаимоотношения среди профессиональных участников рынка: с одной стороны, теми, кто испытывает потребность в финансовых инструментах и благах и с другой стороны, теми, кто, наоборот, обладает излишним количеством таковых и стремится вложить этот капитал со стремлением и целями дальнейшего получения прибыли от таких инструментов [4, с. 7].

Центральный Банк России на своем официальном сайте указал, что рынок ценных бумаг — это элемент финансового рынка, на котором реализовывается и совершается привлечение и направление капитала путем выпуска ценных бумаг и их оборота.

Обобщив представленные мнения, можно сделать вывод о том, что рынок ценных бумаг — урегулированная законодательством экономическая (финансовая) сфера, в которой одни заинтересованные лица вкладывают свои финансовые активы (т. е. продают), а другие — приобретают такие активы с целью получения последующего дохода.

Следующим этапом анализа рассматриваемой сферы является изучение непосредственно правового регулирования рынка ценных бумаг. Ладанов А. В. отмечает, что такое регулирование представляет собой комплексную систему нормативно-правовых актов, которые регламентируют различные вопросы существования и функционирования рынка ценных бумаг [2, с. 201].

Изучение правового регулирования следует начать с анализа конституционно-правовых положений, которые преследуют закрепление основных принципов и норм, регулирующих функционирование такого рынка, закрепляют правила поведения субъектов рассматриваемых взаимоотношений на профессиональном рынке ценных бумаг, устанавливают особенности порядка таких взаимоотношений и защиты интересов профессиональных участников рынка. Помимо этого, устанавливают непосредственно систему органов власти, которые уполномочены на осуществление контроля и надзора в данной сфере.

Например, п. «ж» ст. 71 Конституции РФ установлено, что в ведении РФ находится установление основ единого рынка, финансовое и иное регулирование в данной области. К такому регулированию в данном аспекте относится в том числе и регулирование деятельности рынка ценных бумаг.

Иной пример — ч. 4 ст. 75 Конституции РФ, которая устанавливает порядок выпуска государственного займа и закрепляет, что принципом их размещения является добровольность.

Ключевое положение в регулировании рынка ценных бумаг занимает и гражданское законодательство. Так, Гражданский кодекс РФ закрепляет понятия ценных бумаг, их видов: документарной и бездокументарной, а также регулирует особенности их исполнения, истребования, восстановления прав по ним и др.

Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» не менее важен, поскольку им устанавливаются специфика и подробное регулирование процесса выпуска, размещения и оборота ценных бумаг, вне зависимости от того, кто является эмитентом, а кто инвестором; также закон регулирует деятельность участников на профессиональном рынке ценных бумаг и др. Федеральный закон также определяет роль государства в данных взаимоотношениях.

Особое значение имеет и Федеральный закон № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», которым обеспечивается проведение единой государственной политики в области валютного регулирования и контроля, устанавливает правовой статус резидентов и нерезидентов в сфере владения, пользования и распоряжения ценными бумагами и др.

Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» № 46-ФЗ также имеет весомое значение: если предыдущие нормативно-правовые акты регулируют специфику ценных бумаг и рынка, на котором они выпускаются и обращаются, то данный закон направлен непосредственно на защиту интересов как физических лиц, так и организаций, инвестирующие в том числе в эмиссионные ценные бумаги, а также порядок возмещения ущерба и компенсационных выплат инвесторам и другие немаловажные аспекты защиты прав и законных интересов инвесторов.

Законодательство об организованных торгах в данном аспекте регулирует складывающиеся на организованных торгах отношения по поводу торгов ценными бумагами, в частности закрепляет требования к участникам торгов, основы правового регулирования данной деятельности и отношений, контроля за их реализацией и функционированием.

Рынок ценных бумаг, как и иные экономические рынки, защищен нормами о защите конкуренции, в частности, которые устанавливают особенности добросовестной и недобросовестной конкуренции, требования к соблюдению правил конкуренции, особенности государственного контроля за их соблюдением в том числе и в аспекте рассматриваемой темы.

Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном Банке РФ» регулирует деятельность ЦБ РФ в сфере отношений по соблюдению эмитентами правил о ценных бумагах, по регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг и иным полномочиям ЦБ РФ в сфере обращения и выпуска ценных бумаг.

Также предусмотрены и иные федеральные законы в данной сфере, которые регулируют особенности существования и функционирования рынка ценных бумаг, например: № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте», № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» и др.

Особое значение имеет и Указ Президента РФ «Об обеспечении прав инвесторов и акционеров на ценные бумаги в РФ», который предусматривает комплексную систему хранения и учета прав на ценные бумаги.

Несомненно, на федеральном и региональном уровнях существуют и иные источники правового регулирования ценных бумаг: например, Постановления Правительства РФ, акты Минфина России, Центрального Банка РФ, органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ и т. д. Однако, основы правового регулирования заложены непосредственно вышеупомянутой нормативно-правовой базой, которые выступают руководящими началами в деятельности инвесторов, эмитентов, а также определяет основные требования к функционированию рынка ценных бумаг, к его профессиональным участникам.

Следует подчеркнуть, что потребность в детальном правовом регулировании рынка ценных бумаг возникла

в связи с рядом объективных факторов: риски профессиональных участников рынка, воздействие внешних и внутренних обстоятельств ценообразования, потребность в безопасности хранения средств инвесторов, а также в гарантированном получении прибыли в последующем [5].

Сфера правового регулирования рынка ценных бумаг, как и любая другая область жизнедеятельности общества и государства, имеет свои сложности и проблемные аспекты, которые требуют выявления и поиска путей эффективного решения.

Одной из наиболее острых проблем на сегодняшний день является, как уже было сказано ранее, множественность нормативно-правовых актов в данной сфере и отсутствие единства их применения. Проблема набирает большие обороты еще и в связи с тем, что ввиду постоянного движения, развития и совершенствования рынка ценных бумаг возникают новые обстоятельства и особенности необходимого конкретного регулирования данной сферы и её механизмов. Некоторые элементы законодательного регулирования по этим причинам устаревают, в значительной мере теряют свою актуальность, ввиду объективных обстоятельств возникают трудности в правоприменении и противоречия. Возникает как бы «двойное толкование»: с одной стороны — ключевые нормативно-правовые акты (законы), с другой стороны — акты Центрального Банка, Минфина и иных органов, уполномоченных на регулирование данной сферы. Полагается, что последние акты должны конкретизировать, уточнять и дополнять нормативно-правовую базу, которая по иерархии выше, однако в современных условиях это действует немного иначе. Помимо этого, как отмечает Габов А. В., используемые в данных актах положения чаще всего используются бессистемно [1, с. 32].

Для решения данной проблемы необходимо формирование единой правоприменительной практики по данным вопросам, а также возможность объединения основных нормативно-правовых положений в одном большом кодифицированном нормативно-правовом акте, который бы установил единые правила и тем самым являлся ориентиром для правоприменителей.

Другой проблемой является сочетание в институте ценных бумаг частноправового (т. е. частичное регулирование рынка ценных бумаг гражданским законодательством) и публично-правового (т. е. регулирование в качестве института финансового права) элементов. Это также вызывает затруднения как в правовом регулировании и решении вопроса о том, какими принципами руководствоваться в правоприменении, так и в изучении данной темы в научной доктрине, что вызывает множество дискуссий среди ученых-правоведов.

Менее значимой, однако, такой же актуальной является и проблема отсутствия законодательного закрепления определения понятия «рынок ценных бумаг». Это также требует внесения дополнений в уже действующее законодательство путем закрепления легального определения. Это будет служить ориентиром для ученых-правоведов, правоприменителей и способствовать устранению огромного количества дискуссий по данному вопросу.

Безусловно, в данной сфере существует и ряд других проблем. Однако, по мнению автора, описанные в данной работе проблемы являются первоочередными и требуют скорейшего эффективного решения. В целом, все они решаются путем обеспечения единоообразия в законодательных формулировках, т. е. необходимо внести дополнения в действующее законодательство с целью конкретизации формулировок и устранения разного толкования в практике. Так как рынок ценных бумаг находится в постоянном развитии, соответственно, и внимания со стороны государственных органов он требует соответствующего, поэтому при обеспечении эффективности правового регулирования такой рынок станет безопасным и достойным доверия инвесторов для вложения и привлечения своих капиталов, их распределения. От этого в большей степени зависит и дальнейшее развитие фондового рынка, его совершенствование.

Литература:

1. Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. — М.:Статут, 2011. — 1104 с.
2. Ладанов А. В. Правовое регулирование рынка ценных бумаг в Российской Федерации / А. В. Ладанов // Вестник науки. — 2022. — № 12 (57). — С. 200–204.
3. Новаковский А. В. Основы государственного регулирования в России и зарубежных финансовых центрах / Д. А. Глазунов, А. В. Новаковский, Ю. Е. Тукранов [и др.]; отв. ред. Ю. К. Краснов и А. А. Александров. // Государственное регулирование рынка ценных бумаг в России и зарубежных финансовых центрах: уч. пособие — М.: Статут, 2016. — 126 с.
4. Одиноков В. А. Рынок ценных бумаг: учебно-методическое пособие / В. А. Одиноков; Московский университет им. С. Ю. Витте; филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Н. Новгороде. — М.: изд. «МУ им. С. Ю. Витте», 2016. — 105 с.
5. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. (том 2). — 6-е издание, переработанное и дополненное / под ред. В. Ф. Попондопуло. — «Проспект», 2023 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19140#RufnQZVgvZH0HrE32 (дата обращения: 29.10.2026).
6. Хоменко Е. Г. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учебно-практическое пособие. — М.: Юристъ, 2008. — 174 с.

Способы защиты гражданских прав по договору обязательного медицинского страхования

Привалов Александр Альбертович, студент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Анализируются способы защиты гражданских прав застрахованных лиц по договору обязательного медицинского страхования: возмещение вреда, компенсация морального вреда, взыскание штрафа и признание права. Выявляются проблемы доказывания и занижения размера компенсации, обосновывается необходимость согласованного применения гражданского и социально-страхового законодательства.

Ключевые слова: *обязательное медицинское страхование, способы защиты, возмещение вреда, компенсация морального вреда, штраф, признание права.*

Methods of protecting civil rights under a compulsory health insurance contract

Privalov Aleksandr Albertovich, student
Udmurt State University (Izhevsk)

The methods of protection of civil rights of insured persons under the compulsory medical insurance contract are analysed: compensation for harm to health, compensation for moral damage, recovery of a fine and recognition of a right. The problems of proof and of underestimating the amount of compensation are identified.

Keywords: *compulsory medical insurance, methods of protection, compensation for harm, compensation for moral damage, fine, recognition of a right.*

Статья 12 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] называет универсальные способы защиты — признание права, пресечение нарушающих право действий, возмещение убытков, компенсацию морального вреда. В сфере обязательного медицинского страхования (далее — ОМС) они приобретают существенную специфику: помощь оказывается бесплатно [2], имущественные потери застрахованного редко выражаются в прямых расходах, а требование может предъявляться к разным субъектам — медицинской организации, страховщику или фонду [3].

Возмещение вреда, причиненного здоровью, — основной имущественный способ. Согласно статьям 1064 и 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] возмещаются утраченный заработок и дополнительные расходы: на лечение, приобретение лекарственных препаратов, посторонний уход, санаторно-курортное лечение. Поскольку базовая помощь бесплатна, суды долго отказывали во взыскании расходов из-за отсутствия реального ущерба. Верховный Суд Российской Федерации преодолел этот подход: отсутствие расходов на лечение не лишает права на возмещение вреда, так как вред выражается и в утрате трудоспособности, и в физических и нравственных страданиях [5]. При этом истцу необходимо доказать причинную связь, что без экспертизы практически невозможно.

Практические трудности связаны не только с установлением причинной связи, но и с определением размера возмещения. Утраченный заработок рассчитывается по правилам статьи 1086 Гражданского кодекса Российской Федерации исходя из среднего месячного заработка за два года, предшествовавших повреждению здоровья. Застрахованные лица нередко не располагают справками о доходах, а медицинские организации не заинтересованы в раскрытии документации, подтверждающей дефекты помощи. В результате суд опирается на заключение экспертизы, а при ее отсутствии — на совокупность иных доказательств, которая не всегда позволяет установить действительный размер потерь. Дополнительные расходы возмещаются лишь при условии, что они фактически понесены и не покрыты за счет средств обязательного страхования, поэтому каждое требование должно быть подтверждено документально.

Компенсация морального вреда позволяет возместить страдания, не имеющие денежного эквивалента. Основания и размер определяются статьями 151, 1099–1101 Гражданского кодекса, а критерии их применения разъяснены Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [6]. Учитываются характер и степень страданий, особенности потерпевшего, разумность и справедливость. На практике суммы по медицинским делам остаются невысокими: суды ссылаются на отсутствие тяжких последствий или на материальное положение ответчика, что снижает предупредительный эффект ответственности [7].

Взыскание штрафа по законодательству о защите прав потребителей [8] применяется к спорам об оказании помощи по ОМС неоднозначно. Суды взыскивают штраф за отказ добровольно удовлетворить требования и освобождают застрахованных от пошлины, рассматривая их как потребителей медицинских услуг. Критика основана на социально-страховой природе ОМС: помощь оказывается в силу закона, а не по возмездному договору [9]. Она справедлива лишь отчасти: потребительские гарантии компенсируют слабость пациента в споре с организацией.

Признание права и пресечение нарушающих право действий применяются, когда нарушение еще не повлекло потерь, но препятствует получению помощи: право на конкретный вид помощи, на выбор медицинской организации, на экспертизу качества; решения органов управления ОМС оспариваются в порядке административного судопроизводства. Эти способы не компенсируют потери, но устраняют препятствие на будущее, и их значение растет по мере цифровизации отрасли, когда отказ формируется автоматически [10].

Способы защиты не изолированы друг от друга, и это порождает проблему их конкуренции. Один и тот же факт — дефект оказания помощи — может стать основанием для требования о возмещении вреда, о компенсации морального вреда и о взыскании штрафа, причем каждое из них оценивается по собственным правилам. Суды не всегда последовательно решают, влечет ли удовлетворение одного требования отказ в другом и подлежат ли зачету суммы, полученные застрахованным в порядке социального обеспечения. Представляется, что запрет двойного возмещения должен применяться только к имущественным потерям, тогда как компенсация морального вреда и штраф выполняют самостоятельные функции и не могут поглощаться возмещением вреда. Единообразное решение этих вопросов сократило бы число отказов, основанных на формальных соображениях.

Таким образом, способы защиты по договору ОМС включают как универсальные гражданско-правовые, так и специальные способы, выбор которых зависит от характера нарушения и статуса ответчика. Проблема состоит не в отсутствии способов, а в их несогласованном применении: имущественные требования рассматриваются в исковом порядке, требования о признании права — в административном, а потребительские гарантии применяются выборочно. Устранение разрывов требует единообразного разъяснения высшей судебной инстанции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 49. — Ст. 6422.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 3.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2022. — № 12.
7. Ерохина С. В. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций. — М.: Проспект, 2023. — 280 с.
8. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
9. Мохов А. А. Основы медицинского права России: учеб. пособие. — М.: Юрайт, 2023. — 412 с.
10. Гусева Т. А. Правовое регулирование обязательного медицинского страхования в условиях цифровизации // Право и экономика. — 2024. — № 1. — С. 55–63.

Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды коммерческой недвижимости на новый срок

Ращепкин Артем Алексеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются проблемы реализации преимущественного права арендатора коммерческой недвижимости на заключение договора аренды на новый срок, предусмотренного ст. 621 ГК РФ. Проводится анализ договорных и законодательных ограничений данного права, а также подходов арбитражных судов к оценке надлежащего исполнения арендатором своих обязанностей. Результатами исследования являются предложения по совершенствованию законодательства и практические рекомендации для арендаторов.

Ключевые слова: *коммерческая недвижимость, договор аренды, преимущественное право, свобода договора, надлежащее исполнение, существенное нарушение договора.*

The lessee's preemptive right to conclude a commercial real estate lease agreement for a new term

The article examines the problems of exercising the preemptive right of a commercial real estate lessee to conclude a lease agreement for a new term provided for by Article 621 of the Civil Code of the Russian Federation. The analysis covers contractual and statutory restrictions of this right, as well as approaches of arbitration courts to assessing the proper performance of the lessee's obligations. The results of the study are proposals for improving legislation and practical recommendations for lessees.

Keywords: *commercial real estate, lease agreement, preemptive right, freedom of contract, proper performance, material breach of contract.*

Введение

Институт аренды коммерческой недвижимости является одним из ключевых элементов современной рыночной экономики, обеспечивающим функционирование малого, среднего и крупного бизнеса. Для любого коммерческого арендатора стабильность арендных отношений имеет первостепенное значение: локация объекта, сформированный поток клиентов, а также значительные инвестиции в неотделимые улучшения помещения составляют основу коммерческого успеха и капитализации предприятия. В связи с этим законодательное закрепление преимущественного права арендатора на заключение договора на новый срок, предусмотренное статьей 621 Гражданского кодекса Российской Федерации, выступает важнейшей правовой гарантией защиты бизнеса от произвола собственников имущества [2].

Однако на практике реализация данного права сталкивается с серьезным материальным и процессуальным противодействием. Правовая природа преимущественного права на заключение договора на новый срок носит дискуссионный характер [6]. Специфика сегмента коммерческой недвижимости заключается в глубоком фактическом неравенстве переговорных возможностей сторон, где крупные арендодатели и девелоперы диктуют свои условия, вынуждая арендаторов подписывать договоры с ущемляющими их оговорками. В последние годы судебная практика арбитражных судов демонстрирует выраженный крен в сторону абсолютизации права собственности (ст. 209 ГК РФ) и принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) [1]. Суды, как правило, признают действительными договорные условия, исключающие преимущественное право, и формально оценивают исполнение арендатором своих обязанностей. Такое положение дел размывает регулятивный потенциал ст. 621 ГК РФ, превращая её из эффективного защитного механизма в декларативную норму.

Различные аспекты арендных правоотношений и защиты прав их участников рассматривались в трудах таких видных отечественных цивилистов, как М. И. Брагинский и В. В. Витрянский [9]. Анализ практических проблем, связанных с применением законодательства в области арендных правоотношений, проведен в исследованиях Р. В. Пузикова и А. А. Лактюхиной [8]. Особое внимание в литературе уделяется преимущественному праву арендатора на заключение договора на новый срок как механизму защиты слабой стороны [7].

В качестве фундаментального источника системных разъяснений, определяющего современную парадигму правоприменения в области преимущественного права арендатора на заключение договора на новый срок, выступает Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (в редакции от 25 января 2013 г.) [3].

Несмотря на институциональные изменения в судебной системе, данный правовой акт сохраняет свой основополагающий характер и активно применяется Верховным Судом Российской Федерации в качестве действующего методологического базиса.

Динамично меняющиеся экономические реалии и новейшие тенденции судебной практики арбитражных судов (включая правовые позиции 2021–2026 гг.) требуют переосмысления устоявшихся подходов применительно к коммерческому сектору недвижимости. Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблем реализации преимущественного права арендатора коммерческой недвижимости на продление договора, выявление дефектов современного правоприменения и разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства.

Договорные и законодательные ограничения преимущественного права арендатора

В основе правового регулирования преимущественного права арендатора лежит диспозитивный характер абзаца 1 пункта 1 статьи 621 ГК РФ, который закрепляет за добросовестным контрагентом право на возобновление договора, «если иное не предусмотрено законом или договором аренды» [2]. Данная законодательная оговорка в реалиях современного коммерческого оборота превратилась в легальный инструмент ущемления интересов экономически более слабой стороны правоотношений — арендатора. Именно о необходимости корректировать такое несбалансированное регулирование договорных отношений писал М. И. Брагинский: «Однако не меньшее значение имеет и прямо противоположная задача: огра-

ничение в необходимых случаях свободы волеизъявления заключающих договор участников оборота» [9, с. 51].

В сегменте коммерческой недвижимости (офисные центры класса «А» и «В», крупные торгово-развлекательные комплексы, логистические парки) договоры аренды практически никогда не являются результатом равных партнерских переговоров. Профессиональные арендодатели используют разработанные их юридическими службами договоры присоединения (ст. 428 ГК РФ) [1]. На этапе подписания документа арендатор, заинтересованный в конкретной локации для ведения бизнеса, сталкивается с так называемыми «договорными ловушками», которые полностью или частично блокируют действие ст. 621 ГК РФ.

Наиболее распространенной моделью таких ограничений является прямое исключение преимущественного права из текста договора. Пользуясь вариативностью нормы, арендодатели включают в соглашение пункт следующего содержания: «Стороны пришли к соглашению, что арендатор не обладает преимущественным правом на заключение договора аренды на новый срок, положения пункта 1 статьи 621 ГК РФ к отношениям сторон не применяются». Арбитражные суды при рассмотрении подобных споров занимают пассивную, формалистскую позицию. Защищая абсолютизированную свободу договора (ст. 421 ГК РФ), суды указывают, что арендатор, подписав соглашение, добровольно отказался от законных гарантий. Показательным примером служит дело № А63–10535/2020, в рамках которого суды исходили из того, что арендатор лишен права требовать заключения договора на новый срок, поскольку стороны прямо исключили действие ст. 621 ГК РФ: «...в силу пункта 4.1 договора арендатор по истечении срока аренды не имеет преимущественного права перед другими лицами на заключение договора аренды на новый срок». Верховный Суд РФ отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии [4]. Тем самым добросовестность арендатора и объем вложенных им в объект инвестиций правового значения не имеют.

Таким образом, судебная практика подтверждает: отсутствие у арендатора преимущественного права на продление договора полностью развязывает руки собственнику имущества.

Наряду с договором преимущественное право арендатора может быть ограничено законом, на что прямо указывает абзац 1 пункта 1 ст. 621 ГК РФ [2]. Так, принятие публичным собственником решения об ином порядке распоряжения имуществом (в частности, о его приватизации) выступает самостоятельным юридическим основанием, полностью нивелирующим преимущественное право арендатора на заключение договора на новый срок.

Данный вывод подтверждается актуальной практикой высшей судебной инстанции — Определением Верховного Суда РФ от 14 августа 2026 г. № 305-ЭС26–6706 по делу № А40–182025/2024. В рамках указанного спора некоммерческая организация (Фонд) пыталась в судебном порядке оспорить отказ публичного собственника в пролонгации договора аренды нежилого фонда и понудить его к заключению дополнительного соглашения. Суды трех инстанций отказали в удовлетворении первоначальных требований и полностью удовлетворили встречный иск нового собственника об обязании передать помещение в освобожденном виде без возмещения стоимости неотделимых улучшений. Верховный Суд РФ отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии [5].

Правовым базисом для вынесения указанных актов послужило применение судами части 10 статьи 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Судебные инстанции констатировали, что решение уполномоченного органа об ином порядке распоряжения объектом (в данном случае — перевод имущества в частную собственность коммерческой организации в процессе приватизации) является самостоятельным законным основанием для прекращения арендных правоотношений.

Критерий «надлежащего исполнения обязанностей» в коммерческом обороте

Ключевым материально-правовым условием для возникновения у арендатора преимущественного права является надлежащее исполнение им своих обязанностей по ранее заключенному договору (абз. 1 п. 1 ст. 621 ГК РФ) [2]. Однако в правоприменительной практике сегмента коммерческой недвижимости оценка «надлежащего характера» исполнения обязательств стала одной из наиболее дискуссионных и проблемных зон.

В условиях коммерческого оборота арендатор сталкивается с многоаспектным комплексом обязанностей: своевременное внесение постоянной и переменной (в частности, коммунальной) частей арендной платы, соблюдение правил противопожарного режима, внутреннего распорядка бизнес-центра, поддержание эстетического вида помещения и страхование ответственности. Недобросовестные арендодатели зачастую используют тактику «формального поиска нарушений», фиксируя любые, даже самые незначительные отступления от текста договора, чтобы в дальнейшем заявить о потере арендатором преимущественного права.

В судебной практике арбитражных судов по данному вопросу сформировались два противоположных подхода, создающих правовую неопределенность для бизнеса.

— Формально-буквальный подход. Ряд судов исходит из принципа надлежащего исполнения обязательств (ст. 309 ГК РФ) [1] и указывает, что любое нарушение договора, допущенное арендатором в течение срока его действия, лишает его статуса «надлежащего». В рамках этого подхода даже однократная просрочка внесения арендного платежа на один-два дня или задержка предоставления копии страхового полиса может быть признана достаточным основанием для отказа в реализации права по ст.

621 ГК РФ. Суды указывают, что закон не разграничивает нарушения на существенные и несущественные, а требует именно «надлежащего» исполнения.

— Существенно-оценочный подход. Более прогрессивная часть арбитражных судов, опираясь на заложенный Верховным Судом РФ принцип соразмерности и добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ) [1], указывает на необходимость оценки характера нарушений. Суды этой группы справедливо отмечают, что незначительные, кратковременные и устраненные к моменту окончания договора нарушения (например, разовые технические задержки банковских переводов) не могут аннулировать законную гарантию стабильности бизнеса арендатора, если в целом его поведение являлось добросовестным.

Таким образом, существующая автономия судов в оценке «надлежащего характера» исполнения обязательств порождает опасный субъективизм. Формальный подход судов фактически уничтожает ценность ст. 621 ГК РФ, превращая любое мелкое эксплуатационное прегрешение в легальный повод для вытеснения арендатора с «насиженного» коммерческого места. Представляется, что для коммерческой недвижимости критерий «надлежащего исполнения» должен быть нормативно или на уровне Пленума ВС РФ синхронизирован с понятием существенного нарушения договора (ст. 450 ГК РФ) [1]. Только систематические и неустраненные нарушения, причинившие реальный ущерб арендодателю, должны лишать коммерческого арендатора его преимущественного права.

Заключение

Проведенное исследование теоретических аспектов и правоприменительной практики реализации преимущественного права арендатора на заключение договора коммерческой аренды на новый срок позволяет сформулировать выводы и рекомендации.

Эффективность механизма защиты преимущественного права арендатора коммерческой недвижимости остается низкой. Действие ст. 621 ГК РФ может быть исключено условием договора, которое в сегменте коммерческой недвижимости фактически навязывается арендатору, либо прекращено в силу закона решением публичного собственника об ином порядке распоряжения имуществом. Действующая редакция ст. 621 ГК РФ не обеспечивает должного баланса интересов сторон, смещая вектор правовой защиты в сторону собственника.

Вторым барьером для добросовестного арендатора является отсутствие единого подхода к оценке надлежащего исполнения им своих обязанностей. Формально-буквальное толкование позволяет арендодателю использовать любое незначительное нарушение в качестве основания для отказа в заключении договора на новый срок.

Для преодоления выявленных коллизий и повышения стабильности гражданского оборота в сфере коммерческой недвижимости предлагаются следующие решения.

1. Модернизация законодательства. Предлагается дополнить ст. 621 ГК РФ положением о недопустимости исключения преимущественного права арендатора в договорах, заключаемых путем присоединения к стандартным условиям, разработанным арендодателем (ст. 428 ГК РФ).

Кроме того, критерий надлежащего исполнения обязанностей должен быть на уровне закона или разъяснений Пленума Верховного Суда РФ соотнесен с понятием существенного нарушения договора (ст. 450 ГК РФ): лишать арендатора преимущественного права должны лишь систематические либо неустраненные нарушения, причинившие арендодателю реальный ущерб.

Данные меры повысят предсказуемость правоприменения и защитят добросовестных арендаторов от утраты права по формальным основаниям.

2. Инструментарий для бизнеса. В качестве прикладного инструмента разработан чек-лист превентивной защиты арендатора, рекомендуемый к внедрению на этапе согласования девелоперских и коммерческих договоров:

— императивная фиксация сроков — замена размытой формулировки закона «в разумный срок» на жестко установленный временной регламент (например, «не позднее чем за 60 календарных дней до окончания срока аренды»);

— формализация каналов связи — четкое определение способов направления уведомлений (исключительно ценным письмом с описью вложения либо через конкретные верифицированные адреса ЭДО/электронной почты), чтобы исключить оспаривание факта получения запроса;

— формульное ценообразование — включение в текст первичного договора фиксированного порядка индексации ставки на новый срок (например, «не более индекса потребительских цен (ИПЦ) плюс 2 %»), что блокирует возможность арендодателя выставить заведомо нерыночную цену с целью избавления от арендатора;

— запрет на исключение из проектов договоров, навязываемых арендодателями, пунктов о полном отказе сторон от применения положений ст. 621 ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды: Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73: (ред. от 25.01.2013) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 1. — С. 84–97.

4. Определение Верховного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. по делу № А63–10535/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ExOJgk4kl7gO/ (дата обращения: 02.11.2026).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2026 г. № 305-ЭС26–6706 по делу № А40–182025/2024. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/YItHwhzWOG6X/ (дата обращения: 02.11.2026).
6. Климанова, Д. Д. Преимущественное право арендатора и нанимателя на заключение договора на новый срок: сравнительный анализ / Д. Д. Климанова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 12. — С. 33–37. — EDN NBRADB.
7. Кропачева, В. В. Преимущественное право в договоре аренды: проблемные вопросы правоприменения / В. В. Кропачева, А. А. Трухина // Моя профессиональная карьера. — 2023. — Т. 1, № 48. — С. 332–337. — EDN DYMAIM.
8. Пузиков, Р. В. Общая характеристика преимущественного права арендатора на заключение договора аренды на новый срок / Р. В. Пузиков, А. А. Лактюхина // Проблемы гражданского права и процесса: Сборник научных статей. — Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2023. — С. 164–175. — EDN GCNBAU.
9. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 1997. — 682 с.

Правовое регулирование деятельности приютов для животных в Российской Федерации: проблемы контроля и ответственности

Росс Дарья Николаевна, студент
Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье рассматриваются обязанности владельцев приютов для животных и механизмы контроля за их исполнением. На основе анализа законодательства, научных публикаций и материалов судебной и прокурорской практики 2025–2026 годов разграничены недостатки региональных норм и нарушения при их реализации. Обоснованы предложения по уточнению процедур организации ветеринарной помощи, согласованию сведений об учёте животных и документальному подтверждению устранения нарушений. Сделан вывод о необходимости оценивать результаты контроля с учётом фактического исполнения обязательных требований.

Ключевые слова: *приюты для животных, животные без владельцев, правовое регулирование, государственный контроль, общественный контроль, административная ответственность, ветеринарная помощь.*

Приюты для животных обеспечивают содержание животных без владельцев, проведение необходимых ветеринарных мероприятий и поиск новых владельцев. От организации их работы зависят сохранение жизни и здоровья животных, возможность возвращения потерявшегося питомца хозяину и безопасность граждан. Поэтому правовое регулирование деятельности приютов должно позволять установить содержание обязанностей их владельцев и проверить, как эти обязанности исполняются.

Цель исследования состоит в выявлении проблем контроля и ответственности в деятельности приютов и обосновании предложений по совершенствованию регулирования. Используются анализ законодательства, сопоставление научных позиций и разбор отдельных материалов судебной и прокурорской практики 2025–2026 годов. Основное внимание уделяется определённости региональных требований, документальному подтверждению работы приюта и результатам реагирования на выявленные нарушения.

Основу регулирования составляет Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статья 16 допускает создание государственных, муниципальных и частных приютов. Владельцами частных приютов могут быть индивидуальные предприниматели и юридические лица. В отношении содержащихся в приютах животных их владельцы и уполномоченные ими лица несут обязанности как владельцы животных [8, ст. 16]. Организационная форма приюта сама по себе не освобождает от соблюдения установленных требований.

К обязанностям приютов относятся карантинирование поступивших животных, вакцинация, учёт и маркирование, стерилизация животных без владельцев, размещение сведений о них в сети Интернет и документальное

оформление поступления и выбытия. Закон предусматривает возможность поиска потерявшегося животного его владельцем, а также посещения приютов гражданами и волонтёрами с установленными ограничениями по времени и санитарным мероприятиям [8, ст. 16]. Эти положения создают основу для проверки как условий содержания, так и движения животных через приют.

Региональный уровень конкретизирует порядок организации деятельности приютов и нормы содержания животных. В соответствии с частью 13 статьи 16 Закона № 498-ФЗ такие правила устанавливаются уполномоченным органом государственной власти субъекта Российской Федерации на основании методических указаний Правительства РФ, утверждённых постановлением от 23 ноября 2019 года № 1504 [8; 9]. При этом региональная конкретизация должна согласовываться с федеральными требованиями и обеспечивать понятный порядок их исполнения. Значение имеют определённость обязанностей, распределение действий между участниками и возможность подтвердить результат документами.

В научной литературе вопросы деятельности приютов рассматриваются в связи с осуществлением публичных полномочий. Е. А. Маслакова и Д. А. Кирюхин обращают внимание на проблемы учёта животных, контроля исполнения муниципальных контрактов и финансового обеспечения муниципальных приютов [6]. О. И. Баженова исследует материальное и финансовое обеспечение переданных муниципалитетам полномочий и границы их ответственности [2, с. 58–59]. Эти позиции позволяют поставить вопрос о согласованности обязательных требований с организационными условиями их исполнения. При этом разграничение источников финансирования не отменяет обязанностей конкретного приюта по надлежащему содержанию животных.

Проблемы качества региональных норм отражены в деле № 3а-59/2025, рассмотренном Ульяновским областным судом 26 июня 2025 года. Предметом спора стали положения правил деятельности приютов, утверждённых постановлением Правительства Ульяновской области от 3 апреля 2020 года № 154-П, и актов об их изменении. Четвёртый апелляционный суд общей юрисдикции 26 ноября 2025 года по делу № 66а-1292/2025 пересмотрел решение в части удовлетворения требований. Апелляция признала правила недействующими в той мере, в какой они не предусматривали оказание ветеринарной помощи и проведение иных профилактических ветеринарных мероприятий. Также была скорректирована формулировка об определении дальнейшей судьбы животных [1].

Данный спор показывает значение содержательной проверки регионального акта. Оценка его качества требует установить, отражены ли необходимые обязанности и допускает ли текст однозначное применение. Вместе с тем выводы первой инстанции нельзя автоматически принимать за окончательную позицию по делу: апелляция изменила объём удовлетворённых требований. Для настоящего исследования используются положения правил в редакциях, рассматривавшихся судами в 2025 году. Судебные выводы относительно этих редакций не характеризуют без дополнительного сопоставления содержание последующих изменений регионального регулирования.

При разработке региональных правил представляется необходимым определять порядок исполнения обязанностей приюта с учётом ветеринарного законодательства. В частности, из правил должно быть понятно, каким образом организуется обращение за ветеринарной помощью и как оформляются сведения о её оказании. Установление единых сроков лечения без учёта состояния животного было бы необоснованным. Юридическая определённость в данном случае достигается закреплением действий ответственных лиц и способов их подтверждения, при сохранении профессиональных полномочий специалиста в области ветеринарии.

Следующий вопрос связан с контролем фактической деятельности приютов. Статья 19 Закона № 498-ФЗ относит соблюдение требований к работе приютов и норм содержания животных к предмету регионального государственного контроля, за предусмотренными законом исключениями. Уполномоченные должностные лица могут запрашивать документы, проверять соблюдение требований, выдавать предписания и проверять их исполнение. Организация контрольной деятельности регулируется Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ [7; 8, ст. 19]. Следовательно, выбор контрольных мероприятий и основания их проведения должны соответствовать установленной законом процедуре.

Для оценки исполнения требований существенна связь документов с конкретным животным. Запись о проведении мероприятия должна позволять определить, в отношении какого животного оно выполнено, когда и кем оформлен результат. Несогласованность сведений о поступлении, маркировании, ветеринарных мероприятиях и выбытии затрудняет проверку. Перспективным направлением представляется развитие учёта, при котором эти сведения связываются единым идентификатором животного. Такое предложение направлено на обеспечение проверяемости уже существующих обязанностей, а его реализация требует оценки совместимости используемых систем и защиты персональных данных владельцев.

Общественный контроль дополняет государственный. Согласно статье 20 Закона № 498-ФЗ его могут осуществлять общественные объединения, иные некоммерческие организации и граждане. Общественные инспекторы вправе фиксировать нарушения, в том числе посредством фото- и видеосъёмки, и направлять материалы в органы государственного надзора. Результаты общественного контроля, представленные органам власти, подлежат обязательному рассмотрению [8, ст. 20]. В. В. Гончаров исследует особенности законодательной основы общественного контроля в данной сфере [4]. Его практические возможности следует оценивать с учётом действующей редакции специального законодательства.

Практическое значение общественного контроля зависит от понятного взаимодействия с уполномочен-

ными органами. Представляется полезным разработать доступные разъяснения о способах фиксации обстоятельств, составе сведений о предполагаемом нарушении и направлении материалов по компетенции. При этом полномочия общественного инспектора и государственного инспектора различаются. Право направлять сообщения и фиксировать нарушения не означает предоставления гражданину всех государственных контрольных полномочий либо неограниченного доступа к документации. Предложения по развитию общественного контроля должны учитывать это разграничение и не препятствовать ветеринарным и санитарным мероприятиям.

Административная ответственность за нарушения в деятельности приютов специально предусмотрена частью 1 статьи 8.54 КоАП РФ. Санкция допускает предупреждение или штраф для должностных лиц от пяти до пятнадцати тысяч рублей, для юридических лиц — от пятнадцати до тридцати тысяч рублей [5]. Применение данной нормы требует определения нарушенной обязанности, субъекта ответственности и соотношения со смежными составами. Отдельного внимания заслуживает связь назначенного наказания с устранением нарушения.

Показателен материал прокуратуры города Красноуральска от 17 июля 2026 года о проверке приюта ООО «Арсенал». В сообщении указаны отсутствие необходимых помещений, нарушения хранения биологических отходов и другие недостатки. По результатам рассмотрения возбуждённых прокуратурой дел директору назначены штрафы: пятнадцать тысяч рублей по части 1 статьи 8.54 КоАП РФ и десять тысяч рублей по части 1 статьи 10.6 КоАП РФ. На дату сообщения фактическое устранение нарушений оставалось на контроле прокуратуры [3]. Данный пример требует разграничивать юридические основания ответственности за нарушения деятельности приюта и ветеринарно-санитарных правил. Он также показывает различие между назначением наказания и подтверждённым устранением выявленных недостатков.

Другой результат описан прокуратурой Устиновского района города Ижевска 12 августа 2026 года. В приюте были установлены нарушения хранения ветеринарных препаратов, организации выгула собак и обращения с отходами. Директор привлечён к ответственности по части 1 статьи 8.54 КоАП РФ с назначением предупреждения. Прокуратура сообщила об устранении нарушений [10]. Сопоставление этого материала с красноуральским случаем не позволяет оценить соразмерность конкретных наказаний без изучения обстоятельств административных дел. Вместе с тем оно подтверждает необходимость отдельно учитывать вид наказания и сведения об исполнении требований по устранению нарушений.

Использованные сообщения прокуратуры представляют собой официальные сведения о результатах надзорной деятельности. Они не заменяют полные тексты постановлений по делам об административных правонарушениях и не раскрывают все обстоятельства назначения наказания. Поэтому на их основании нельзя делать вывод о систематической мягкости санкций или неэффективности контроля в целом. Для обоснования изменения размеров штрафов потребовались бы более широкая выборка дел, сведения о повторных нарушениях и данные об исполнении выданных предписаний.

В качестве первого направления совершенствования регулирования предлагается проверка региональных правил на полноту и согласованность с федеральными требованиями. Необходим анализ того, определены ли порядок организации ветеринарной помощи, оформление её результатов и обязанности участников соответствующих процедур. При уточнении правил следует избегать как неопределённых формулировок, так и необоснованного вмешательства в профессиональные решения ветеринарного специалиста. Ульяновский судебный спор показывает практическую значимость такой проверки.

Второе направление связано с повышением качества учёта животных. При развитии электронной формы учёта целесообразно предусматривать сопоставимость сведений о приёме, маркировании, проведённых мероприятиях и выбытии животного. Следует различать данные, необходимые уполномоченному органу для контроля, и сведения, подлежащие открытому размещению. Публичная информация должна помогать поиску животных и оценке работы приюта, а доступ к персональным данным и ветеринарной документации необходимо организовывать в пределах закона. Введение новых информационных обязанностей требует определения их правового основания и оценки затрат на исполнение.

Третье направление касается оценки результатов реагирования. В предусмотренных законом процедурах необходимо устанавливать, какие конкретно действия подтверждают устранение нарушения и какие документы позволяют это проверить. Оплата штрафа сама по себе не свидетельствует об оборудовании изолятора, обеспечении надлежащего хранения препаратов или выполнении других обязанностей. Объём последующих контрольных действий должен определяться характером нарушения и требованиями Закона № 248-ФЗ. Такой подход позволяет связать применение ответственности с восстановлением надлежащих условий содержания животных.

Проведённый анализ позволяет разграничить две группы вопросов: определённость правовых обязанностей приюта и проверяемость их исполнения. Судебный спор об ульяновских правилах относится прежде всего к качеству регионального регулирования; материалы прокурорских проверок раскрывают конкретные нарушения деятельности приютов и разные стадии реагирования на них. Совершенствование регулирования целесообразно связывать с уточнением процедур ветеринарной помощи, развитием согласованного учёта и документальным подтверждением устранения нарушений. Предлагаемые меры создают основу для более последовательного применения существующих требований и могут быть использованы при дальнейшей оценке региональной практики.

Литература:

1. Апелляционное определение Четвёртого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 ноября 2025 г. по делу № 66а-1292/2025 (дело первой инстанции № 3а-59/2025). — Текст: электронный // Четвёртый апелляционный суд общей юрисдикции: официальный сайт. — URL: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?case_id=6142567&case_uid=446e9288-be88–4240–9eaf-a83706f400ad&delo_id=42&name=sud_delo&name_op=case&new=0&srv_num=1 (дата обращения: 28.10.2026).
2. Баженова, О. И. Проблема осуществления муниципальными образованиями полномочий по организации деятельности в области обращения с животными без владельцев (по материалам судебной практики) / О. И. Баженова. — Текст: электронный // Местное право. — 2025. — № 2. — С. 57–76. — URL: https://istina.msu.ru/publications/article/750140826/ (дата обращения: 28.10.2026).
3. В Красноуральске прокуратура выявила многочисленные нарушения в деятельности приюта для животных. — Текст: электронный // Прокуратура Свердловской области: официальный сайт. — 2026. — 17 июля. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/mass-media/news/regional/e8584995/ (дата обращения: 28.10.2026).
4. Гончаров, В. В. Общественный контроль в области обращения с животными: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ / В. В. Гончаров. — DOI 10.47643/1815–1337_2023_3_132. — Текст: электронный // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 3 (219). — С. 132–135. — URL: https://tpi.donstu.ru/?page_id=303 (дата обращения: 28.10.2026).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Статья 8.54. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/181dcec75dc4e81a8696f8b6e48841d973109123/ (дата обращения: 28.10.2026).
6. Маслакова, Е. А. Муниципальные приюты для животных без владельцев: проблемы правового регулирования и правоприменения / Е. А. Маслакова, Д. А. Кирюхин. — DOI 10.18572/2072–4314–2026–3–6–12. — Текст: электронный // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2026. — № 3. — URL: https://doi.org/10.18572/2072–4314–2026–3–6–12 (дата обращения: 28.10.2026).
7. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 28.10.2026).
8. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ: редакция от 31 июля 2025 г. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 28.10.2026).
9. Об утверждении методических указаний по организации деятельности приютов для животных и установлению норм содержания животных в них: постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2019 г. № 1504. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201911280009 (дата обращения: 28.10.2026).
10. По инициативе прокурора Устиновского района г. Ижевска директор приюта для животных привлечён к административной ответственности. — Текст: электронный // Прокуратура Удмуртской Республики: официальный сайт. — 2026. — 12 августа. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_18/mass-media/news/regional/e8613699/ (дата обращения: 28.10.2026).

Проблемы реализации валютного контроля в условиях трансформации законодательства

Рустамов Алишер Нусратуллаевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются ключевые проблемы реализации механизма валютного контроля в Российской Федерации в условиях перманентной и разнонаправленной трансформации законодательства 2022–2026 гг. Рассматриваются разнонаправленные тенденции в регулировании: вынужденная либерализация для экспортеров и одновременное ужесточение ограничений для предотвращения оттока капитала. Особое внимание уделяется институциональной

трансформации. Выявлены ключевые коллизии: технологическая несовместимость требований валютного контроля с мгновенными трансграничными переводами через Систему быстрых платежей, неопределенность правового статуса цифрового рубля, а также проблема временного характера законодательства. Автором предлагаются пути решения, включающие кодификацию временных норм, создание цифровой платформы автоматического комплаенс-контроля и развитие международного обмена информацией для снижения издержек добросовестных участников внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: *валютный контроль, валютное регулирование, трансформация законодательства, санкционное давление, внешнеэкономическая деятельность, цифровой рубль, комплаенс, финансовая безопасность.*

Problems of implementing currency control in the context of legislative transformation

Rustamov Alisher Nusratullaevich, master's student
Scientific advisor: Satskevich Tatyana Konstantinovna, candidate of sciences in law, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article examines the key problems of the implementation of the mechanism of currency control in the Russian Federation in the context of permanent and multidirectional transformation of legislation in 2022–2026. Multidirectional regulatory trends are considered: forced liberalization for exporters and simultaneous tightening of restrictions to prevent capital outflow. Special attention is paid to institutional transformation. Key conflicts have been identified: the technological incompatibility of currency control requirements with instant cross-border transfers through the Fast Payment System, the uncertainty of the legal status of the digital ruble, as well as the problem of the temporary nature of legislation. The author suggests solutions, including the codification of time standards, the creation of a digital platform for automatic compliance control and the development of international information exchange to reduce the costs of bona fide participants in foreign economic activity.

Keywords: *exchange control, currency regulation, transformation of legislation, sanctions pressure, foreign economic activity, digital ruble, compliance, financial security.*

Система валютного регулирования и контроля является важным инструментом государственной экономической политики, направленным на обеспечение стабильности национальной валюты, защиту экономических интересов и предотвращение незаконных финансовых операций. В условиях глобализации и цифровизации экономики традиционные методы валютного контроля требуют модернизации и адаптации к новым вызовам [1]. Каскад законодательных изменений, которые носят системный характер запустило санкционное давление, затронувшее ключевые элементы национальной финансовой инфраструктуры.

Можем отметить, что объективная необходимость адаптации экономики к работе в условиях санкций потребовала от регулятора смягчения ряда требований, например, отмены обязательной репатриации валютной выручки для отдельных категорий экспортеров, упрощения процедур постановки контрактов на учет, увеличения лимитов по авансовым платежам. Однако, с другой стороны, резкое возрастание угрозы неконтролируемого оттока капитала и необходимость обеспечения стабильности курса национальной валюты стимулировали принятие жестких ограничительных мер, зачастую вводимых указами Президента.

В данной сфере ключевым сдвигом последних лет стала передача функций органа валютного контроля от Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, которая упразднена в 2016 году, к Федеральной налоговой службе и Федеральной таможенной службе, а также планируемое расширение полномочий Федерального казначейства. Однако реализация последней реформы столкнулась с серьезными препятствиями, обусловленными санкциями, не позволяющими распорядителям средств федерального бюджета проводить платежи в валютах недружественных стран.

Случившиеся наглядно иллюстрирует проблему, при которой система валютного контроля конкретной страны, в нашем случае — России, вступает в противоречие с внешнеполитической ситуацией. Концентрация всех валютных операций бюджетных учреждений на счетах Казначейства, задуманная как инструмент повышения прозрачности и эффективности контроля, в условиях санкционных ограничений может привести к полной блокировке внешнеэкономических расчетов государственного сектора. Таким образом, благое намерение по централизации контроля оборачивается созданием определенной уязвимости для санкционного воздействия.

Помимо этого, стремительное развитие национальной платежной инфраструктуры породило проблему технологической несовместимости традиционных процедур валютного контроля с новыми формами денежных переводов. Данная коллизия наиболее остро проявилась при распространении Системы быстрых платежей (далее по тексту — СБП) на трансграничные операции. СБП предполагает осуществление переводов в режиме реального времени за секунды, однако фактически действующие требования валютного контроля предполагают предо-

ставления от уполномоченных банков запроса и проверки подтверждающих документов до проведения операции.

Ассоциация российских банков была вынуждена официально обратиться в Центральный банк с констатацией того, что банки не успевают выполнять требования валютного контроля при переводах через СБП за рубеж [2]. Позиция регулятора, рекомендовавшего кредитным организациям самостоятельно организовать систему предварительного контроля, фактически переложила бремя разрешения противоречия на коммерческие банки. Все это, по нашему мнению, создает для банков юридические риски, так как организации оказываются меж двух противоположностей — они обязаны обеспечить мгновенность перевода как неотъемлемое свойство сервиса СБП, но при этом несут ответственность в виде штрафов от 20 % до 100 % от суммы операции за ненадлежащее исполнение функций агента валютного контроля.

Важным шагом в формировании правового фундамента для новой формы денег является принятие базового закона о цифровой валюте и синхронизация с ним положений отраслевого законодательства, включая распространение на операции с цифровой валютой норм валютного контроля [3]. Однако на практическом уровне остается нерешенным целый ряд вопросов. Цифровой рубль, являясь обязательством Банка России, по своей правовой природе не может быть отнесен ни к наличной, ни к безналичной иностранной валюте, что создает неопределенность в применении к операциям с ним существующих требований о репатриации, паспортизации сделок и уведомлении о зарубежных счетах.

Помимо этого, современное российское валютное законодательство, а именно сложившееся состояние нормативной базы, можно охарактеризовать как многослойную систему, в которой базовый Федеральный закон № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» дополняется и корректируется временными указами Президента, постановлениями Правительства, нормативными актами Банка России, решениями Правительственной комиссии и подкомиссии, а также актами Минфина и ФНС России, имеющими разъяснительный характер, а временные ограничения, введенные антисанкционными указами, регулярно продлеваются, создавая иллюзию их перманентного характера. Так, запрет на осуществление без разрешения Банка России оплаты резидентом доли в имуществе юридического лица-нерезидента продлен до конца 2026 года [4]. Аналогичная ситуация складывается с ограничениями на снятие наличной иностранной валюты. В совокупности это формирует правовой ландшафт, в котором участники внешнеэкономической деятельности вынуждены ориентироваться не на стабильный кодифицированный акт, а на постоянно обновляемый массив временных предписаний, каждое из которых может быть изменено или отменено в любой момент.

Комплексный характер выявленных проблем требует столь же комплексного подхода к их решению, основанного на балансе между обеспечением финансовой безопасности государства и созданием предсказуемой регуляторной среды для бизнеса.

Нам представляется назревшей потребностью инкорпорация доказавших свою эффективность мер в текст закона с одновременной систематизацией исключений и изъятий, что позволит участникам рынка формировать долгосрочные бизнес-модели с полным пониманием нормативно-правовых требований. Предполагается, что нормы, носящие действительно временный характер, должны вводиться с четко определенным сроком действия, а их продление — сопровождаться оценкой регулирующего воздействия и публичным обоснованием необходимости пролонгации.

Далее следует обеспечить технологическую модернизацию процедур валютного контроля. Возможным проставляется создание цифровой платформы, которая была бы интегрирована с банками и осуществляла бы предварительный контроль в автоматическом режиме

Последним направлением является международное сотрудничество. Российская Федерация должна инициировать создание соглашений с дружественными странами по обмену документами и информацией по вопросам валютного контроля на принципах законности, конфиденциальности и безвозмездности. В данных соглашениях должен быть определен порядок обмена информацией в электронном виде, описание структуры передаваемой информации, используемые средства криптографической защиты, средства коммуникации и связи, а также прочие технические условия, необходимые для обеспечения информационного взаимодействия.

Таким образом, система валютного регулирования и контроля в России трансформировалась с целью защиты национальной экономики от внешних экономических потрясений и обеспечения стабильности внутреннего рынка. Несмотря на это, в ходе исследования был выявлен ряд недостатков, разрешение которых становится важной задачей в обеспечении национальной валютной безопасности.

Литература:

1. Чеботарев С. С., Хмыз А. А., Лавриненко Ю. С., Юсупова А. Р. Эволюция системы валютного регулирования в Российской Федерации: от традиционных к цифровым вызовам // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 7. — С. 90.
2. Банки РФ указали на трудности с валютным контролем операций через СБП [Электронный ресурс] URL: https://expert.ru/news/banki-rf-ukazali-na-trudnosti-s-valyutnym-kontrolem-operatsiy-cherez-sbp/?ysclid=moxab72u1a870003927.

3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.
4. Указ Президента РФ от 08.12.2025 № 894 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 18 марта 2022 г. № 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования» // СЗ РФ, 15.12.2025, № 50, ст. 7824.

Генезис института строительного подряда в российском праве

Савко Антон Владимирович, студент
Московский университет «Синергия»

Настоящая публикация посвящена разбору генезиса института строительного подряда в российском праве. Рождение и нормативно-правовое закрепление договора строительного подряда относится к перспективным этапам развития социально-экономических и правовых отношений. В нынешнем российском праве долгое время имело место быть положение, схожее с римским частно-правовым регулированием строительства построек. Каких-либо определенных договорных форм, относящихся к общественным отношениям, связанным с произведением строительных работ и возведения объектов недвижимости, не существовало.

Ключевые слова: *строительный подряд, договоры, строительные работы, право, объект недвижимости.*

The genesis of the construction contract institution in Russian law

This publication is devoted to an analysis of the genesis of the construction contract institution in Russian law. The emergence and regulatory consolidation of the construction contract is one of the promising stages in the development of socioeconomic and legal relations. In current Russian law, for a long time there was a situation similar to the Roman private law regulation of construction. There were no specific contractual forms related to social relations associated with the performance of construction work and the construction of real estate objects.

Keywords: *construction contract, contracts, construction work, law, real estate object.*

Много российских цивилистов со ссылкой на ст. 1737 Свода законов гражданских говорили о том, что (в подряде или поставке одна из сторон принимает на себя обязательство исполнить своим иждивением предприятие или поставить известного рода вещь, а другая — учинить за то денежный платеж); (предметом подряда и поставки могут быть всякого рода предприятия, как-то: постройка, починка и пр. зданий и производство всяких работ) [1].

В России 1 половины двадцатого века, производились множество разновидностей строительных и ремонтных работ, но в то же время пользовались общими гражданско-правовыми нормами. Появление и ознаменование специальных гражданско-правовых норм и договоров приходится на более позднее время — вторую половину двадцатого века. Постепенно законодательство по капитальному строительству развивается и усовершенствуется, что привело к относительному обособлению гражданско-правовых норм, определяющих проведение строительных работ. Инкорпорация гражданско-правовых норм, регламентирующих процесс строительства объектов недвижимости, подвела к принятию данного консолидированного нормативно-правового акта, как правило о договоре подряда на капитальное строительство, принятого на правительственном уровне в то время.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г, не определял разновидности договоров подряда, поэтому, например, допускалось заключение и реализация договоров на выполнение строительных работ по общим нормам, регулирующим подрядные отношения. Лишь позже, в 30-х годах 20-го столетия стали возникать предпосылки для признания договора на осуществление строительных работ в качестве разновидности подрядного договора в связи с требованием осуществления строительства лишь по утвержденным проектам и сметам, с увеличением объемов государственных инвестиций в народном хозяйстве СССР, введением нормативно-технического регулирования в строительстве того времени.

Постановление СНК СССР от 9 января 1934 годах «О заключении договоров на строительные работы в 1934 году» разрешало заключение договора на строительные работы только при внесении объекта в утвержденный титульный список и наличии завершенного технического проекта. Этим правилам присуще более полное и содержательное значение в постановлении СНК СССР от 23

мая 1936 г. «О порядке составления проектов и смет по капитальному строительству».

26 февраля 1938 г. постановлением СНК СССР «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства» стали утверждены правила о подрядных договорах по строительству. В связи с чем заключение договора стало возможно лишь при наличии технического проекта и генеральной сметы, без наличия данных документов подписание договора было запрещено. Данными правилами определялись права и обязанности заказчика и подрядчика в договоре о подряде по строительству и назначался порядок расчетов за выполненные работы. Так как данные работы производились чаще всего за счет государственных средств, была создана система банковского контроля за правильным и целевым расходом средств, отведенных на строительство. Правила по подрядным договорам по строительству обновлялись в 1955, 1969 и 1986 гг.

До 8 декабря 1961 г. регулирование подрядных отношений в строительстве производилось подзаконными нормативно-правовыми актами. Восьмого декабря 1961 г. принятые Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик закрепили в качестве самостоятельного вида договор подряда на капитальное строительство. ГК РСФСР 1964 г. в части регулирования отношений по капитальному строительству текстуально воспроизводил Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик [].

В главе 31 ГК РСФСР 1964 г. определялось, что по договору подряда на капитальное строительство организация-подрядчик обязуется своими силами и средствами построить и сдать организации-заказчику предусмотренный планом объект в соответствии с утвержденной проектно-сметной документацией и в установленный срок, а заказчик обязуется предоставить подрядчику строительную площадку, передать ему утвержденную проектно-сметную документацию, обеспечить своевременное финансирование, принять законченные строительством объекты и оплатить их. Обеспечение строительства технологическим, энергетическим, электротехническим и общезаводским оборудованием и аппаратурой возлагается на заказчика, кроме случаев, предусмотренных специальным постановлением. Специальными постановлениями на заказчика возлагается обеспечение строительства материалами.

Из этого следует: договор подряда на капитальное строительство сложился как исключительно плановый договор (анализу его плановой природы уделялось большое внимание в юридической литературе), имел многочисленные и сложные плановые предпосылки для своего заключения, его содержание и исполнение детально определялось действовавшими в то время источниками советского гражданского права [3].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. зафиксировал структуру договорных отношений по капитальному строительству, права заказчика, основания ответственности сторон и организационно-правовые особенности капитального строительства в колхозах. Гражданский кодекс РСФСР оставлял обширный простор для договорной свободы сторон договора подряда в капитальном строительстве, но, к сожалению, большое подзаконное регулирование в значительной степени ограничило возможность функционирующих в данной системе экономических отношений субъектов строительства и реконструкций объектов недвижимости. Конец такому положению положила рыночно — правовая реформа конца двадцатого века.

Вторая часть Гражданского кодекса Российской Федерации ст. 740 закрепляет понятие договора строительного подряда: по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену [4]. Таким образом, сделаем вывод о том, что нынешняя форма договора строительного подряда есть ни что иное как результат длительного и весьма непростого социально-экономического и правового развития. Так как эволюция экономики и общества невозможна без должной инфраструктуры, то ее создание и обеспечение необходимого функционирования, обладающие большим организационно-экономическим значением, требуют создания сложных гражданско-правовых форм, одной из которых служит договор строительного подряда.

Усовершенствование социально-экономической организации строительства и реконструкции объектов недвижимости и определяющего ее договора строительного подряда обусловило выделение и изучение элементов договора строительного подряда, что в свою очередь существенно для его отграничения от общего, исходного договора подряда, закрепленного параграфом 1 главы 37 ГК РФ, и от смежных гражданско-правовых договоров. Кроме этого, развитие правового регулирования строительства и реконструкции объектов недвижимости путем заключения и выполнения договора строительного подряда пошло по пути создания правового положения его субъектов и правового режима других элементов: объекта и предмета, содержания и ответственности. В связи с этим думается что логичным станет определение и анализ элементов договора строительного подряда после краткого описания истории возникновения и развития договора строительного подряда как главной гражданско-правовой формы строительства и реконструкции объектов недвижимости.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что по вопросу элементов договора строительного подряда мнения авторов не имеют больших различий. Если даже термин «элементы договора строительного подряда» не применяется, анализ определяется по существу с соответствующими оценками и выводами. Судя по всему, такие выводы обусловливаются отсутствием в законодательстве понятия «элементы договора», хотя «понятие существенные

условия» (и другие и, относящиеся к тому или иному договору) применяются. Значит, следуя точке зрения законодателя вычленение и квалификация существенных условий определенного гражданско-правового договора достаточны для определения его гражданско-правовой природы и сущности.

Литература:

1. Кудрявцев, Д. М. Договор строительного подряда в гражданском праве России: вопросы теории правоприменительной практики / Д. М. Кудрявцев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 51 (550). — С. 495–499. — URL: https://moluch.ru/archive/550/120753.
2. Гладышева, Е. А. История развития договора строительного подряда в гражданском законодательстве России / Е. А. Гладышева, С. В. Попов // Современные проблемы права и управления: сборник докладов 6-й международной научной конференции, Тула, 27–28 октября 2016 года / АНО ВПО Институт законоведения и управления ВПА. — Тула: Папирус, 2016. — С. 65–72. — EDN WXRVJH.
3. Асратян, М. Г. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики / М. Г. Асратян, К. А. Беляева // Аграрное и земельное право. — 2026. — № 3. — С. 341–343. — DOI 10.47643/1815–1329_2026_3_341. — EDN DCMZYG.
4. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

Принятие наследства наследственным фондом: проблемы правовой конструкции и пути совершенствования

Самохина Мария Викторовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автором исследуются вопросы принятия наследства таким особым субъектом, как наследственный фонд. Обобщаются подходы к месту и роли наследственных фондов в современной системы личных фондов, особенности подачи заявления о принятии наследства. Проведен анализ проблем, связанных со сроками принятия наследства наследственным фондом и реализацией прав обязательных наследников.

Ключевые слова: *наследственный фонд, личный фонд, принятие наследства, наследник, завещание, нотариус, обязательная доля, наследственное имущество.*

В последние годы развитие российского наследственного права характеризуется появлением новых правовых конструкций, связанных с обеспечением сохранности имущества после смерти наследодателя. Традиционное наследование по завещанию или закону нередко приводит к тому, что имущество, в том числе предпринимательские активы, включая недвижимое имущество и ценные бумаги, оказываются раздробленными между несколькими наследниками. Подобная ситуация может стать причиной корпоративных конфликтов, снижению стоимости активов и, в конечном итоге, ликвидации бизнеса. Институт наследственного фонда предоставляет возможность передачи управления имуществом наследодателя специально создаваемому юридическому лицу. Вместе с тем правоприменение норм, регулирующих порядок организации и функционирования наследственного фонда в настоящее время сталкивается с рядом трудностей к которым можно отнести и те, которые возникают при принятии наследства. Еще один аспект актуальности исследования связан с тем, что институт наследственного фонда является межотраслевым и его правовая природа связана одновременно с нормами наследственного и корпоративного права, а также законодательством, регулирующим деятельность некоммерческих лиц.

В соответствии со ст. 123.20–4 Гражданского кодекса Российской Федерации личный фонд создается либо самим гражданином, либо нотариусом в соответствии с завещанием наследодателя [1]. Разновидностью личного выступает наследственный фонд, правила создания и роль которого определены ст. 123.20–8 ГК РФ анализ положений которой позволяет говорить о сложной правовой природе наследственного фонда. Представляя собой юридическое лицо в форме некоммерческой организации, он может быть создан на основании распоряжения наследодателя, сделанного им при жизни, то есть непосредственно связан с наследованием.

Некоторые авторы рассматривают наследственные фонды как особый тип преемников имущества наследователя в чью задачу входит сохранение целостности крупных активов и бизнеса [2]. Другие исследователи от-

мечают ограниченность объема наследственных прав, принадлежащих фонду по сравнению с обычными наследниками по закону или завещанию [3]. Фонд призывается к наследованию для управления имуществом на условиях, определенных наследодателем. С этой точки зрения факт принятия наследства рассматривается как обязанность.

В соответствии с общим правилом, установленным ст. 1152 ГК РФ принятие наследства является условием его приобретения [4]. Принятие наследства осуществляется способами, предусмотренными статьей 1153 ГК РФ: путем подачи заявления нотариусу либо путем совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства. В ситуации наследования по завещанию наследник одновременно является и выгодоприобретателем, извлекающим из полученного имуществу определенную выгоду и пользу. Тем самым достигается цель наследственного правопреемства.

В случае, когда наследство принимает фонд, ситуация складывается иным образом. Выгодоприобретатель и субъект, принимающий открывшееся наследство, отличны. Наследодатель предполагает, что пользу от оставленного им имущества получат лица, указанные в качестве выгодоприобретателей, в то время как в роли правопреемника выступают не они, а наследственный фонд, который в данном случае выступает в качестве инструмента реализации воли наследодателя.

Специфика правового положения наследственного фонда состоит в том, что на момент открытия наследства он не существует как субъект права и, соответственно, не может принять наследство в обычном понимании этого действия в соответствии с общими правилами, включая подачу заявления нотариусу. Смерть наследодателя и открытие наследства при наличии соответствующего распоряжения инициируют процесс создания наследственного фонда и его последующую государственную регистрацию.

Анализ мнений, высказанных в научных публикациях, позволяет выявить два основных подхода. В соответствии с первым, процессуальные действия, связанные с принятием наследства, должны осуществляться последовательно, начиная с момента создания фонда, его последующей государственной регистрации и приобретением статуса юридического лица и, завершающая стадия, обращение с заявлением о принятии наследства [2].

В соответствии со вторым подходом центральную роль в процедуре принятия наследства фондом должен играть нотариус, который направляет заявление о создании наследственного фонда и одновременно осуществляет действия, направленные на реализацию распоряжения наследодателя, сохранения целостности имущества и предотвращения утраты фондом наследственных прав [5]. Наследственный фонд становится субъектом гражданских правоотношений и наследником с момента его государственной регистрации, но имущество в составе наследственной массы при условии государственной регистрации наследственного фонда считается принадлежащим ему с момента открытия наследства. Данный подход представляется более корректным. В противном случае может возникнуть ситуация, когда вследствие ряда обстоятельств, обусловленных действиями нотариуса, государственных регистрационных органов, либо прочих участников процедуры получения наследственным фондом статуса юридического лица и правопреемника, срок для вступления в наследство может быть пропущен.

Таким образом, представляется целесообразным дополнить Методические рекомендации по оформлению наследственных прав [6] правилом, в соответствии с которым заявление нотариуса о создании наследственного фонда приравнивается к заявлению о принятии наследства.

Как уже отмечалось выше, принятие наследства фондом — это обязанность наследования, поскольку он специально создается именно с указанной целью, что и находит отражение в содержании завещательного распоряжения. Принимая наследство, фонд занимает в существующих правоотношениях место, которое ранее принадлежало наследодателю.

Обязанность наследования, как исключение из общего порядка наследования, осуществляемого на добровольных началах, существовала в российском гражданском праве и ранее, до появления института наследственного фонда и могла быть применима к двум обстоятельствам. Во-первых, когда речь шла об имуществе, получившем статус выморочного и, во-вторых, когда наследство принимало лицо, одновременно являвшееся субъектом процедуры банкротства. Однако, между этими обстоятельствами — принятием наследства наследственным фондом, наследованием выморочного имущества и наследником-банкротом имеются существенные отличия, знание которых позволяет лучше понять природу отношений, складывающихся при процедуре принятия наследства наследственным фондом. Основное отличие, имеющее определяющий характер, состоит в том, что у уполномоченных на принятие выморочного наследства органов публичной власти и наследником-банкротом отсутствует обязанность на совершение гражданско-правовой сделки, направленной на принятие наследства. Выморочное имущество переходит в собственность государства или муниципального образования автоматически, в соответствии с законодательством и отдельного волеизъявления от органов публичной власти не требуется. Автоматический переход наследственной массы в распоряжение наследственного фонда, напротив, недопустим. Принимая наследство, фонд выражает волеизъявление тем самым совершая одностороннюю сделку.

Что касается наследника, в отношении которого проводится процедура банкротства, то отказ от принятия им наследства невозможен если он будет ущемлять права кредиторов. Вместе с тем, если, например, наследник-банкрот отказывается от своей доли в квартире в пользу пережившего родителя, такое действие является правомерным и не может быть оспорено кредиторами, поскольку не затрагивает их имущественных интересов. Наследственный фонд в силу своего юридического статуса может лишь принять наследство.

Представляется, что отказ наследственного фонда от наследства должен рассматриваться как ничтожный, поскольку он противоречит природе фонда и воле наследодателя. Данное положение требует законодательного закрепления, поскольку в настоящее время отсутствие прямого указания на недопустимость отказа создает возможность различных толкований.

Если наследственный фонд не принимает наследство, возникает неопределенность относительно дальнейшей судьбы имущества. Оно может перейти к другим наследникам, наследоваться по закону либо стать выморочным. Однако такой результат не всегда соответствует воле наследодателя и может повлечь утрату предпринимательского актива как единого комплекса.

Таким образом, наследственный фонд является перспективным инструментом сохранения имущества и обеспечения преемственности управления бизнесом после смерти собственника. Его использование позволяет предотвратить дробление сложных имущественных комплексов и реализовать заранее сформированную волю наследодателя.

Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на согласование интересов наследственного фонда, выгодоприобретателей, обязательных наследников и кредиторов наследодателя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026)// // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Домшенко (Червец) Е. И. Личный фонд — новый российский правовой инструмент для управления, сохранения и передачи наследуемого имущества / Е. И. Домашенко (Червец)// Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. –№ 2.
3. Червец, Е. И. Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом / Е. И. Червец. — Москва: Статут, 2025. — 261 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
5. Мигачева, А. Ю. Особенности управления наследственным фондом / А. Ю. Мигачева, Т. М. Швецов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 10. — С. 103–107
6. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19) (ред. от 28.07.2025) [Электронный ресурс] //Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332900/

Преступления в сфере компьютерной информации: криминалистическая характеристика

Соколова Елена Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Раскрывается содержание таких элементов, как личности преступника и потерпевшего, способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, типичные следы. Отмечается специфика следообразования, обусловленная виртуальной средой.

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика, личность преступника, личность потерпевшего, способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, типичные следы, компьютерная информация, преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступления.*

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что наша цивилизация сталкивается с вызовами и угрозами, которых человечество не знало минувшие тысячелетия: жизнь людей коренным образом меняет развитие технологий и масштабная цифровизация, внедрение искусственного интеллекта, роботизация, биоинженерия и прочие процессы. Говоря о цифровой трансформации, ученые указывают на взаимную индукцию, «когда технологии взаимно ускоряют развитие друг друга» [1]. Перечисленные явления, с одной стороны, несут положительные перемены, открывая новые возможности и перспективы, с другой стороны — создают практически неограниченное пространство для причинения вреда сложившимся общественным отношениям: разрабатываются новые методы ведения войн (в том числе информационных), возникает угроза правам и свободам, охраняемым законом интересам, происходит трансформация преступности, ее перенос в пространство сети «Интернет».

История криминалистической характеристики преступлений началась задолго до формирования терминологической основы. Это обусловлено тем, что сперва должны возникнуть соответствующие общественные отношения, явления и процессы — некая проблема, которая впоследствии становится предметом научных исследований; затем появляется соответствующие категории. Так, уже в XIX веке в силу развития следственной практики стала очевидной необходимость упорядоченного подхода к расследованию. Существенный вклад в генезис криминалистической характеристики преступлений внесли Людвиг фон Ягеманн и Ганс Гросс.

Впервые термин «криминалистическая характеристика» был упомянут российским и советским ученым-правоведом П. И. Люблинским в 1927 году. При этом дискуссия о том, что представляет собой криминалистическая характеристика преступлений, на протяжении нескольких десятилетий остается одной из неразрешенных в отечественной криминалистике. Одни исследователи настаивают на ее незаменимой роли в построении частных методик расследования, другие объявляют ее «фантомом», не способным ответить на запросы следственной практики. Эта полярность мнений сама по себе показательна: она указывает на то, что речь идет не о рядовом терминологическом разногласии, а о столкновении фундаментальных идей и представлений о том, как научное знание должно служить целям уголовного преследования.

Анализируя основы возникновения и развития криминалистической характеристики преступлений, А. А. Бессонов приходит к выводу, что значительная часть отечественных исследователей определяет ее как «научно разработанную на основе судебно-следственной практики систему, включающую в себя совокупность взаимосвязанных сведений о криминалистически значимых признаках данного вида преступлений, отражающую закономерные связи между ними и предназначенную обеспечить успешное решение задач их раскрытия, расследования и предупреждения» [2, с. 2609].

На сегодняшний день учеными выделяются следующие элементы криминалистической характеристики преступления: исходная информация; личности преступника и потерпевшего; предмет преступного посягательства; мотивы и цели; особенности подготовки к преступлению, данные о способах совершения и сокрытия преступлений; обстановка (условия) совершения преступления; следы преступления и механизм их образования; типичные последствия и др.

Говоря о взаимосвязи элементов криминалистической характеристики, необходимо отметить, что рассматриваемая категория имеет не только внутренние взаимосвязи и взаимозависимости, но и связи с другими категориями криминалистической науки. Например, А. М. Кустов справедливо подмечает тесную связь и взаимодействие механизма преступления с иными базовыми научными понятиями криминалистики: «предметом криминалистики, следственной ситуацией, механизмом следообразования и криминалистической характеристикой преступления» [3, С. 135].

Для новых видов преступлений разработка криминалистических характеристик еще ведется. Они создаются по мере накопления эмпирического материала и изменения преступности. В. В. Поляков к основным структурным элементам и содержанию криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений относит: «способ преступления, субъекта, объект и предмет преступного посягательства, мотивацию и целеполагание, обстановку, следовую картину, средства преступления, латентность, противодействие расследованию, особенности глокализации, иные структурные элементы» [4].

А. В. Нестеров пишет о четвертом этапе развития криминалистики (криминалистика 4.0) [5, с. 119], связанном с процессами цифровизации. Подобный подход представляется нам целесообразным, поскольку криминалистика должна отвечать требованиям современности и оперативно реагировать на изменения преступности.

На сегодняшний день преступления в сфере компьютерной информации образуют самостоятельную группу уголовно наказуемых деяний, предусмотренных главой 28 УК РФ. Преступления в сфере компьютерной информации можно определить как общественно опасные деяния, которые посягают на безопасность производства, хранения, использования или распространения компьютерной информации и информационных ресурсов.

Примечательно, что неправомерный доступ к компьютерной информации криминализирован в большинстве стран мира (93 %) [6]. Таким образом, на мировом уровне подход к этому деянию довольно унифицирован.

В. Ф. Щепельков подчеркивает, что нормы главы 28 «охраняют компьютерную информацию вне зависимости от ее содержания» [7].

Системообразующим элементом криминалистической характеристики выступает личность преступника. Криминалистический портрет современного киберпреступника неоднороден. Типичный субъект — это молодой мужчина до 30 лет, ранее не судимый, проживающий в городе, не состоящий в браке, обладающий высокими техническими навыками. Встречаются и несовершеннолетние («скрипткидди»), использующие готовые инструменты, созданные более опытными преступниками. Среди психологических особенностей выделяют техническую грамотность, абстрактное мышление, склонность к виртуальному общению и правовой нигилизм. Мотивация разнообразна: от корыстной и игровой до идеологической и хулиганской. В научной среде подчеркивается некорректность отождествления всех преступников с «хакерами», так как хакер может быть законопослушным специалистом; для лиц, ломающих системы со злым умыслом, предлагается применять термин «крэкеры» (от англ. crack — «расколоть») [8].

Способ совершения преступления в сфере компьютерной информации включает систему действий по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию следов. Подготовка может включать изучение объекта,

поиск уязвимостей, создание или приобретение вредоносного програмного обеспечения (малвари), получение учетных данных (фишинг, претекстинг) и обеспечение анонимности (VPN, прокси-серверы, даркнет).

Способы непосредственного совершения классифицируются по характеру доступа: физический (непосредственный), удаленный (через сети) и комбинированный. Выбор способа зависит от защищенности системы и навыков субъекта. Например, для ст. 272 УК РФ характерен взлом защиты, перехват данных или использование чужих учетных записей, а для ст. 273 УК РФ — написание или модификация вредоносных программ.

Отдельного внимания заслуживает криминогенный потенциал искусственного интеллекта, который может быть использован для написания вредоносных программ, создания и распространения фишинговых сообщений, обработки массивов персональных данных и т. д.

Сокрытие следов включает удаление логов, шифрование данных, уничтожение носителей и иные меры.

Обстановка совершения преступления характеризуется рядом уникальных черт. Место совершения преступления часто не совпадает с местом наступления общественно опасных последствий. Местом совершения преступлений в сфере компьютерной информации является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава. Обстановка объединяет материальный мир (серверы, ПК) и виртуальное пространство (Clearnet, Deepweb, Darkweb). Территориальная разрозненность преступника, жертвы и соучастников осложняет расследование, поскольку деяния зачастую являются транснациональными.

Время совершения преступления часто выбирается с учетом низкой активности пользователей и администраторов (ночные часы, выходные и праздничные дни), хотя автоматизированные программы могут действовать круглосуточно.

Типичные следы преступлений в сфере компьютерной информации существенно отличаются от традиционных. Наряду с материальными (в том числе отпечатки пальцев и ДНК, оставленные на технике) и идеальными (например, память свидетелей) следами, ключевую роль играют цифровые (виртуальные) следы. К ним относятся: IP-адреса, MAC-адреса, дампы оперативной памяти, cookie-файлы, история браузера, переписки и log-файлы, фиксирующие время создания и изменения файлов. Изъятие и фиксация таких следов требуют специальных познаний. Основными способами фиксации являются протоколирование (с указанием IP/MAC-адресов, приложением носителей), фотографирование (скриншоты) и видеосъемка экрана.

Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации представляет собой динамично развивающуюся систему. Знание корреляционных зависимостей между ее элементами (например, уровень подготовки преступника определяет сложность способа, а способ — характер цифровых следов и т. д.) позволяет следователю на первоначальном этапе выдвигать обоснованные версии и планировать расследование. В условиях стремительного развития технологий, включая использование преступниками искусственного интеллекта, криминалистическая характеристика преступлений требует постоянной адаптации и дальнейшей научной разработки, в том числе в направлении создания цифровых моделей преступлений с учетом взаимосвязи их элементов, а также внедрения искусственного интеллекта для анализа больших данных о преступлениях.

Литература:

1. Дмитрик, Н. А. Частное, публичное, цифровое: в поисках системы координат для права / Н. А. Дмитрик. — Текст: непосредственный // Закон. — 2023. — № 12.
2. Бессонов, А. А. Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений / А. А. Бессонов. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 11.
3. Кустов, А. М. Криминалистическая характеристика преступлений и механизм преступления / А. М. Кустов. — Текст: непосредственный // Воронежские криминалистические чтения: Сборник научных трудов. — 2005. — № 6.
4. Поляков, В. В. Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений / В. В. Поляков. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 7.
5. Харисова, З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / З. И. Харисова. — Текст: непосредственный // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2025. — № 2 (108).
6. Грачева, Ю. В. Преступления в сфере компьютерной информации: критический взгляд / Ю. В. Грачева, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. — Текст: непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 4.
7. Щепельков, В. Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ) / В. Ф. Щепельков. — Текст: непосредственный // Уголовное право. — 2023. — № 6.
8. Жижина, М. В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам российских и зарубежных источников) / М. В. Жижина, Д. В. Завьялова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 17 (5).

Правовая характеристика налоговых правонарушений за неисполнение обязанности по уплате налогов и сборов

Сосламбеков Майрбек Бесланович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена правовой характеристике и мерам ответственности за неуплату налогов и сборов. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью налоговых поступлений в формировании бюджетов всех уровней. В условиях цифровизации экономики и модернизации налогового контроля особую значимость приобретают вопросы квалификации данных деяний, четкого разграничения налоговой, административной и уголовной ответственности, а также поддержания баланса частных интересов налогоплательщиков и публичных интересов государства.

Ключевые слова: *налоговые правонарушения, неисполнение обязанности по уплате налогов и сборов, налоговая ответственность.*

Legal characterization of tax offenses involving failure to fulfill the obligation to pay taxes and levies

This article examines the legal nature of, and the measures of liability for, the non-payment of taxes and levies. The relevance of this study stems from the pivotal role that tax revenues play in funding budgets at all levels. In the context of an increasingly digital economy and the modernization of tax oversight, it becomes particularly important to properly classify such offenses, clearly distinguish between tax, administrative, and criminal liability, and maintain a balance between the private interests of taxpayers and the public interests of the state.

Keywords: *tax offenses, failure to fulfill the obligation to pay taxes and levies, tax liability.*

Согласно ст. 106 НК РФ, налоговым правонарушением считается деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое предусмотрена юридическая ответственность [1]. Как отмечает профессор Ю. А. Крохина, законодатель объективно не способен уместить в одну дефиницию исчерпывающий перечень признаков всего многообразия нарушений в налоговой сфере — определение должно оставаться универсальным и удобным для правоприменения [2].

Состав налогового правонарушения идентичен другим видам правонарушений, в него включены — объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Термин можно увидеть в ст. 101 и ст. 101. 4 НК РФ.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного статьей 122 НК РФ, присутствует независимо от того, кем именно были обнаружены неуплата или неполная уплата налога. Данный факт может быть выявлен как сотрудниками инспекции в ходе выездной или камеральной проверки, так и налогоплательщиком самостоятельно — например, по результатам внутреннего контроля, ревизии или привлечения внешних аудиторов. Однако порядок привлечения к ответственности в этих ситуациях различается:

— При самостоятельном обнаружении ошибки лицо полностью освобождается от налоговой ответственности, если оно добровольно внесло необходимые изменения в декларацию и доплатило налог с пенями в соответствии со статьей 81 НК РФ.

— При выявлении нарушений в ходе камеральной проверки налоговый орган направляет нарушителю требование об уплате недоимки и пеней, а взыскание штрафных санкций по статье 122 НК РФ в данном случае производится исключительно в судебном порядке.

Субъектами налогового правонарушения по ст. 122 НК РФ выступают не только сами налогоплательщики, но и налоговые агенты иные лица. Если такое нарушение совершено физическим лицом, штрафные санкции применяются лишь при отсутствии в его действиях состава уголовного преступления (ст. 198, 199–199.2 УК РФ) [3]. При этом наказание организации не снимает ответственности с ее руководителя или других должностных лиц с управленческими функциями — при наличии оснований их могут привлечь к административной, уголовной или иной ответственности по закону.

Субъективная сторона рассматриваемого состава правонарушения характеризуется как умыслом, так и неосторожностью. При выявлении хотя бы одного смягчающего обстоятельства (согласно п. 1 ст. 112 НК РФ) размер санкции снижается не менее чем в два раза.

Объектом налогового правонарушения выступает установленный законодательством порядок исчисления, удержания и перечисления налоговых платежей в бюджетную систему. При совершении данного деяния виновное лицо нарушает комплекс норм, включая статьи 9, 23, 24, 46 и 47 НК РФ. В качестве непосредственного объекта правонарушения здесь рассматриваются правоотношения, возникающие в процессе выполнения налоговым агентом его законодательных обязанностей по удержанию налогов у налогоплательщика и их последующему перечислению в бюджет.

Применение административной ответственности за правонарушения в сфере налогов и сборов ограничено исключительно штрафными санкциями карательного характера, так как законодательство об административных правонарушениях не содержит механизмов правовосстановительного воздействия.

Физические лица привлекаются к уголовной ответственности за нарушение налогового законодательства только в том случае, если их действия представляют повышенную общественную опасность и квалифицируются как преступление. В качестве наказания за подобные деяния уголовный закон предусматривает обязательные работы, запрет на занятие определенных должностей или ведение конкретной деятельности, а также лишение свободы.

За нарушение налогового законодательства в зависимости от характера и степени тяжести деяния могут применяться меры налоговой, административной или уголовной ответственности. Тем не менее в юридической науке нет единого мнения: большинство ученых рассматривают ответственность по НК РФ как разновидность административной, в связи с чем вопрос о ее самостоятельности остается дискуссионным. Для разрешения этой проблемы целесообразно соотнести понятие налоговой ответственности с такими смежными правовыми категориями, как меры государственного принуждения, наказание и санкция.

Меры государственного принуждения представляют собой широкую категорию, которая включает в себя не только юридическую ответственность, но и превентивные меры, меры пресечения, а также правовосстановительные меры. Сама юридическая ответственность является одним из видов такого принуждения: она неразрывно связана с претерпеванием виновным лицом определенных лишений и наступает исключительно за совершение противоправного деяния. В свою очередь, наказание выступает непосредственной мерой юридической ответственности и может применяться только в рамках процесса привлечения к ней.

Соответственно, юридическим основанием налоговой ответственности является налоговое правонарушение — виновно совершенное противоправное деяние (ст. 106 НК РФ). В то же время, с процессуальной точки зрения, основанием для реализации этой ответственности выступает акт правоприменения — решение налогового органа о привлечении к ответственности, вступившее в силу (ч. 3 ст. 108 НК РФ). В связи с этим обоснованным представляется мнение Ю. В. Тютиной, согласно которому с формально-юридической точки зрения закрепление налогового правонарушения в нормах НК РФ позволяет разграничить и утверждать самостоятельность налоговой ответственности как вида юридической ответственности [4].

Больше всего схожих признаков налоговая ответственность имеет с административной ответственностью (по КоАП РФ [5]), это обусловлено административной (властной, принудительной) природой налоговых правоотношений.

Таким образом, правовая характеристика налоговых правонарушений, связанных с неуплатой налогов и сборов, базируется на принципах виновности, противоправности и дифференциации ответственности в зависимости от формы деяния. Российское законодательство выделяет три ключевых вида юридической ответственности за нарушения в сфере налогов и сборов: налоговую, административную и уголовную. Каждая из них наступает на основании специальных нормативных актов, которые четко определяют составы правонарушений и конкретные санкции за несоблюдение налоговых обязательств.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3824.
2. Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник для вузов / Ю. А. Крохина. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63 ФЗ (УК РФ) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Тютина Ю. В. Правовое регулирование налоговой ответственности в Российской Федерации: Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14. — Москва, 2002.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195 ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1, ст. 1.

6

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.11.2026. Дата выхода в свет: 25.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.